

Зафар Гулиев

Азәрбайджан
после Гейдара Алиева

REGNUM
Москва 2011

УДК 323 (479.24)
ББК 66.3 (5 Азе)
Г94

Зафар Гулиев

Г94 Азербайджан после Гейдара Алиева. М.: REGNUM, 2011. 192 с.
ISBN 978-5-91887-016-7

Зафар Гусейн оглы Гулиев родился в Гяндже в июле 1951 года. В 1978 году окончил с отличием Институт русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова в Баку. В 1985 году в Харькове защитил кандидатскую диссертацию по философии. С 1986 по 1990 преподавал философию в Бакинской Высшей Партийной Школе при ЦК КПСС, до 1998 читал лекции по философии, политологии и социологии в высших учебных заведениях Баку. В 1990–1998 работал старшим, а затем ведущим научным сотрудником в Институте философии и права Национальной Академии Наук Азербайджана. В 1996–1999 — соучредитель и главный редактор журнала *Caspian Basin*. В 1995–2010 — политический эксперт, руководитель аналитической службы, редактор ежемесячного бюллетеня «Политический мониторинг Азербайджана» в независимом Информационном агентстве ТУРАН. В настоящее время — главный консультант азербайджанской газеты «Азадлыг» и обозреватель российского Информационного агентства REGNUM. Женат, имеет двоих сыновей. Живет в Баку.

УДК 323 (479.24)
ББК 66.3 (5 Азе)

ISBN 978-5-91887-016-7

© З. Г. Гулиев, текст, 2011
© М. Е. Бороздинский, оформление, 2011
© ИА REGNUM, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Выборы по-азербайджански	7
«Вождь в законе»?!	15
Ave, Caesar... ..	20
Имитационные маски власти	25
«Лилипутократия»	31
О нашей политментальности	36
Нефтяной шанс Азербайджана	41
Свобода слова или «молчание ягнят»?!	48
Кризис или дискредитация демократии?	54
В поисках новой конфигурации безопасности Кавказа	58
Власть «коллективного Алиева»	63
В тупике клептократии	68
Полуупразднённая независимость	71
«Кейблгейт»: глобальная провокация или виртуальная революция?!	75
Президент мне друг, но истина дороже	80
Азербайджан и Совет Европы: игры в демократию	83
Лидеры СНГ в погоне за долголетием	90
Фактор первой леди	94
«Карабахский цугцванг»	99
Карабахская проблема: имитация войны и мира	106
Путь в «тоталитарный муравейник»?!	111
«Призрак революции» бродит по Азербайджану	114
Кризис доверия	120
Или реформы — или революция	125

Четвёртый президент Азербайджана	129
От «исламской угрозы» к «исламской демократии»?!	136
«Друзья» и «враги» народа	144
Политическая мифологизация Запада	148
Между НАТО и Движением Неприсоединения	153
Игры в «суверенную демократию»	158
Азербайджан: долгий путь к демократии	163
В чём подлинное спасение нации?	170
Неправильная страна	175
В тисках кланократии и культа личности	180
Президентура или диктатура?	185

ОТ АВТОРА

В этой книге представлена лишь очень малая часть моих политологических и публицистических статей, опубликованных в последние годы в различных печатных и электронных СМИ (ИА REGNUM, ИА ТУРАН, «Реальный Азербайджан», Contact.az, radioazadlyg.org и т. д.). Основной массив представленных статей посвящен анализу и критическому осмыслению политических процессов в современном («постгейдаровском») Азербайджане. К моему сожалению, многие из представленных статей, по сути, «обречены» на долгое сохранение своей актуальности, поскольку в политическом облике, в политическом климате Азербайджана в последние годы не наблюдается каких-либо качественных новаций или значимых изменений к лучшему.

Было бы неверным рассматривать статьи, представленные здесь, как и сборник в целом, в каком-то «академическом» или сугубо политологическом ракурсе. Они в значительной мере совместный продукт «ума и сердца» — вдохновлены и насквозь пропитаны собственной гражданской позицией автора по всем рассматриваемым вопросам. Для меня в моих публикациях и выступлениях всегда крайне важно было не столько соответствие требованиям схоластической логики и научной беспристрастности, сколько соответствие правде жизни, голосу совести, духу искренности. И базовым ценностям — демократии, свободе, долгу, равенству, справедливости, правам и достоинству личности.

Моё неприятие, моя критика современных политических реалий Азербайджана основывается на том, что в равной мере — и как политолог, и как гражданин — я не могу мириться с тем, что явно противоречит нормам морали, права и требованиям времени.

Допускаю, что сосуществование, сращение в моих статьях политологических притязаний, публицистической заряженности и гражданской ангажированности, возможно, несколько снижает их эвристическую значимость и степень объективности. Но эти статьи, прежде всего, служили и служат иной цели — они выражают мое принципиальное несогласие с уродливыми политическими реалиями в мире и в стране, мое убежденное неприятие фальши, культа, диктата, мой личный протест против подавления прав и свобод граждан, которыми я делюсь со своими читателями. Этой цели служит и данный сборник.

Правда — вот ахиллесова пята любого недемократического режима. Правда — в словах, в делах, в оценках. По большому счёту, все диктаторские режимы — это колоссы на глиняных ногах. И эти глиняные ноги — циркулирующая на всех этажах общества круговая система лжи. Если все — один за другим — откажутся быть передаточным звеном в цепи лжи, то неизбежно рухнет и весь уродливый колосс власти. Как говорил Бальзак: «Кто осмеливается говорить, тот осмеливается и действовать». И мой долг — говорить правду!

ВЫБОРЫ ПО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИ

Не будем обманывать себя! При действующем режиме власти и при нынешнем состоянии общества выборы в Азербайджане вряд ли могут стать инструментом демократического волеизъявления избирателей в современном западном смысле этого слова. Это всего лишь имитационная политическая игра. Её суть можно попытаться уразуметь, если рассмотреть в контексте наших политических реалий особенности главного действующего игрока (власти) и сами правила этой игры, именуемой как «выборы по-азербайджански».

Наша власть

Мы уже в XXI веке и, вроде бы, притязаем на статус современной и европейской страны — в географическом, в политическом (членство в Совете Европы) и в социокультурном (отчасти) отношении. Но все эти пространственно-временные и культурно-политические координаты теряют всякий смысл при взгляде на нынешнюю азербайджанскую власть.

Наша власть — это особый политический субстрат, представляющий собой странную смесь авторитарно-деспотического, регионально-кланового, партийно-номенклатурного, тотально коррумпированного и примитивно несоветского материала. Эта власть существует как бы сама по себе и только для себя: вне конституции и законов, вне норм демократии и цивилизованного мира, вне интересов собственного народа и отдельных граждан страны. Полностью подмяв под себя и государство, и общество, наша власть выступа-

ет как самодостаточная и неограниченная (монопольная) сила — архаичный феодальный режим в псевдодемократической упаковке.

Несмотря на декларируемые либеральные ценности и декоративные внешние перемены, правящий режим в Азербайджане на практике демонстрирует откровенное неприятие демократии и приверженность неосоветским методам работы. По сути, сведены на нет все возможные формы общественного контроля и воздействия на авторитарную пирамиду власти в Азербайджане. Для нужного контроля или воздействия нет реальных политических, правовых, экономических условий: правящий режим фактически полностью поставил под свой контроль парламент, судебную систему, весь телеэфир, многие партии, НПО и газеты, а отдельные проявления инакомыслия и недовольства научился искусно подавлять или игнорировать. Незрелость гражданского общества, политический абсентеизм, рост полицейского и чиновничьего произвола, разгул коррупции, нетерпимость к инакомыслию и инакодействию, отсутствие реальной экономической конкуренции, монополизация информационного рынка, декоративная роль парламента и судов — всё это результаты многолетней целенаправленной политики Гейдара Алиева, в своеобразной форме продолженные его сыном. И эта политика направлена на то, чтобы сделать в принципе невозможным какое-либо демократическое реформирование или легитимную смену существующей системы власти.

С точки зрения перспектив либерального развития, в Азербайджане сложилась своеобразная патовая ситуация: действующая власть по-прежнему абсолютно не заинтересована в осуществлении реальных демократических перемен, а значительная часть общества, хотя и недовольна существующим положением дел, но ещё не готова (не заряжена) к активному солидарному участию в борьбе за свои неотъемлемые гражданские права. В нормальном обществе подобный «конфликт интересов» между властью и обществом решается, как правило, в ходе выборного процесса. В Азербайджане же выборы уже давно превратились в дешёвую имитационную игру, в ходе которой нелегитимная власть вновь и вновь репродуцирует саму себя, не обращая серьезного внимания на слабые, разобщённые волны протеста внутри и за пределами страны.

Ведь если взглянуть трезво в лицо ситуации, то с какой стати наша власть должна добровольно отказаться от излюбленной практики имитации и фальсификации выборов? Да, некоторое время назад она была серьёзно напугана беспрецедентно жёстким прессингом Запада, реанимацией активности оппозиции и нарастающей угрозой революционного возмездия со стороны протестной части общества. Но удачной серией до-

зированных уступок и псевдодемократических шагов, чередованием политики «кнута и пряника», а также закулисными переговорами и щедрыми откупными власть сумела перевести ситуацию в более безопасное для себя русло, и теперь, казалось бы, ничто не мешает ей проводить выборы в желаемом имитационно-фальсификационном ключе. Запад от жёсткого прессинга уже перешел на увещания и дежурную демократическую риторику, оппозиция клятвенно обещает вести борьбу только в рамках правил и законов, установленных самой этой властью, а протестная часть общества, не успев ещё поверить в возможность коренных позитивных перемен, постепенно погружается в прежний омут апатии и разочарования. При таких «благоприятных» предвыборных условиях, правомерно ли ожидать от власти отказа от привычной практики манипулирования избирательным процессом и итогами голосования? Это было бы для неё равносильно капитуляции. Ведь прецедент честных выборов не просто чужд и опасен, он абсолютно противопоказан нашему правящему режиму, поскольку независимо от результатов может вызвать непредсказуемый «эффект домино» и привести к неминуемому краху всей «алиевской» конструкции власти. Только под масштабным и комплексным давлением оппозиции, общества и Запада, только под угрозой реальной потери власти, реального наказания и возмездия наша власть может быть принуждена к подлинным, а не имитационным шагам по созданию условий для проведения честных и справедливых выборов. А взывать к чести и совести фальсификаторов — занятие глупое и бесплодное.

Как, впрочем, и постоянные апелляции к иррациональному понятию «воля президента». Это в устах не только наших представителей власти, но и многих западных эмиссаров стало, по сути, главным доводом в пользу демократичности выборов. Нелепый с практической и правовой точки зрения указ президента от 11 мая, предписывающий всех выполнять нормы Конституции и Избирательного кодекса, возводится некоторыми чуть ли не на уровень библейской заповеди и рассматривается как убедительное доказательство подлинной заинтересованности власти в честных выборах! Не знаешь, чего тут больше — политической наивности или лицемерного цинизма? Выходит, если бы подобный указ не последовал, то нормы Конституции и Избирательного кодекса дозволялось бы нарушать?

Сегодня и официальная пропаганда, и некоторые западные эмиссары судьбу выборов и демократии в Азербайджане пытаются увязать с волей президента: мол, глава государства известным указом от 11 мая продемонстрировал всем свои «хорошие намерения», обещал честные выборы, а посему нет

оснований для сомнений и беспокойства. Более чем странная система рассуждений. К тому же косвенно оправдывающая авторитаризм (неомонархию) и в корне противоречащая самому духу демократии. Выходит, нет принципиальной необходимости в совершенствовании избирательного законодательства, в изменении состава комиссий, в осуществлении общественного контроля над выборами, в создании эффективной системы сдержек и противовесов, ибо президент издал некий указ, обещающий честные выборы. А разве на предыдущих выборах, итоги которых тотально фальсифицировались, наши первые лица обещали нечто другое?

Конечно, воля президента в авторитарной (неомонархической) системе власти зачастую перевешивает и голос общества, и нормы законодательства, и каналы институционального влияния. И если предположить на миг нечто фантастическое, что президент и его влиятельное окружение действительно дадут императивную установку на проведение честных выборов, то разве это приблизит нас к демократии? Ведь над членами комиссий, исполнительными структурами, официальными СМИ, судебными и полицейскими органами будет, как и ранее, довлеть только воля президента, а не Закон, долг и интересы общества. Позволительно спросить, как бы сами американцы или европейцы отнеслись к тому, чтобы и в их странах воля президента доминировала над всеми инстанциями и признавалась бы исчерпывающим аргументом в решении многих проблем? Таковую ли схему эволюционного продвижения к демократии готовит нам Запад?

В последнее время всё чаще звучивается странная формула «хороший президент, но плохая команда» (посол США и другие). Мол, президент заинтересован в осуществлении честных выборов и демократических перемен в стране, но одиозная «старая команда» всячески мешает ему в этом деле. Слушая подобную галиматью, так и хочется сказать: господа, можете считать нас туземцами, не заслуживающими демократии, но хотя бы не отказывайте нам в элементарном здравом смысле.

Если президент хороший, то почему он уже столько лет мирится с существованием плохой команды и позволяет этой команде портить его благие прожекты и начинания? С другой стороны, если «хороший президент» просто бессилён избавиться от «плохой команды» и не способен мешать им творить нехорошие дела, то в таком случае как он способен реализовать свой указ от 11 мая и обеспечить честные выборы? Как же быть тогда с пресловутой волей президента, к которой вы так часто апеллируете? Где гарантия, что воля «хорошего президента» перевесит в ходе выборов коллективную волю «плохой команды»? Да и что означает формула «хороший президент»? Хороший для кого? И в чём это реально проявляется? В насаж-

дении масштабного культа собственного отца? В реанимации тоталитарной советской практики управления обществом? В потворстве коррупции, лести, фальши, полицейскому и чиновничьему произволу? В эскалации «чёрного пиара» и грязных политических технологий? В следовании прежней имитационной политике, облегчающей режиму задачу фальсификации выборов?..

Наши правила игры

Некоторые полагают, что наши выборы представляют собой игру без правил. Но это не совсем так: даже самой примитивной игре свойственны какие-то правила. Видимо, подобное заблуждение возникает из-за того, что наши выборы пытаются осмыслить и интерпретировать в контексте иных (писанных, демократических, цивилизованных) правил, которые не имеют никакого отношения к выборной игре, осуществляемой нашей властью. Ведь каждая игра предполагает набор специфических собственных правил, к которым уже успели адаптироваться и игроки, и зрители, и судьи. Любая попытка кардинального пересмотра привычных правил или их подмены правилами иной игры может привести к совершенно комичному эффекту и даже полностью разрушить внутреннюю логику, мотивацию и саму суть данной игры. Представляете, что получится, если хоккейные состязания оценивать по нормативам фигурного катания, традиционную рулетку вести по канонам «русской рулетки» или наши футбольные матчи проводить по правилам американского футбола (правда, наш футбол нелеп при любых правилах игры)? Каждая игра по-своему самобытна и имеет свои неповторимые правила. В том числе и такая имитационная игра, как «выборы по-азербайджански».

При поверхностном взгляде наша имитационная игра похожа на классическую выборную игру, столь популярную в демократическом мире: по сути, тот же набор игроков, та же процессуальная и техническая атрибутика, то же риторическое и терминологическое оформление, примерно те же основополагающие писанные правила... Но за этой внешней видимостью и имитационной оболочкой скрывается суть совершенно иной игры.

Прежде всего, существенные отличия начинаются уже на уровне целевой сути, мотивационной направленности и самой «философии» игры. Нормальные выборы — это серьёзная политическая игра, цель которой — обеспечить легитимную избираемость и сменяемость выборных органов (президента, парламента, муниципалитета), а также их подконтрольность обществу.

То есть нормальные выборы представляют собой интригующую, непредсказуемую, зрелищную игру, в которой соискатели на тот или иной пост соревнуются друг с другом за то, чтобы завоевать голоса избирателей, выступающих в роли главного арбитра (жюри). В соответствии с этой целью, выстраивается сложная система правил, чтобы обеспечить более честный характер данной игры, усилить внутреннюю интригу процесса, сделать изначально непредсказуемым итоговый результат.

У нас же всё обстоит иначе. Наша игра в «выборы по-азербайджански» направлена на то, чтобы сделать в принципе невозможным легитимную избираемость и сменяемость выборных органов, не допустить их подконтрольности обществу. По сути, наши выборы — это имитационная игра-перевертыш: внешне она напоминает (пародирует) нормальные выборы, но при этом имеет совершенно иные цели, мотивацию и свод неписаных регулирующих правил. В этой изощрённой игре также имитируется борьба соискателей на тот или иной пост, в те или иные органы, но в роли подлинного арбитра (жюри) выступают не избиратели, а действующая власть, выбирающая фактически сама себя. В соответствии с подобной «философией», выстраивается параллельная система неписаных правил, призванная обеспечить имитационный характер и фальсифицированные итоги данной выборной игры.

Игра в «выборы по-азербайджански» — одно из главных творений «алиевской власти». При первом и втором президентах страны (Аязе Муталибове и Абульфазе Эльчибее) выборные игры представляли собой странный симбиоз прежнего советского опыта и новых тенденций стихийной демократии. И хотя при тех президентах также предпринимались реальные попытки имитационно-фальсификационной коррекции сути и результатов избирательного процесса, тем не менее это были вариации классической игры в нормальные выборы, но не «выборы по-азербайджански». В то время эта имитационная игра и не могла сложиться: для этого нужна была иная власть и иное состояние общества.

Даже «злому гению» Гейдара Алиева, изобретателю этой изощренной имитационной игры, понадобились годы для того, чтобы полностью адаптировать общество и основных игроков (власть, оппозицию, электорат, а отчасти и Запад) к такому новому феномену, как «выборы по-азербайджански». Ведь уникальность этой игры в том, что она осуществима только при специфическом состоянии власти и общества, при особых социально-политических и нравственно-психологических условиях. Иными словами, для игры в «выборы по-азербайджански» необходимы специфический феномен «нашей

власти», особое состояние «нашего общества» и приемлемая («толерантная») внешнеполитическая атмосфера.

«Алиевская власть» весьма преуспела в создании всех необходимых условий и очень быстро сумела навязать обществу, а отчасти и Западу собственную модель имитационной выборной игры. Последние парламентские и президентские выборы стали апофеозом игры в «выборы по-азербайджански», в которой мы достигли почти что совершенства.

Неписанные правила этой выборной игры весьма просты, хотя и требуют железной воли и определённого имитационного мастерства. Поскольку «выборы по-азербайджански» — это игра-перевертыш, кривое зеркальное отражение демократических выборов, то главный игровой принцип здесь один: делать всё наперекор тому, что характерно для нормального выборного процесса, практикуемого в цивилизованном мире. То есть на словах надо имитировать приверженность правилам и нормативам демократических выборов, а на деле — шаг за шагом осуществлять сценарный план фальсификационной игры.

Сегодня нас пытаются убедить, что новый избирательный процесс не станет повторением прежней имитационной игры и пройдет в режиме подлинной демократии. С чего бы это? Только потому, что этого хочет оппозиция, часть протестного электората и определённые круги Запада? Но одного хотения ещё очень мало. Что реально сделано для того, чтобы не допустить в очередной раз «выборы по-азербайджански», чтобы сломать или заблокировать имитационно-фальсификационные планы правящего режима? Почему вдруг новые выборы должны стать другими? Или это не та же «наша власть», не то же «наше общество», не та же «наша оппозиция» и не тот же прагматический внешний фон?

Давайте посмотрим, изменилось ли что-либо в политическом климате страны, а также в «философии» и практике нашей выборной игры после известного указа президента? К сожалению, вместо необходимых качественных изменений произошли лишь некоторые количественные изменения, которые не коснулись имитационно-фальсификационной сути нашей выборной игры. Если бы указ президента не носил имитационный характер, то следовало бы ожидать целой серии реформаторских шагов, направленных на оздоровление общей предвыборной ситуации в обществе и создание реальной базы для проведения честных выборов. Но где подобные шаги? Инициирован ли реальный диалог со всеми политическими силами в стране? Осуществлены ли конкретные действия по реанимации в обществе и за рубежом доверия к власти и к выборам? Отстранены ли прежние фальсификаторы от контроля и участия в выборном процессе? Пересмотрены ли составы избирательных

комиссий в направлении обеспечения большей объективности? Обеспечен ли реальный заслон вмешательству полиции и исполнительной власти в избирательный процесс? Предоставлены ли действительно равные права и возможности всем кандидатам в депутаты? Да и вообще, в чём нашло своё конкретное, действенное воплощение президентское обещание честных выборов? ... Ответ очевиден: ни в чём.

Можно ли поверить в возможность иной выборной игры и в возможность реализации указа президента, видя в команде, которой доверена судьба выборов, всё те же мракобесные типажи, слыша их мракобесные речи? Физиогномика, быть может, и несерьёзная наука, но порой достаточно одного взгляда на лица многих персон во власти, чтобы усомниться в её благих и демократических намерениях. Что же говорить об убогой вербальной стороне их визитной карточки, о их реакционных взглядах, речах и делах? С такой ли командой нам прочат честные выборы и эволюционное продвижение к демократии? И что может быть отвратнее, когда подобные люди говорят о демократии?

Истина в том, что президент и его команда, несмотря на все их имитационные заявления, верны прежнему фальсификационному курсу. Вся предвыборная пропаганда властных структур строится на тезисе о неизменности политики «общенационального лидера» Гейдара Алиева. А отсюда напрашивается вывод и о неизменности «алиевской» имитационной игры в «выборы по-азербайджански». По крайней мере, до тех пор, пока само общество активно не воспротивится подобным имитационным играм.

(«Реальный Азербайджан», 2006)

«ВОЖДЬ В ЗАКОНЕ»?!

Новый 2007 год ознаменовался целой серией сюрпризов, представляющих значительный интерес. Вначале власть подарила народу 8-дневные зимние каникулы, погрузив общество в безмятежное праздничное состояние. Затем она обнародовала шоковое решение о повышении цен, и вся постпраздничная энергетика людей была растрчена на «переваривание» этой негативной новации. Но так уж получилось (или намеренно планировалось), что из-за каникулярной паузы и ценового шока абсолютно вне сферы активного внимания общества и СМИ остался другой новогодний сюрприз нашей власти: речь идёт об указе президента от 29 декабря 2006 года, предписывающем создание в Баку особого «Центра Гейдара Алиева». В обоснование данного решения в президентском указе отмечается: «Основоположник независимой азербайджанской государственности Гейдар Алиев, подарив нам столь глубокую философскую концепцию, как азербайджанство, неоднократно завещал беречь азербайджанский язык, историю Азербайджана, азербайджанскую культуру и национальные духовные ценности. В нашей стране ведется огромная работа в рамках идеологии азербайджанства, однако ощущается необходимость в системной координации этой работы из единого центра». И далее: «В целях глубокого изучения, широкой пропаганды и всестороннего развития философии государственности и идеологии азербайджанства Гейдара Алиева постановляю создать в Баку Центр Гейдара Алиева».

Действительно, история имеет нехорошее свойство повторяться, и при том как фарс. Казалось бы, остались уже далеко позади грандиозные в своей нелепости и нелепые в своей грандиозности идеологические проекты типа: институты марксизма-ленинизма, партийные школы, комсомол, теории на-

учного коммунизма, ленинские семинары и т. д. Но не тут-то было. Нас упрямо вновь возвращают к убогим реалиям тоталитаризма. Итак, мало было памятников, мемориалов, фондов, музеев, дворцов, улиц, парков, площадей, культурных и промышленных объектов, орденов, премий в честь почившего диктатора. Теперь взялись за сознание общества, за сферу науки, культуры и идеологии. Вот мы и дожили до создания особого идеологического центра по пропагандистскому зомбированию общества в духе теории и практики «гейдаризма». После морального и материального обнищания самое время для идеологического оболванивания общества.

В стране за годы президентской деятельности И. Алиева была проведена (и, наверно, будет продолжаться) грандиозная работа по превращению Азербайджана в уникальную пирамиду с кодовым названием Гейдар Алиев. Во всех населенных пунктах уже возведены и возводятся памятники, школы, проспекты, парки, музеи и прочие объекты имени Гейдара Алиева. Поскольку президент И. Алиев очень любит поездки по селам и городам, то на материале частых его поездок зародилась традиция, в которой главное место отводится наращиванию культа личности отца. Он, конечно же, и далее будет ездить по стране, и, соответственно, будет продолжаться строительство «пирамиды Гейдара Алиева». Уже который год развертывается нелепый процесс превращения Азербайджана в экзотическую музейную резервацию однотипных памятников. Но, видимо, всего этого недостаточно для удовлетворения культовых планов тех, кто во власти, и они, обратив взоры на советское прошлое, решили использовать этот опыт в деле идеологического зомбирования сознания граждан и «фараонизации» духовной жизни страны. Должно быть, так им представляется «модернизация по-азербайджански».

Одним словом, наступает новый этап в развитии культа личности — идеологическая фаза внедрения «священного образа отца» в сознание азербайджанцев в качестве важной процедуры их зомбирования. Тем самым страна вступает в новую полосу фальсификационного развития: если в рамках советской системы история и культура Азербайджана перекраивались под влиянием коммунистической идеологии, то теперь аналогичный процесс будет происходить в лоне развития культа личности Гейдара Алиева, который фактически обрёл статус «вождя в законе». Создание особого Центра, с целью системного насаждения идеологии «гейдаризма», однозначно перекрывает реформаторский путь развития Азербайджана и, по сути, открывает лишь одну перспективу — превращения страны в аналог северокорейского общества. С той лишь разницей, что вместо нелепой, примитивной, но по-своему систематизированной идеологии «Чучхе», будет навязываться обществу ещё более

нелепая, примитивная и к тому же не существующая в систематизированном виде идеология «гейдаризма».

Не подлежит сомнению, что реализация основных целей президентского указа предполагает сосредоточение в «Центре Гейдара Алиева» всего научно-го потенциала страны. По имеющейся информации, либо почти все институты Академии Наук будут переподчинены Центру и станут работать на реализацию культа «гейдаризма», либо вокруг Центра начнет выстраиваться новая сеть исследовательских и идеологических учреждений (по аналогии с Академией общественных наук при ЦК КПСС), с перекачкой в них значительных средств и кадрового потенциала. И в том, и в другом случае это означает либо быструю (в первом случае), либо медленную (во втором варианте) смерть Академии Наук, а по большому счёту — и всей азербайджанской науки, которая и так уже давно находится в предсмертной агонии.

Почему-то общественность и СМИ почти не обратили внимание на опасную затею власти с созданием особого Центра Гейдара Алиева. Между тем для перспектив страны эта инициатива представляет, быть может, даже большую угрозу, чем шоковое повышение цен. Ведь если негативы «ценовой экзекуции» населения со временем могут быть как-то смягчены или компенсированы, то последствия надвигающейся «духовной экзекуции» способны отбросить нас далеко назад и нанести обществу неизгладимый урон. Здесь нет преувеличения. Ведь речь, по сути, идёт не о создании какого-то локального частного центра, решающего локальные, частные задачи. В президентском указе перед Центром поставлены глобальные цели обеспечения *«глубокого изучения, широкой пропаганды и всестороннего развития философии государственности и идеологии азербайджанства Гейдара Алиева»*. Речь идёт о реанимации идеологической машины тотального оболванивания и зомбирования сознания граждан, о тотальном построении и насаждении идеологии «гейдаризма», призванной сцементировать устои разлагающейся власти.

Итак, усилиями президента Ильхама Алиева (продолжателя дела «великого кормчего») и его «духовного гуру» Рамиза Мехтиева («азербайджанского Суслова») мы вернулись вновь в тоталитарный идеологический тупик. Правда, на более примитивном, фарсовом уровне — место импозантного марксизма-ленинизма норовит занять убогий «гейдаризм».

Безусловно, всё это идеологические проделки Рамиза Мехтиева, с его идей фикс — проектом модернизации Азербайджана на базе «гейдаризма» и реанимации элементов тоталитарно-советского опыта. Неужели авторы этого нелепого проекта полагают, что им удастся то, что не удалось другим, — пере-

хитрить саму историю? Мол, не вышло с марксизмом, сталинизмом, ленинизмом, маоизмом и пр., авось что-то получится на базе гейдаризма. Нет, не получится, господа! Не тот проект, не те времена, да и база, согласитесь, не та. Не говоря уже об авторах и исполнителях этого архиглупого фарса.

Произвольно сращивая либерализм и консерватизм, демократию и тоталитаризм, рыночную экономику и социализм, глава государства и глава его администрации всё время пытаются обосновать жизнеспособность особой («алиевской») модели модернизации Азербайджана. Между тем на поверку она представляет собой какой-то дикий конгломерат, безумный симбиоз прошлого советского опыта и достижений современной западной цивилизации, реалий северокорейской модели и имитационных вкраплений из южнокорейской практики. То есть архаично-примитивное (советское, туркменское или северокорейское) нутро облачают в современную (западную или южнокорейскую) форму и рассчитывают достичь успеха в деле модернизации. Всё это сильно напоминает попытки оживления или маскировки трупа посредством дорогого макияжа и переодевания его в яркие и модные наряды. Ну а как же трупный смрад?

Мы часто говорим об отсутствии в словах и делах нашей власти последовательной логики. Это не совсем так. Наша власть по-своему последовательна и логична. Просто негоже к ненормальной власти подходить с позиций нормальной логики. В «королевстве кривых зеркал» может иметь место только искаженная, «кривая логика». И такая логика есть: она просматривается во всех словах, делах и проектах нашей власти. Исходя из логики жизни современного цивилизованного мира, мы в ответ на те или иные одиозные действия власти всё время недоуменно вопрошаем: почему режим столь агрессивно нетерпим к демократии, плюрализму, проявлениям свободы мысли, слова и собраний? Почему он в корне не приемлет наличие реальной оппозиции, феномен честных выборов, развитие свободного предпринимательства, существование конкурентной борьбы во всех сферах общества? Почему он столь заинтересован в материальном и духовном обнищании основной части населения? С точки зрения нормальной логики, адресованной к нормальной власти, стремящейся адаптировать себя к требованиям современного мира и к запросам общества, — всё это действительно может порождать недоуменные вопросы.

Но в контексте тоталитарной логики нашего «королевства кривых зеркал» всё предельно стройно, объяснимо и очень последовательно. Разве не так поступали все тоталитарные режимы? Если власть взяла курс на тотальное насаждение идеологии «гейдаризма», то, следовательно, она будет стре-

миться предельно упростить, разгрузить, нивелировать и унифицировать общественно-политическую жизнь. Логика тоталитарного зомбирования требует убрать всё лишнее, всё разнообразное, всё отвлекающее от генеральной линии, которая, наверно, будет формироваться в недрах Центра Гейдара Алиева и директивно навязываться всему обществу — методами поощрения, убеждения и, конечно же, принуждения. Согласно алиевско-мехтиевскому проекту тоталитарной модернизации Азербайджана, всё, что не укладывается в прокрустово ложе норм, ценностей и критериев идеологии «гейдаризма», видимо, будет и далее отсекается, выдавливаясь, запрещаться как нечто излишнее, чужеродное и даже опасное. Сегодня это остаточные силы оппозиции и независимые СМИ, завтра — это может быть Интернет, «тарелки», литература, кино. Ведь «черно-белая» логика тоталитарного запретительства не знает меры и границ. В принципе всё может стать объектом запрета, ибо всё может быть признано чужеродным. Как говорил известный американский психолог А. Маслоу: «Если единственным инструментом является молоток, существует искушение трактовать всё как гвоздь». У нашей власти, патологически тяготеющей к тоталитаризму, скоро не останется никаких других инструментов, кроме молотка «гейдаризма», а значит, будет постоянное искушение трактовать всё нежелательное как гвоздь в одном месте.

Ясно, что в рамках такого плоского и однородного, как инфузория, мира нет и не может быть места для политической оппозиции, независимого слова, свободного бизнеса, реальной конкуренции, плюралистических отношений, развития индивидуализма и т. д. Разве мы всё это уже не проходили? Разве всё это нам порядком уже не обрыдло? Или опять будем биться лбом о ту же тупиковую стену тоталитаризма, заменив лишь ленинизм «гейдаризмом»? Но ведь и «ежу ясно», что убогая стена «гейдаризма» — это не основательные бастионы ленинизма: скорее всего, она развалится даже раньше, чем будет возведена. А если и будет возведена, то рухнет, как только иссякнет злополучная нефть.

(«Реальный Азербайджан», 2007)

AVE, CAESAR...

Существует странная закономерность, свойственная почти всем диктаторам и диктаторским режимам: чем больше они глумятся над народом, тем больше они испытывают потребность в восхвалении и одобрении им своих действий. С точки зрения нормальной логики, казалось бы, в этом нет никакой необходимости: если ты склонен и властен творить любой произвол, то к чему одобрение этих действий со стороны жертвы? Но, видимо, в этом один из парадоксов политической власти: по мере роста её нелегитимности, самодержавности, деспотичности, в равной мере растет и маниакальная потребность в регулярной символической демонстрации её легитимности, законности, всенародной поддержки. Диктаторская власть, как правило, добывается не просто страха и смирения, а вердикта правильности и справедливости своих действий со стороны угнетаемых, ей нужно, чтобы жертвы с ликованием встречали все невзгоды, тяготы и даже смерть: «Ave, Caezar, morituri te salutant» («Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть тебя приветствуют»).

Подобная патологическая склонность власти к духовному унижению жертвы и к садистскому упоению собственным превосходством проявляется не только в политической сфере. Многие палачи, маньяки, серийные убийцы поступали примерно так же: прежде чем окончательно убить свои жертвы, они добивались, чтобы те целовали им руки и ноги, возносили их доброту и благородство, признавали правильность и справедливость их действий и при этом всячески порочили самих себя. Это, конечно же, не спасало от пыток и смерти, но зато давало возможность палачу насладиться вдоволь видом физически и духовно сломленной жертвы. Чрезмерная и неподконтрольная власть сильного над слабым, вооруженного над безоружным, бога-

того над бедным, защищённого над беззащитным, безумного над разумным очень часто оборачивается подобными патологическими излишествами, когда от сломленной жертвы требуют не только полной капитуляции, но и комплиментов в свой адрес. К примеру, отец, стегающий сына, или муж, избивающий жену, или хозяин, распинающий слугу, и т. п. — не прекращает зачастую наказания до тех пор, пока не добьется от наказуемого холуйской покорности и слов благодарности за этот справедливый урок. Такова уж подобная патология власти.

В политической же сфере эта патология проявляется в гораздо более масштабной, циничной форме и характерна в той или иной степени почти для всех тоталитарных или диктаторских режимов, включая сюда и правящий режим в Азербайджане. Показательно в этом плане то, что происходит в последнее время. Режиму, видимо, мало было шоковой «ценовой удавки» (январь 2007), разом поставившей чуть ли не всё население страны в ситуацию отчаянной борьбы за выживание. Для придания «легитимности» данному решению и удовлетворения собственных садистских наклонностей режим, как и ранее, нуждался в ликующих возгласах одобрения граждан, в имитации всенародной поддержки.

Установочный импульс как всегда был задан самим президентом: на совещании, от которого многие ожидали если и не отмены, то хотя бы смягчения «ценового приговора» или же слов сожаления, сомнения, извинения за содеянное, глава государства цинично заявил, что такое повышение цен пойдет только на благо обществу и народ, по сути, должен благодарить власть за проявленную о нём заботу. Установка была услышана, и сразу же началась соответствующая кампания выражения всенародной благодарности. Во всех подконтрольных власти СМИ (это свыше 90% медийного пространства страны) начался нескончаемый сериал ликования граждан по поводу шокового повышения цен: ах, как это своевременно, ах, как это мудро, ах, как сразу стало жить лучше... Зазвучали даже смелые призывы снизу к новому n-кратному повышению цен: видать, некоторые нетерпеливые граждане жаждали форсировать вхождение в «алиевский коммунизм».

К слову сказать, «алиевский режим» уже давно практикует этот приём — придания своим антинародным шагам видимости легитимности, посредством организации кампаний всенародной поддержки. Этот типичный в практике тоталитарных и диктаторских режимов приём широко использовался отцом нынешнего президента. Правда, в основном в сугубо политической плоскости: для борьбы с внутренними и внешними врагами, в контексте выборной кампании или в сфере карабахской и нефтяной дипломатии. Его сын пошёл

далее — дальше не только отца, не только опыта истории, но и здравого смысла. Ведь это верх цинизма и абсурда — организовывать кампании всенародного ликования по поводу трёхкратного повышения цен, обрекающего большую часть граждан на нищету!

Даже тоталитарная советская практика, перманентно использующая аналогичный метод, тем не менее старалась по возможности не доводить дело до явного абсурда, не перешагивать грани здравого смысла. Она практиковала этот приём почти по всем вопросам общественного сознания (борьба с инакомыслием, отповедь внешним и внутренним врагам, поддержка генеральной линии партии и т. д.), но крайне редко и осторожно использовала его в сфере общественного бытия — в том, что касалось проблем жизни, смерти, цен, питания, жилья и прочих повседневных проблем основной части населения. К примеру, советская пропаганда могла игнорировать ситуацию массового голода в Поволжье, унесшего жизни сотен тысяч людей, но тем не менее не сочла возможным или достойным организацию пропагандистской кампании ликования самих голодающих жителей. Она могла замалчивать факты хронического дефицита основных предметов потребления и продуктов питания в период брежневского застоя, но не устраивала кампании всенародного ликования по поводу нехватки мяса, масла, зубной пасты, гвоздей или туалетной бумаги. На подобные перехлёсты не решалась в своё время и пропагандистская машина тоталитарной фашистской Германии: никому в голову не приходила абсурдная мысль рисовать идиллические картины радостной жизни в еврейских гетто или демонстрировать ликование узников, направляемых в крематорий.

А взять примеры поновее: скандальная «павловская реформа» или «гайдаровская» шокотерапия в современной России. Да, властные структуры и вся официальная пропаганда лезли из кожи вон, чтобы обосновать необходимость этих крайне непопулярных и суровых мер, но при этом никто не делал абсурдных утверждений, что взлёт цен и удорожание жизни — это несомненное благо, приветствуемое самим обществом. Были пропагандистские ролики сдержанной поддержки этих мер со стороны части населения, но ещё больше было роликов против. А главное: до нелепых кампаний всенародного одобрения и ликования дело не доходило. И с чего бы это вдруг ликовать?

Это примеры из исторического и современного опыта тоталитарных и авторитарных стран — то есть стран, более или менее близких нам по признаку патологии власти. О нормальных государствах и обществах в данном контексте и говорить не стоит: там подобное сверхшоковое повышение цен с последующим цинично-пропагандистским глумлением над народом вряд ли возможно, поскольку сразу же грозит обернуться яростной критикой в прессе, массовыми гражданскими акциями протеста, отставкой всего

правления, досрочными выборами и прочими нехорошими для власти последствиями.

Но «широкошагающий» Азербайджан и в этом вопросе оказался вновь впереди планеты всей — не только нормальной, но и ненормальной её части. По части садистского глумления над поверженным собственным народом наш режим, по сути, вознамерился переплюнуть все тоталитарные и диктаторские режимы. Глава государства Ильхам Алиев и его неосоветская команда довели приём пропагандистского использования феномена «всенародной поддержки», «всенародного ликования» до абсурдного предела. То, на что не отваживался даже создатель данного режима Гейдар Алиев, в полной мере апробируется теперь продолжателями его политической линии: поверженное общество изображает ликование, жертвы неслыханного произвола власти благодарят главу государства за проявленную отеческую заботу, разом обанкротившийся народ подтверждает благость галопирующего роста цен и демонстрирует готовность к новым виткам удорожания жизни.

Есть ли во всёй этой пропагандистской клоунаде хоть какой-то разумный смысл? Или все эти нонсенсы объяснимы лишь в патологическом контексте, как очередное проявление маниакально-садистских наклонностей нашей ненормальной власти? Должно быть, надо свихнуться самому, чтобы уразуметь патологическую логику нашей власти.

Возможно, мы все для этой власти — не более чем «быдло», с которым можно не церемониться, или бесправные «гастарбайтеры», которых можно использовать и выдворить из страны, а в лучшем случае — зомбированные гладиаторы, призванные лишь для того, чтобы ублажать её капризы. Возможно, нашим цезарствующим псевдонеронам доставляет особый кайф не столько сами наши тяготы и страдания, сколько уничижительный гладиаторский наш клич: «Ave, Caesar, morituri te salutant». Возможно, эта ритуальная поддержка помогает смягчить внутренний комплекс неполноценности нашей власти и заглушить редкий голос её уснувшей совести — «так ведь они сами добровольно и с ликованием приняли на себя все тяготы, страдания и смерть».

Возможно, добиваясь пропагандистского эффекта «всенародной поддержки», наша власть стремится растворить свои злодеяния в общем котле «коллективной ответственности». А может, наша символическая легитимизация сумасбродств этой власти необходима ей как единственно возможный и доступный (после дубинки) способ политического самоутверждения? Или есть и иные объяснения криминальной патологии нашей власти?

Как бы ни было, но всё это глупо и цинично, всё это не по-людски и даже не по-цезарски. Негоже так, господа! Коли уж вы вознамерились выпотро-

шить до конца карманы народу, то делайте это с достоинством, свойственным цивилизованным бандитам: хотя бы извинитесь за причинённые неудобства, хотя бы не изображайте себя в роли его благодетелей, хотя бы не требуйте от него в ответ слов одобрения и благодарности, хотя бы оставьте ему последнее право — сплюнуть и выругаться вам вслед. Нельзя же так, господа бандиты: ведь за окном, как никак, XXI век.

(«Реальный Азербайджан», 2007)

ИМИТАЦИОННЫЕ МАСКИ ВЛАСТИ

С легкой руки «алиевского режима», возведшего имитацию (демократии, выборов, реформ, новаций и пр.) в главный маскирующий принцип своей политики, имитационный вирус постепенно заразил все структуры и сферы азербайджанского общества. Этому коварному вирусу оказались подвержены не только ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная), но и все иные подразделения общества: наука, культура, образование, здравоохранение, армия, экономика и т. д. Самое же грустное в том, что этот вирус постепенно заразил и те структуры, с которыми связывались последние надежды на выход из тупика имитационности и построение правового гражданского общества: независимые СМИ, оппозиционные партии и неправительственные организации (НПО). Фактически всё наше общество превратилось в виртуальную и имитационную реальность.

Надо признать очевидное: наше общество весьма инфантильно и как самостоятельная сила себя почти ни в чём не проявляет. К нему абсолютно неприменимо понятие гражданского общества, поскольку оно очень слабо структурировано, и в нём практически нет элементов самоорганизации. Должно быть, поэтому социальный процесс в нашем обществе напоминает броуновское движение. Одной из главных причин инфантильности и беспомощности нашего общества является отсутствие гражданского и корпоративного сознания, а также реальных механизмов обеспечения гражданских и корпоративных интересов. Необходимость удовлетворить любую индивидуальную или коллективную потребность делает наших граждан (наше общество) полностью зависимым от власти, отождествляющей себя с государством. Такое плачевное состояние не позволяет говорить ни о каком реальном

участии граждан и общественности в делах государства, а также в процессах формирования, функционирования и регулирования власти.

Если отвлечься от форс-мажорных обстоятельств, то в повседневной деятельности наше общество выступает как виртуальная реальность: оно настолько граждански пассивно, политически индифферентно и социально дезорганизовано, что практически ни в чём и никак себя не проявляет. Формально у нас есть общество, а реально мы имеем статистический электорат, демографическое понятие населения, политическую дефиницию «народ» — словом, что угодно, но только не общество как цельный и влиятельный социально-политический фактор. Наверное, по этой причине и понятие общественности у нас, по сути, лишено реального социального наполнения. Этим понятием спекулируют все кому не лень, но на практике оно также представляет собой нечто аморфное и виртуальное. Да и возможна ли иная оценка, если на глазах у общественности страны уже который год «алиевская власть» творит откровенный чиновничий и полицейский произвол, глумится над Конституцией, законами и нормами цивилизованного мира, наращивает масштабы коррупции, навязывает всей нации примитивнейший культ «великого кормчего»? И при этом ей всё сходит с рук. Формально у нас есть весь набор институтов гражданского общества, необходимых для осуществления общественного контроля и выражения общественного мнения: независимые СМИ, НПО, партии и т. д. Но, поразительно, что при этом нет самого общественного контроля, а общественное мнение настолько неопределённо, слабо и противоречиво, что с ним никто и никогда не считается. Наше общество видится чем-то цельным и организованным только в потенции. При любых попытках рассмотреть его внимательно, оно рассыпается на огромное количество фрагментов и предстает как конгломерат регионов, трайбов, кланов и т. д.

Отсутствие в нашем обществе общенационального, а также гражданского и корпоративного сознания с лихвой компенсируется преобладанием регионального и семейно-кланового (трайбового) сознания. Показательно, что даже редкие акции проявления социальной активности или социального протеста у нас происходят лишь спонтанно и исключительно на базе региональной или трайбовой общности интересов: в каком-то доме, квартале, селе, районе и т. д. Не могу припомнить, чтобы за последние годы у нас были социальные акции на базе сословно-профессиональных интересов, корпоративной солидарности. Если, допустим, учителя какого-то района станут выражать свой социальный протест, то к ним скорее примкнут их родственники (семейно-клановая солидарность) или другие жители данного района (региональная солидарность), но не учителя остальных регионов страны

(корпоративная солидарность). И это мы наблюдаем буквально на каждом шагу и в самых различных проявлениях. Примитивная «молекулярная» общественная структура, где каждый регион, клан и группа играет сам за себя, затрудняет для членов локальных социумов возможность самоидентификации с обществом в целом. В результате общество перестает бытовать как нечто единое, цельное и осязаемое. В этих условиях обостряется чувство региональной и клановой солидарности. Человеку проще идентифицировать себя не со всем обществом, которое он не видит, не слышит, не чувствует и которое перестает быть чем-то существенным в его повседневности, а с одним из его фрагментов — региональным сообществом, с кланом, с семьёй — то есть с той непосредственно осязаемой средой, где протекает его реальная жизнь. И стоит ли удивляться, что в сознании такого фрагментарного социума общенациональные интересы, а также понятия власти, государства, общества постепенно превращаются в лишённые конкретного и практического содержания абстракции? Всё это чем-то напоминает отжившие средние века. Впрочем, не только это: по многим параметрам наше общество, благодаря целенаправленным усилиям «алиевской» системы власти, скатывается до уровня феодального уклада жизни.

Вместе с тем было бы неправомерно данное состояние нашего общества считать его имманентным свойством или увязывать напрямую с этноконфессиональными, ментальными и культурными факторами. Конечно, менталитет, культура и этноконфессиональные факторы всегда накладывают определённый отпечаток на бытие и сознание каждого социума, в том числе и нашего. Но основная причина, думается, всё же не в этом. Если отвлечься от общих для всех постсоветских стран «патологий общественного сознания», обусловленных реалиями коммунистической истории, и заострить внимание на наших специфических «патологиях», получивших особое развитие именно в период суверенной жизни страны, то следует признать, что главным виновником такого инфантильного, задавленного, фрагментарного сегодняшнего состояния нашего общества является «алиевская система власти».

30 с лишним лет «алиевского правления», половина из которых приходится на период суверенной жизни страны, по сути, явились чудовищным экспериментом по социальному и нравственному растлению азербайджанского общества. Коррупция и казнокрадство; местничество и трайбализм; вероломство и насилие; ложь и цинизм; лесть и культ; номенклатурный и полицейский произвол; практика имитационных игр и тотальной фальсификации; политика пропагандистского зомбирования сознания граждан, опыт манипулирования фактами, цифрами и судьбами людей; пренебрежение к закону

и общественному мнению — всё это уродливые последствия многолетней «алиевской» системы правления. Иными словами, «алиевская» власть все эти годы целенаправленно формировала (подминала) общество под себя, и, надо признать, она в этом преуспела.

Наша власть всё время держала (и держит) общественную жизнь под несусыпным собственным контролем. А общество, оставаясь дезорганизованным и инфантильным, не в состоянии противостоять постоянным интервенциям власти. «Алиевская» власть, имитационно адаптируясь к реалиям современного миропорядка, вынуждена была согласиться на сосуществование формальных институтов гражданского общества, но только превратив их в псевдоинституты и поставив под собственный контроль. Эти институты гражданского общества (многие партии, движения, общественные организации, СМИ и т. д.), которые постороннему наблюдателю могут показаться независимыми, в действительности являются имитационными масками самой власти.

«Алиевская» власть фактически сделала невозможной самоорганизацию и вертикальную интеграцию социально активных элементов и тем самым, целенаправленно блокировала все каналы формирования подлинного гражданского общества в стране. Структуризация гражданского общества возможна только при развитии реального капитализма, реального политического и экономического плюрализма, реальных либеральных реформ, способствующих формированию среднего класса и конкурентных отношений в обществе.

Независимый капитал, независимые СМИ, независимые политические и общественные организации (партии, НПО, профсоюзы и пр.) — вот, по сути, три кита, на которых базируется феномен качественного преобразования инфантильного общества в гражданское общество. «Алиевская» власть наглухо перекрыла пути общества по всем трём направлениям. Более того, она взяла их под свой монопольный контроль и стремится единолично управлять всеми каналами экономического, информационного и социально-политического влияния.

Есть ли у нас независимый капитал? Откуда ему взяться, если у нас наличествует только «семейный» и номенклатурный капитал?! Существующие отдельные и формально независимые бизнес-структуры сохраняют свою жизнеспособность только при условии «крышевания» со стороны властных структур. И даже формально независимое существование этих бизнес-структур кончается, как только представители власти — по разным причинам — лишают их этой «крыши». Все основные финансовые потоки в стране контролируются представителями высшей номенклатуры, и этот процесс

идёт на глазах у общества, большая часть которого лишена средств удовлетворения элементарных потребностей. Пока что в нашей стране только разные кланы и группы внутри власти способны аккумулировать огромные деньги и с их помощью бороться между собой. Бесконтрольная монополизация рынка, ресурсов, капитала — вот лицо нашей власти.

Есть ли у нас независимые СМИ? В реальной демократии объективность и независимость СМИ гарантированы их финансовой состоятельностью. Они самокупаемы, даже прибыльны и являются мощным рупором общественного мнения. Наши независимые масс-медиа либо убыточны и с трудом сводят концы с концами, либо их независимость — фикция. В условиях отсутствия независимого бизнеса и лишённые прямых государственных дотаций, они становятся легкой добычей влиятельных политических сил и номенклатурного капитала. К тому же у нас в стране явно преобладает политическая мотивация контроля над СМИ, и в подобных условиях пресса и ТВ из средств массовой информации превращаются в средства массовой манипуляции сознанием населения. По сути, абсолютное большинство наших СМИ попали под негласный контроль тех политических и финансовых групп, из которых состоит тело современной нашей власти. В конечном счете, почти все якобы независимые СМИ страны, вместо инструмента выражения общественного мнения и формирования гражданского общества, превратились в очередную маску нашей власти.

Есть ли у нас независимые общественные и политические организации? Большая часть политических и общественных групп, которые сейчас ведут борьбу между собой и претендуют на статус институтов гражданского общества, на самом деле также связаны не с обществом, а с властью. Поэтому иницилируемые такими группами движения не имеют реальной социальной подосновы. Многие политические партии, НПО, профсоюзы в нашей стране не являются движениями общественными, чем и обусловлена их слабость. Они зачастую не выражают ничьих интересов, кроме собственных или своих номенклатурных боссов. У них нет принципиальной позиции, отличительной программы, социального адресата, и по этой причине они весьма однородны и оторваны от общественности. Многие партии, НПО, профсоюзы своим происхождением и существованием, так или иначе, обязаны власти и связаны с властью — даже тогда, когда имитационно её ругают. Но даже в тех редких случаях, когда они не связаны с властью, то все равно оторваны от общественности: ведь те общегражданские или корпоративные интересы, которые они призваны выражать, не находят адресата в силу инфантильного, аморфного и фрагментарного характера самого общества.

Таким образом, в стране сложилась парадоксальная ситуация: в ней нет гражданского общества, но формально существуют некие его институты. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что так называемые институты гражданского общества являются превращённой формой институтов власти. Всё время идёт имитация плюрализма, гласности, политической борьбы, а на деле «алиевская» власть и внутривластные кланы борются внутри себя и между собой при отстранённом и безмолвующем обществе. Даже когда наша власть обращается к народу, то она ведёт диалог не с реальным обществом, а сама с собой. «Маски-шоу» в исполнении власти — вот к чему сводится социальный процесс в Азербайджане. И наиболее рельефно этот маскарад власти проявляет себя в ходе имитационных игр в «выборы по-азербайджански».

Вместо резюме

То, что в целом ряде стран (особенно на постсоветском пространстве) идёт процесс усиления деспотических режимов, комфортно существующих под маской имитации демократии, заставляет задуматься и о внешних импульсах, благоприятствующих данной тенденции. Сколь бы ни был силен «алиевский режим», он вряд ли мог бы столь долго и безнаказанно проводить политику откровенного опошления и имитации демократии, если бы не находил поддержки у влиятельных кругов Запада (США, СЕ, ТНК и т. д.). Имитационные игры власти внутри страны являются, по сути, логическим продолжением имитационных игр официального Запада, который на словах говорит о поддержке свободы и демократии, а на деле озабочен только реализацией своих геополитических, энергетических и прагматических интересов в Азербайджане и по этой причине вполне довольствуется имитационными играми «алиевского режима». Поскольку Запад сам имитирует игру «в поддержку демократии», то стоит ли удивляться политике имитации демократии, осуществляемой правящим режимом Азербайджана? Не сам ли Запад породил имитационный вирус, которым теперь охвачено всё наше общество?

(«Реальный Азербайджан», 2007)

«ЛИЛИПУТОКРАТИЯ»

Общемировая тенденция

Явный рост деградационных и патологических тенденций в политической сфере в последние годы говорит о том, что мир, кажется, опять (в силу странной цикличности истории) начинает сходить с ума и в водоворот очередной фазы безумия постепенно вовлекаются все страны и народы. Откровенный шантаж, цинизм, лицемерие, «двойные стандарты», имитационные игры, аргумент силы и денег вновь стали основой международных, межгосударственных и даже внутригосударственных отношений. Многообещающая «третья волна» демократизации выплеснула на берег уродливый феномен имитационной демократии. В целом ряде государств развитие пошло в направлении усиления однозлого авторитаризма в псевдодемократической упаковке. Процесс произвольного манипулирования нормами права, морали, демократии постепенно охватил даже передовые страны мира и влиятельные международные организации. Девальвация и имитационное опошление идей свободы, справедливости, гуманности, принципов международного права и традиций цивилизованных отношений стали приобретать столь масштабный характер, что впору уже говорить о глобальном кризисе не только либеральных ценностей, но и элементарных норм здравого смысла.

Откровенная профанация кастой современных политиков международных обязательств, правовых и моральных принципов, либеральных ценностей и норм здравого смысла наблюдается не только в странах имитационной демократии (таких, как Россия, Азербайджан и пр.), но и по всему миру.

Такое ощущение (возможно, оно недалеко от истины), что во всех странах управление государственными делами перешло в руки политических карликов, к власти пришли мелкотравчатые «лилипуты», которым буквально наплевать на право, мораль, демократию, разум, на мнение собственной и мировой общественности. Почти в каждой стране, в каждой международной организации и в масштабе чуть ли не всей планеты целенаправленно утверждается самая лицемерная форма «лилипутократии» (или, если хотите, «дебиллократии»), исповедующей на словах приверженность законам, нормам демократии, принципам разума и гуманизма, а на деле руководствующейся аргументами силы и денег, корпоративными интересами, конъюнктурными мотивами, «двойными стандартами» и собственными капризами.

Всё чаще и чаще принципы свободы и демократии, права человека и целых народов, нормы международного права и человеческой морали, ценности гуманизма и интересы прогресса приносятся в жертву соображениям защиты узкокорпоративных и сугубо меркантильных интересов самой генерации политических «лилипутов» и лоббируемых ими «теневых акул» мира глобального бизнеса. И этот процесс идёт не только на уровне отдельных стран, но и в рамках всей системы международных отношений. Словом, мир, управляемый «лилипутами» от политики, целенаправленно вгоняется в состояние безумной паранойи. То, что казалось невозможным, диким или раз и навсегда преодоленным каких-то 10–20 лет назад, сегодня в модифицированной форме внедряется в отношения между индивидами, народами и государствами как контуры новозозидаемого «лилипутского миропорядка». По сути, не осталось единых, базовых ценностей и критериев: всё приобрело циничный, конъюнктурный, грубый и одиозный характер, всё откровенно продаётся и покупается, повсюду «двойные стандарты». Принципы рациональной логики уже никак неприменимы к миру сегодняшней политики.

Обратите внимание на лицо сегодняшней мировой политической элиты. За вычетом редких персон, оставшихся как анахронизм от прежней, более вменяемой эпохи, фактически весь современный политический бомонд является наглядным подтверждением тезиса о торжестве циничной «лилипутократии». Почти во всех странах на смену прежней плеяде более «габаритных», харизматических, способных, опытных, ответственных и «вменяемых» политиков к власти пришла генерация мелкотравчатых, «придурковатых», меркантильных, закомплексованных, безответственных, карикатурно амбициозных и «жуликоватых» псевдополитиков. Произошла странная и чуть ли не одномоментная смена политических элит, осуществилась в масштабе всего мира

своеобразный реванш «карликов» и «лилипутов» — к власти пришли «крошки Цахесы».

Какую страну ни взять — везде явная печать политической деградации: и на уровне первых лиц, и в масштабе всей политической номенклатуры, и в аспекте стиля правления. Пример США и образ президента Дж. Буша со всей его «лиллипутской» командой стал уже банально показательным. Великая держава, управляющая чуть ли не всеми мировыми процессами, претендующая на роль «сеятеля демократии» и где на олимп власти всходили ранее такие колоритные, последовательные и принципиальные политики, как Рузвельт, Кеннеди, Никсон, Форд, Рейган и т. д., уже который год находится в руках самой циничной, коррумпированной и бездарной администрации. Таков вердикт прессы и общественности самой Америки. Торжество дебильной «лиллипутократии» в США дало императивный толчок к развитию аналогичных процессов и в других странах мира: за короткое время почти везде к власти пришли духовно и нравственно кастрированные, безликие, безответственные «политики-лиллипуты» — с дебильными комплексами, гангстерскими замашками и неадекватными наполеоновскими амбициями.

Ничуть не идеализируя мир прежней политики (она всегда была достаточно «грязным промыслом»), тем не менее можно констатировать, что почти во всех странах в последние годы имеет место устойчивая тенденция имиджевой, харизматической, интеллектуальной, нравственной деградации (девальвации) политической элиты и политической жизни. На смену политикам уровня Черчилля, де Голя, Помпиду, Миттерана, Тэтчер, Коля, Андреотти, Гавела, Киссинджера, Олбрайт, Ганди, Озала, Дэн Сяо Пина, Горбачева и т. д. пришли заурядные и беспринципные Буши, Берлускони, Саркози, Мерхели, Путины и др. Даже самодержцы и диктаторы нынче иного пошиба — более примитивные, карикатурные и балаганные. Например, куда Чавесу до Кастро, Лукашенко до Сталина, Ахмадинежаду до Саддама Хусейна, Бердымухамедову до Туркменбаши или Ким Чен Иру до своего отца Ким Ир Сена?! Словом, в мире современной политики однозначно утвердилась «лиллипутократия». Надолго ли?..

Власть Цезарей, Августов, Тамерланов, Наполеонов, Вашингтонов, Бисмарков, Ататюрков и др. ярких лидеров, при всех очевидных минусах автократии, не столь опасна для общества: она в целом содействует прогрессу, возвеличивает страну и каждого гражданина, катализирует силу и дух нации на великие и позитивные дела. Опасно именно тогда, когда власть в руках у серой и капризной «бездари», «балаганного шутов», с неподкрепленными амбициями, пекущихся лишь о своём кармане и не ставящих ни во что идеи

прогресса или интересы народа. Лидеры первого типа слишком уважают самих себя и потому очень дорожат репутацией власти: «Цезарю многое непозволительно именно потому, что он Цезарь». Для «лилипутиных» же нет ничего святого: всё дозволено.

Азербайджанская тенденция

Тенденция «лилипутизации» политической элиты и «дебилизации» политической жизни достаточно отчётливо просматривается и в Азербайджане. Причём почти во всех структурах и на всех уровнях власти, а также в стане политической оппозиции. Тенденция эта стала отчётливо проявляться уже в период затяжной болезни Гейдара Алиева, пришедшей на второй срок его правления. Именно начиная с того времени, из правящей команды один за другим начали целенаправленно выводиться патриотичные, способные, в меру харизматические и более самостоятельные кадры, а освобождающиеся места стали заполняться в основном безликими, покладистыми, ограниченными лицами, с «ефрейторским комплексом» и необоснованными притязаниями (чаще коррупционными). Места, оставшиеся вакантными после добровольного или вынужденного ухода Рагима Гусейнова, Гасана Гасанова, Расула Гулиева, Ильяса Исмаилова, Тофика Зульфугарова, Эльдара Намазова, Вафы Гулузаде, Сируса Тебризли, Намика Аббасова и многих других, заняли услужливые, невзрачные статисты — с лилипутскими комплексами и с аналогичным уровнем патриотизма и ответственности. Данная деградационная тенденция наиболее активно стала проявляться после перехода штурвала власти от Гейдара Алиева к его сыну Ильхаму Алиеву. Фактически неомонархическая рокировка власти привела в Азербайджане к откровенному торжеству циничной «лилипутократии». Так что общая мировая тенденция (в более одиозной и концентрированной форме) накрыла и нас.

Словом, и в Вашингтоне, и в Париже, и в Лондоне, и в Пекине, и в Москве, и в Баку теперь правит бал режим плутократии (в современном значении слова «плут»), у власти генерация политиков-лилипутов, у руля государства сплошь «крошки Цахесы». И стоит ли удивляться, что все они так хорошо понимают друг друга, так активно помогают друг другу и солидарно поддерживают основы столь выгодного им «дебило-лилипутского порядка» — как в масштабе каждой страны, так и во всем мире?! Осуществилась-таки задача «мирового интернационала» — правда, на базе циничной, балаганной, коррумпированной власти амбициозных «лилипутов».

В Азербайджане торжество «лилипутократии» пришлось в основном на постгейдаровский период. При Гейдаре Алиеве это ещё не была «лилипутократия», да и политического «дебильства» в жизни страны было на порядок меньше. Власть тогда была всё же более импозантной, вменяемой и логичной. Вопрос ведь не в политической характеристике правящего режима (диктатура или демократия), не в особенностях политического курса и даже не в специфике принимаемых решений — в этом плане после перехода штурвала власти от отца к сыну особых изменений не произошло. В Азербайджане по-прежнему у власти авторитарный коррумпированный «алиевский режим». Вопрос в другом: всё во власти постепенно измельчало, девальвировало и приобрело откровенно плоский, глупый и балаганный характер, всё потеряло в цене, габаритах, стройности, осмысленности, последовательности и эффективности. Авторитарно-коллективная сила самой власти в «постгейдаровский» период отнюдь не стала слабее, даже напротив, режим стал ещё более жёстким и репрессивным. Но планка власти, тем не менее, существенно опустилась — должно быть, под стать габаритам и уровню новой администрации.

Авторитарная, но по-своему логичная и колоритная диктатура Гейдара Алиева постепенно трансформировалась (при сохранении диктаторской сути) в номенклатурно-феодальную «лилипутократию». Представители номенклатурной «лилипутократии» могут теперь торжествовать: в их руках вся полнота власти, силы и денег. Теперь у них полный простор для «лилипутского» беспредела и реализации «плутовских» фантазий. Теперь им самое время осуществить неистребимое «лилипутское» желание: поставить всех на колени и заткнуть рты — ведь в противном случае их не видно и не слышно. Да и кого им отныне остерегаться? Ведь за пределами страны у власти такие же родственные «лилипутские» души, которые не дадут в обиду. И нет над головой, как прежде, всевластного и всеильного «кормчего», страдающего «комплексом Гулливера». А всех своих политических оппонентов, да и общество в целом они за эти годы уже успели также заразить опасным вирусом «дебильной лилипутократии». И судя по всему, этот климат (или климакс) у нас надолго. Так что добро пожаловать в «страну Лилипутии»!

(«Реальный Азербайджан», 2007)

О НАШЕЙ ПОЛИТМЕНТАЛЬНОСТИ

В азербайджанском политическом менталитете доминирует определенный образ государственной власти. Мы не столько поручаем власти выполнение каких-либо функций, сколько полностью вручаем ей судьбу страны и свою судьбу. На этой основе в азербайджанском политическом менталитете утвердился в качестве базовой ценности патернализм (от лат. *pater* — отец), патерналистский взгляд на власть и на носителей власти. Государственное попечительство рассматривается как «благо» и обязанность властей перед обществом (народом). Вместе с тем такой патерналистский подход к власти порождает иждивенческие настроения в обществе и приучает его к раболепному и пассивному выжиданию. А это в свою очередь убивает инициативу и ответственность на уровне отдельных частных лиц, ослабляет их самостоятельную энергию. Образец государственной власти согласно нашему патерналистскому менталитету — это власть единоличная (автократическая), сильная (авторитарная) и авторитетная (харизматическая). Этот «образ» власти ориентирован на авторитарный идеал, который постоянно навязывается сверху политической элитой и дополняется снизу зомбированным и стадным «коллективизмом» пассивного общества. В силу этого в нашем политическом менталитете сложилось особое отношение к авторитету. Это слепая вера в авторитет, наделение его харизматическими чертами и, соответственно, ожидание от него «чуда». Такое отношение укрепляет существующие авторитарные устои власти и сопровождается постоянной готовностью подчиняться тому, кто признается авторитетом.

Для нашего патерналистского политического менталитета характерным является смирение перед властью, а зачастую даже преклонение перед ней как воплощением силы и господства. При этом государство постоянно ото-

ждествляется с властью, а последняя — с образом правителя, который воспринимается как «отец большого семейства». Отсюда вытекает понимание общенародного единства как семейного сплочения вокруг главы государства («отца нации») и стремление заменить институциональные механизмы и правовые нормы идейно-нравственными клише и ритуально-пропагандистскими действиями. С этой точки зрения характер отношения государства (власти) и отдельных граждан у нас в стране, в отличие, например, от Запада, определяется не столько институционально-правовым соглашением о взаимном выполнении обязательств и соблюдении законов, сколько молчаливым сговором о безнаказанности при их нарушении, но только при условии принятия всеми сложившихся авторитарно-клановых правил игры. Таким образом, в нашем политическом менталитете государственная власть персонифицируется в образе правителя, заряжается энергией патерналистского преклонения и ставится выше закона. А это в свою очередь формирует такую политическую установку, как неверие в закон, в качестве воплощения справедливости и средства борьбы со злом.

В нашем политическом менталитете базовой ценностью выступает порядок (стабильность). В силу этого большинство наших граждан чувствуют себя комфортно лишь в ситуации определённости, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Ситуация неопределённости, где допускается свобода выбора и свобода действий, где «разрешено все, что не запрещено», пугает и раздражает многих наших граждан. Такая ситуация оценивается в нашем обществе как «хаос, анархия, беспорядок». Эта «любовь» к ясности, порядку, стабильности во многом является наложением на нашу ментальность многолетней практики жизни в тоталитарном советском обществе. Правящая элита суверенного Азербайджана умело использует в своих целях это свойство народа, постоянно спекулируя тезисами «стабильность любой ценой», «стабильность превыше всего», понимая под последним лишь стабильность своего режима власти. Тоталитарная тяга к порядку на базе патерналистского отношения к власти сформировали в нас странную смесь политического фатализма, конформизма и инфантилизма. Социальный порядок у нас неразрывно связывается с государственной властью, роль которой фетишизируется и сводится к упорядочению всех общественных отношений. И хотя стихия постсоветской жизни постепенно разрушает прочие «советизмы» в нашем сознании, но этот синдром «постоянной оглядки на власть» всё ещё довлеет над многими.

По сути, любой способ поведения, любые формы жизнедеятельности, любые новации должны быть разрешены «сверху» инструкциями, указами, пред-

писаниями, «крышеванием» и т. д. Вмешательство (экспансия) власти охватывает у нас чуть ли не все сферы жизни человека. И эта практика находит пока поддержку у значительной части общества, которая по-прежнему находится в плену у мифа, что чем детальнее регламентирует власть все стороны жизни граждан, чем меньше у них возможностей для проявления инициативы, свободы, ответственности, тем больше покоя и порядка в стране.

Нашему политическому менталитету, по сути, чужды принципы автономии личности и общества — то есть то, что составляет основу западного политического менталитета. А между тем эти принципы являются важнейшим элементом гражданского общества. Ведь экономический, социальный, политический и культурный плюрализм, являющийся альфой и омегой демократического гражданского общества, устанавливается на основе автономии общественных факторов, на базе прав, свобод и ответственности человека. Закономерен вопрос: в какой мере принципы западной демократии, гражданского общества и правового государства сопрягаются с нашим менталитетом и вписываются в наши сегодняшние реалии, где политическую жизнь характеризуют авторитарность и патернализм? Никак не вписываются. И не только потому, что это блокируется или опошляется со стороны власти, но и потому, что отторгается самим обществом, которое пока ментально не готово к освоению чуждого опыта. Наше общество в лучшем случае может быть названо псевдогражданским: его структуры и институты, обладая некоторыми формальными признаками гражданского общества, абсолютно не выполняют ожидаемые от них функции, являясь лишь имитационной вывеской.

У нас в стране по-прежнему преобладает авторитарный менталитет, проявляющийся в авторитарной политической практике. Консенсус по поводу основных социальных ценностей, без чего невозможно развитие гражданского общества, подлинная интеграция людей в обществе до сих пор не достигнута. Значительное число людей у нас ощущает отчуждение от социальных процессов, свою социальную, политическую и гражданскую невостребованность. В обществе нет устоявшейся политической системы, нет четкой экономической политики, нет общепринятой системы ценностей, нет разграничения государственной, общественной и частной сферы. В этих условиях наблюдается тенденция странного комбинирования элементов новой псевдогражданской культуры с элементами старой авторитарно-патерналистской культуры.

Для нашего патерналистского политического менталитета характерным является социально-политическая пассивность граждан, их страх, раболепие и смирение перед властью. Базовые ценности нашей политической культуры

формировались при постоянном доминировании в жизни общества властвующих структур, господстве коллективистских (семейно-клановых) форм организации частной жизни. Разрешение любых конфликтов в таких условиях предусматривало не обращение к правовым нормам, а апелляцию к моральному авторитету или к авторитету власти. Поэтому главным двигателем политических процессов у нас стал не закон и Конституция, а обычай или воля правителя. Длительное воздействие патриархально-кочевых отношений и семейно-клановой структуры общества привели к крайней слабости индивида перед лицом семьи, клана, общины и особенно государства. Составительность, плюрализм, свобода исключались из атрибутов политической области жизни, а признание главенствующей роли вождя или особой элиты не дополнялось необходимостью контроля за их деятельностью. Основным делом человека признавались исполнительские функции, послушание власти и поддержание идей порядка. Не удивительно, что такие нормы постоянно порождали тенденции к поляризации верхов и низов, усиливали авторитарные начала и сдерживали процессы перемен.

Присущий нам патерналистский взгляд на власть, приоритет государства над обществом и личностью — характерная черта политического менталитета многих восточных цивилизаций. Мы в этом плане не исключение. Вопрос даже не в том, хорошо это или плохо. Вопрос в другом — можно ли в рамках такой политментальности успешно адаптироваться к требованиям современной жизни и обеспечить системный прогресс общества? Как бы то ни было, необходимо ясное понимание самих себя, с тем чтобы найти адекватные нашему политическому менталитету формы и способы развития страны, а также чтобы, с учетом нашей культуры, традиций и ментальных особенностей, определить пределы возможного и наиболее эффективного движения по пути прогресса.

Ведь зачем обманывать себя. Будь мы даже трижды членами Совета Европы, тем не менее мы не европейская страна. Ни по менталитету, ни по образу жизни, ни по складу характера, ни по стилю мышления, ни по особенностям социально-политической жизни — мы не Запад и, наверно, не будем им никогда. И это не должно вызывать в нас ни удивления, ни огорчения, ни комплекса стыда или неполноценности. Мы сформировались в лоне многовекового функционирования ярких и самобытных восточных цивилизаций, на базе причудливого синтеза исламской религии, тюркского этногенеза, исторических коллизий собственной страны и прочих иноземных (инокультурных) наслоений, включая и влияние западного мира. Проблема не в том, что мы такие, а в том, что мы всё время рядимся в чужие политические одеяния, даже

не пытаюсь умело адаптироваться к ним или же адаптировать их к своей политической ментальности и к реалиям сегодняшнего Азербайджана.

Опыт постиндустриальной модернизации ряда государств Востока показывает, что их успех обусловлен на основе адаптированного сохранения традиционных политико-культурных и ценностных ориентаций, на базе единства нации и координированных действий правящей элиты, путём «перепрограммирования» («перезагрузки») сугубо авторитарных или авторитарно-либеральных режимов на развитие современных рыночных отношений в русле национальных и цивилизационных приоритетов. В этих государствах удалось выдвинуть национальную идею, объединившую подавляющее большинство народа на базе уважения традиционных культурно-политических ценностей и активного включения в мировые рыночные и информационные отношения. Именно сохранение традиционных ценностей и умелая их адаптация к требованиям современной жизни позволили ряду стран Востока освоить многие достижения западной техногенной цивилизации. Не став Западом в буквальном смысле слова (тотально не вестернизируясь), они смогли успешно модернизироваться и бросить вызов передовым странам мира.

Какой же путь развития более адекватен нам — нашему менталитету и нашим реалиям? Ведь даже в рамках одного типа политической культуры, даже в жёстких тисках определённого политического менталитета общество всегда располагает альтернативными вариантами развития страны. Пример Северной и Южной Кореи тому убедительное подтверждение. На сегодняшнюю застойную, несвободную, несправедливую и недостойную жизнь нас обрёл не только и не столько политический менталитет народа, а политическая несостоятельность властвующей элиты, пекущейся только о собственных интересах. Реальный Азербайджан мог быть иным: менее одиозным, менее убогим, менее дезорганизованным, менее деспотичным. У нас были и, полагаю, всё ещё сохраняются шансы на то, чтобы обрести достойный путь развития. Главное — всем захотеть этого.

(Contact.az — 2008)

НЕФТЯНОЙ ШАНС АЗЕРБАЙДЖАНА

Будущее Азербайджана всё в большей мере связано с коллизиями нефтяной геополитики. Ввод в эксплуатацию стратегических трубопроводов «Баку — Тбилиси — Джейхан» и «Баку — Тбилиси — Эрзерум», нарастающий поток нефтедолларов в казну страны, а также возрастание альтернативной энергетической роли Азербайджана и усиление геополитического внимания стран мира к каспийской «нефтяной карте» послужили нашей официальной пропаганде основой для чрезмерно оптимистических оценок перспектив развития страны. Этот оптимизм, активно подогреваемый официальными СМИ и заинтересованными кругами Запада, стал лейтмотивом чуть ли не всех выступлений главы государства. По логике нашей власти миллиардные нефтедолларовые потоки уже в самое ближайшее время позволят решить все насущные социально-экономические проблемы, поднять на небывалую высоту уровень благосостояния граждан, обеспечить реальную базу для развития демократии и вывести Азербайджан в ряд самых развитых стран мира.

Логика понятная, и она не лишена оснований. Если отвлечься от романтических представлений о свободе, равенстве, справедливости, демократии, прогрессе и т. д. и взглянуть на эти основополагающие ценности сквозь призму политических реалий современного мира, то следует признать факт несомненной их зависимости от степени финансового благополучия страны. Сегодня деньги — это наиболее точная количественная мера определения диапазона возможностей и степени «цивилизованной» свободы не только отдельных граждан, но и общества в целом. Страна, в которой большинство населения лишено достаточных средств к существованию, — это, по сути, страна, где большинство населения лишено свободы, демократии и возмож-

ностей цивилизованной жизни. Бесспорно, что в отсталой и бедной стране очень трудно не только реализовать проекты модернизации, но и добиться прогресса в области свободы, демократии и прав человека. В этом плане колоссальное нефтедолларовое обогащение страны, конечно же, предоставляет реальный шанс для форсирования процессов социально-экономического, политического, гуманитарного, демократического прогресса Азербайджана и обеспечения гражданам достойного уровня жизни. В теоретическом плане это бесспорно так. А как это обстоит на практике? Сумеет ли Азербайджан умело воспользоваться этим шансом?

Существует довольно распространённый миф, что наличие больших запасов нефти есть надежная гарантия благосостояния страны. По сути, и стратегический курс государства, и общественные ожидания в Азербайджане базируются в основном именно на этом мифе. Но реальный ход каспийской нефтяной дипломатии и наблюдаемые тенденции развития общественно-политических и социально-экономических процессов в сегодняшнем Азербайджане пока не дают достаточных оснований в пользу этого тезиса. Опыт же развития мирового сообщества, и в частности многих нефтедобывающих стран, подтверждает лишь одно: наличие больших запасов нефти и газа отнюдь не гарантия, а всего лишь благоприятная возможность достижения процветания. Не более того.

К тому же анализ практики многих государств показывает, что колоссальные природные ресурсы — это не всегда благо, очень часто они сковывают и ограничивают возможности полноценного развития конкретной страны. Известные исследователи Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер на основе анализа опыта 97 стран фактографически доказали, что экономический рост государств, слабо обеспеченных сырьём, превосходит показатели государств, богатых этим отношением. По показателям же политического, гуманитарного и демократического развития это опережение ещё более заметно. Данный анализ в лишний раз подтвердил тривиальную истину: наличие больших запасов нефти не ведёт «автоматически» к экономическому процветанию и политической модернизации страны. Показательно, что в «тридцатке» самых развитых стран практически нет ни одной традиционно нефтяной страны (лидирующие позиции Норвегии и США обусловлены не только и не столько наличием богатых природных ресурсов, а иными факторами).

Вместе с тем для сравнительно молодых и малых государств, заметно отстающих от передовых стран в политико-экономическом, научно-техническом и гуманитарном отношении, фактор богатых природных ресурсов действительно может стать исключительным шансом для стремительного

преодоления разрыва. Вопрос лишь в том, как будут использованы природные ресурсы, какую модель поведения изберёт эта страна.

Одни страны (Кувейт, ОАЭ, Катар, Бахрейн), благодаря исключительно нефтедолларам, словно в машине времени совершили стремительный перелёт от патриархально-кочевого образа жизни в мир небоскребов, компьютеров, современных технологий и высоких стандартов жизни. Другие (Нигерия, Алжир) — являют совершенно иной пример: нефть и доллары не только не привели к процветанию, но со временем лишь усугубили нестабильность, неблагополучие и неравноправие. Третьи (Ирак, Иран, Ливия) — активно эксплуатировали фактор нефти не столько для решения социальных и экономических проблем общества, сколько для консервации деспотического режима и реализации опасных «революционных» и идеологических проектов.

А какой сценарий уготован Азербайджану, располагающему также достаточно высоким потенциалом нефти? На какой стандарт жизни вправе и реально может претендовать страна, ставшая за последние сто с лишним лет во второй раз невольным заложником глобальной нефтяной геополитики? Чем в конечном счете окажется нефть для страны и её населения: выигрышным билетом в светлое будущее или тотальным разочарованием, рогом изобилия или ящиком Пандоры? Будут ли подкреплены большие нефтяные ожидания весомыми позитивами или же «чёрное золото» в очередной раз ещё более обострит существующие противоречия в стране? Пока что именно это мы и наблюдаем.

Разумеется, конкретная «нефтяная судьба» каждой страны обусловлена рядом обстоятельств, среди которых не последнюю роль играют и внешние факторы: помощь и патронаж супердержав, острота и характер геополитической борьбы, перипетии глобальной нефтяной дипломатии и пр. Но то, каким будет этот внешнеполитический фон — сопутствующим или не сопутствующим миру и процветанию, зависит прежде всего от «модели поведения» самих нефтедобывающих стран. В той мере, в какой «модель поведения» малых стран отвечает прагматическим интересам супердержав и вписывается в шкалу предписанных ими стандартов поведения, увеличиваются и шансы на достижение благоприятной «нефтяной судьбы». В противном случае малые страны, как правило, обрекаются на изоляцию, санкции и разные катаклизмы. Шкала предписаний может включать некоторые требования в области политического поведения: соблюдение определённых демократических ритуалов, светский характер власти, правовую стабильность, прозападный курс и т. д. Но её основное ядро составляют нормы экономического поведения: рыночные отношения, приватизация,

либерализация, благоприятный инвестиционный климат, льготные условия для внедрения иностранных компаний, законодательные гарантии защиты капитала и частной собственности, ограничение коррупции, вестернизация бизнеса и сферы услуг и т. п.

По целому ряду показателей стартовые возможности Азербайджана объективно выше, чем у целого ряда нефтедобывающих стран в момент начала реализации их нефтяных проектов. Более чем столетний опыт добычи и переработки нефти, соответствующая инфраструктура, развитая индустриальная база, квалифицированные кадры, достаточно высокий образовательный уровень населения, определенная адаптация к западной культуре, устойчивые традиции светской власти, некоторый опыт государственности и демократии, разнообразие природно-климатических условий, а также наличие иных стратегических ресурсов и статей дохода — всё это несомненные плюсы, которыми изначально не располагали, а по ряду позиций и поныне не располагают некоторые нефтедобывающие страны. Эти плюсы, конечно же, существенно увеличивают диапазон возможностей страны, но, увы, даже они сами по себе не гарантируют мир и процветание.

Как ни парадоксально, именно этими плюсами обусловлены и некоторые наличные минусы нашей страны. Свидетельство тому — карабахский конфликт, запущенный, возможно, именно с целью сковать возможности Азербайджана и держать его в подвешенном, слабом состоянии. Другой пример — изначально и всё ещё весьма высокий уровень геополитического риска. Есть и более весомые факторы, способные существенно осложнить процесс «кувейтизации» страны: масштабы коррупции и бюрократизма в системе управления, монополизм во всех сферах, моральная эрозия и правовой нигилизм, инерция или реанимация тоталитарно-советского стиля мышления и поведения, сохраняющиеся возможности дестабилизации политической и экономической ситуации, безработица и обнищание значительной части трудоспособного населения и т. д.

Сегодняшнее состояние Азербайджана настолько мозаично, сумбурно и противоречиво, что, по сути, включает в себя, в той или иной пропорции, элементы любой модели нефтяного будущего: в меньшей степени — «кувейтской», в большей — «нигерийской» или «ливийской». Особенность данного ответственного периода именно в том, что он формирует на ближайшую перспективу социально-экономический и политический облик Азербайджана. Иными словами, многое зависит от характера и динамики развития нынешних политических и экономических процессов, от направленности закладываемых уже сегодня тенденций. А они пока что отнюдь не дают оснований

для большого оптимизма. В отличие от власти, продолжающей рисовать райские картины нефтяного будущего, в самом обществе уже не наблюдается первоначальной эйфории. Рост негативных тенденций в стране, падение доверия к политике правящего режима и заметная девальвация прозападных ожиданий на многих повлияли отрезвляюще. Ныне ожидание нефти и нефтедолларов уже не подогревается романтической эйфорией. Оно подпитывается очень осторожным стратегическим оптимизмом: многие надеются, что, невзирая на существующие коллизии, нефть всё же станет фактором прогресса.

По мере усиления геознергетической роли страны и потока нефтедолларов, мы всё более отдаляемся от стандартов демократии и правового государства. Такковы результаты политики «алиевской нефтекратии» и плоды эксперимента Запада в Азербайджане. На словах современный Запад постоянно подчёркивает, что на помощь, поддержку и партнёрство может рассчитывать лишь страна, неуклонно наращивающая демократию. Но на деле он при этом отнюдь не камуфлирует приоритетное значение для себя нефтяного фактора. Добиться полной синхронизации политических и экономических интересов не всегда возможно. Чем весомее фактор нефти, тем больше соблазн отдать предпочтение прагматическим интересам. Что мы и наблюдаем в последние годы в Азербайджане. Да разве только в Азербайджане? Пример многих ближневосточных и латиноамериканских нефтекратий показывает, что Запад очень часто жертвует демократией ради своих геомеркантильных интересов. Та же участь, видимо, ожидает и Азербайджан. Впрочем, контуры подобной политики уже давно и откровенно просматриваются. Когда ситуация требует реализации экономической (в частности нефтяной) стратегии за счет «демократических издержек», деловые и политические круги Запада с готовностью дают руководству Азербайджана карт-бланш на это. Более того, многие представители политической элиты Запада не прочь и сами погреть руки на «нефтяной игре». До демократии ли тут? Видимо, политика «открытых экономических дверей» при политической «закрытости» самого азербайджанского общества вполне соответствует не только интересам нашей правящей элиты, но и прагматическим планам Запада.

Хотя геополитическое самоопределение Азербайджана во многом уже состоялось, но реальные позитивные плоды внедрения Запада пока почти не заметны. Связанный с приходом Запада синдром больших ожиданий постепенно сходит на нет, трансформируясь в синдром большого разочарования. К сожалению, официальные круги Запада и транснациональные нефтяные компании продолжают относиться к Азербайджану как к «туземной стране»

и рассчитывают почти даром заполучить его ресурсы. На сегодня западное внедрение проявляется лишь в форме примитивной вестернизации различных сфер жизни. Другие же приобретения не столь очевидны. Не столь ощутимы и политические дивиденды от раздела «нефтяного пирога». Карабахская проблема, с которой первоначально связывалась «нефтяная дипломатия», продолжает держать Азербайджан в подвешенном состоянии. И если раньше многие полагали, что эта ситуация провоцируется лишь с Севера и с Юга, то в последние годы откровенно просматривается и корыстный интерес Запада в манипулировании данной проблемой. Мотивация более чем прозрачна: вынудить зависимый и ослабленный Азербайджан к новым геополитическим, нефтяным и прочим уступкам. Не оправдывает Запад (США) и свой имидж поборника демократии. Надежды на то, что с усилением «западного присутствия» будут раскручиваться процессы демократизации, не находят реального подтверждения. Динамика политических тенденций говорит об обратном: сближение с Западом зачастую сопровождается откатом от демократии и ростом гротескного авторитаризма. И в этом, конечно же, не последнюю роль играет нефтяной фактор.

Несмотря на то, что первоначальная романтическая эйфория в обществе от завышенных нефтяных ожиданий постепенно испарилась, уступив место более взвешенным оценкам, было бы крайним упрощением говорить об отсутствии позитивов в этой сфере. Подписанные контракты и активность нефтяной дипломатии уже принесли стране не только значимые политические дивиденды, но и заметные прагматические результаты. Азербайджан в определённой мере вернул себе роль своеобразной «нефтяной Мекки», что способствовало успешному вхождению страны в мировое общество. Частые визиты в Баку глав ведущих нефтяных компаний, открытие их представительств, заключаемые соглашения способствовали расширению и углублению стратегических партнерских отношений со многими странами мира. Активная нефтяная дипломатия и реализация контрактов стали приносить в виде бонусов, кредитов, инвестиций и нарастающего потока нефтедолларов значимую лепту и в решение некоторых социально-экономических задач.

В целом формула «нефть в обмен на мир и процветание» действительно стратегически целесообразна для Азербайджана. Слишком много усилий затрачено на её реализацию, и поздно искать счастья в других направлениях. Впрочем, сегодня иная альтернатива в принципе невозможна. Интересы очень многих стран и компаний уже тесно завязаны на каспийской нефти, и трудно рассчитывать на их добровольное согласие предоставить Азербайджану

жану иную стратегию развития. Так что Азербайджан «обречён» на дальнейшее привлечение Запада к освоению своих энергетических ресурсов, а Запад, в свою очередь, «обречён» на защиту своих стратегических интересов в регионе. И возможно, что со временем произойдёт естественная конвергенция позиций и интересов. Главное, чтобы при этом не очень страдали национальные интересы страны и ожидания её граждан.

(Contact.az — 2008)

СВОБОДА СЛОВА ИЛИ «МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ»?!

Если попытаться основной политической антагонизм современного Азербайджана выразить двумя наиболее характерными символами, то, бесспорно, это будут «слово» и «дубинка». По сути, вся новейшая история Азербайджана, особенно с момента утверждения у власти «алиевской семьи», символизирует собой непрерывающуюся борьбу этих двух знаковых факторов. Главным выразителем первого символа было и есть свободное слово, аккумулирующее в себе голоса социальных и политических сил, рядовых граждан и общества в целом. Второй же символ находил и находит воплощение в различных карательно-репрессивных действиях правящего режима, использующего весь арсенал правовых и неправовых методов для борьбы со своим главным врагом — феноменом свободы слова. Таким образом, на одном полюсе — «свободное слово», служащее, по сути, фундаментом для реализации всех других свобод в обществе, а на другом — «репрессивная дубинка» (киллерская пуля, бандитский лом, судебный молоток и т. д.), направленная на ограничение любых форм свободы выбора. Какие бы коллизии ни происходили в обществе и чем бы они ни были вызваны, в конечном счёте всё трансформируется у нас в жёсткий антагонизм свободного слова и репрессивной дубинки. Их противостояние и неравная борьба все время составляли и продолжают составлять лейтмотив, интригу и основную коллизию развития политических процессов в стране.

Несмотря на все барьеры на пути становления независимой прессы, несмотря на серьёзные перекосы и негативы в её деятельности, несмотря, наконец, на непрерывающийся жесткий прессинг со стороны властных структур, свободное слово — это самое очевидное демократическое завоевание

в нашей стране, ведущее уже который год абсолютно неравную борьбу с деспотическим режимом за самосохранение, а следовательно, и за сохранение либеральной перспективы для страны. В Азербайджане перспективы и успех демократизации во многом зависели всегда от коллизий борьбы «свободного слова» и «репрессивной дубинки». Именно наличие свободного слова долгое время служило главным ограничителем аппетита авторитарной власти и препятствовало окончательной трансформации страны в закрытое деспотическое или тоталитарное общество. Ведь именно через свободное слово, независимую прессу большей частью заряжалось и самовыражалось как общество, так и политическая оппозиция. Оно существовало и все ещё продолжает существовать не благодаря, а вопреки действующей системе власти. Оно никогда не вписывалось в имитационную политику правящего режима, всегда являлось нежелательным, опасным, чужеродным элементом в «алиевской» системе власти. Фактически на сегодняшний день это последний бастион, противостоящий в меру сил стремлению власти на тотальный контроль над умами, деятельностью и жизнью собственных граждан. И не случайно, что вся репрессивная мощь и имитационное искусство правящего режима в последнее время направлено именно на то, чтобы смять, сокрушить и окончательно девальвировать остатки свободы слова в стране.

Наращивая в последние годы беспрецедентно жестокий накат на независимые СМИ, журналистов, правозащитников и оппозиционно настроенных граждан, правящий режим фактически хочет лишить общество последнего очага надежды — феномена свободного (критического) слова. Ведь пока живо свободное слово, жива и сама вера в возможность позитивного переустройства общества.

Но, к сожалению, в неравной схватке с режимом в защиту последних очагов свободы слова независимые СМИ сегодня могут рассчитывать лишь на поддержку «последних могилок» чрезмерно ослабленного демократического лагеря страны: группы оппозиционных политиков, правозащитников и отдельных представителей общественности. А общество, увы, в основном безучастно взирает на целенаправленное и тотальное уничтожение в Азербайджане столь необходимого для цивилизованного социума «экологии свободы».

Почему-то многие все ещё не осознают фундаментальный характер феномена свободы слова для общества в целом и для каждого гражданина в отдельности. По этой причине они то ли не придают серьезного значения нависшей угрозе, то ли обывательски полагают, что борьба в защиту этой ценности — исключительная прерогатива самих независимых СМИ и их представителей.

Не потому ли на опасности и лишения, постоянно подстерегающие нашу свободолубивую пишущую братию, многие смотрят как на неотъемлемые издержки данного вида «профессиональной деятельности»: коли назвался журналистом, правозащитником или оппозиционером, так терпи.

Более чем нелепый подход. Разве свобода слова, которую столь упорно отстаивают последние журналисты-вольнодумцы вместе с «вымирающим» демократическим лагерем, нужна только им самим? Или наше общество больше не нуждается во всепроникающем луче свободы, в громком голосе правды, в объективном зеркале информации или в набатном колоколе, пробуждающем нас от зомбированной спячки? Кто услышит, защитит права граждан (включая и лиц в правящей элите), обнародует правду о реальном положении дел в стране и изобличит преступления режима, если погасить этот луч, заглушить этот голос, отнять это зеркало, разбить этот колокол? Не слишком ли быстро изгладилось из нашей памяти жизнь в условиях тотально закрытого, несвободного советского общества, когда была только одна газета, один телеканал, одно на всех и на все случаи жизни партийное мнение, упорно навязываемое обществу как истина в последней инстанции? Неужто не видно, что нас вновь хотят вернуть в это одномерное состояние?..

Когда мы говорим о смертельной угрозе, нависшей над свободой слова в Азербайджане, точнее над её последними очагами, и призываем общество к активному противодействию, то нередко сталкиваемся (даже в среде коллег-интеллигентов) с двумя типами возражений, сформулированными примерно в следующих вопросах.

Возражения оптимистов: не стужаем ли мы краски? Настолько ли опасны и драматичны сегодняшние тенденции развития ситуации в этой сфере? Не рано ли говорить об угрозе перехода в одномерное тоталитарное состояние? Всё ли так безнадежно плохо у нас сегодня с состоянием в области свободы слова в стране?

Возражения пессимистов: какой смысл в этом словесном сотрясании воздуха, в этом «вербальном бунтарстве», когда в стране уже окончательно утвердилась реакция и общество полностью смирилось с ней? Какой резон в том, чтоб столь явно и безрассудно подставлять себя под возможные репрессии этого режима? Не лучше ли отсидеться и отмолчаться до лучших времён, когда для протеста или борьбы созреют необходимые внешние и внутренние условия?

Рассмотрим, насколько уместны и резонны подобные возражения, которые, по сути, служат косвенным прикрытием для оправдания позиции бездействия и молчания.

1. Сгущаем ли мы краски? Может быть, до некоторой степени и сгущали раньше, но не сейчас. Разве сегодняшняя практика целенаправленного сужения зоны свободы слова, разворачиваемая в атмосфере правового и морального нигилизма, полицейского и бюрократического произвола, откровенного пренебрежения к нормам демократии и стремительного возрождения уродливых черт тоталитаризма, не сигнализирует о том, что мы движемся в направлении дальнейшей советизации и тиранизации системы власти в стране? Разве события последних лет не подтверждают однозначно, что в стране идёт процесс неуклонного сворачивания со стратегического пути правового демократического государства? Разве всё более нарастающий цинично-жестокый прессинг в отношении всех, кто выражает сомнение или несогласие с действиями правящего режима, и, прежде всего, в отношении журналистов и независимых СМИ, не свидетельствует об опасном и тупиковом векторе развития политических тенденций в Азербайджане?

Какие ещё нужны тенденции, факты и доказательства для того, чтобы побудить общественность страны бить в набат тревоги? Она и так чрезмерно запоздала в этом. Она и так в течение долгого времени, осознавая факт правовой и моральной деградации общества, сталкиваясь на каждом шагу с грубейшими нарушениями прав человека, наблюдая процесс неуклонного сужения зоны свободы и демократии в стране, проявляла недостойную даже для рядовых граждан, а тем более для интеллигенции, беспечность и безответственность. Разве долг патриотической интеллигенции не в том, чтобы своевременно оповещать об опасностях, угрожающих родине и мобилизовать на борьбу с ними всё общество? О пожаре ведь надо возвещать и приступать к его тушению, когда он только начинает разгораться, а не тогда, когда пламенем объято всё пространство вокруг.

Часто ли наша титулованная интеллигенция возвышала свой голос в защиту творимого в стране произвола? Интеллигент — это ведь не просто «серое вещество» с дипломом. Это носитель свободы и ответственности, это человек, который не может и не смеет молчать, видя ложь, насилие, несправедливость. Много ли у нас таких? Особенно среди тех, кто в первом ряду? Слышны ли их возмущённые голоса не только за пределами Азербайджана, но и внутри страны? Да, порой они кричат и возмущаются, но только из-за меркантильных личных интересов или для того, чтобы угодить власть имущим. К сожалению, в общей массе нашей интеллигенции явно преобладают примеры «холопствующих» её представителей, давно предавших идеалы правды, свободы, справедливости и забывших принципы чести и достоинства. В их умах и душах, увы, свобода никогда и не ночевала.

2. К чему лезть на рожон? Какой практический смысл в безнадёжной борьбе? Не лучше ли отсидеться и отмолчаться? Да, может быть, так оно и лучше с мешанско-обывательских позиций, с точки зрения личного комфорта, уюта, благополучия и безопасности. Но совместимо ли это с миссией подлинного интеллигента и истинного патриота? Разве это не было бы коллаборационизмом и капитуляцией перед силой и злом? Разве это не было бы предательством по отношению к своей стране, к своим гражданам, к своей цивилизаторской миссии и, наконец, к себе самому?

Ведь недостаточно быть формальным интеллигентом и патриотом. Надо ещё быть интеллигентом и патриотом, который говорит и действует. Ясность и честность взглядов, принципиальность позиций никогда не должны изменять интеллигенту, и если массам простительно порой заблуждаться, то нельзя извинить тех, кто претендует быть душой и сознанием нации. Интеллигент с лакейской душой и добровольным кляпом во рту — что может быть печальнее и отвратительнее этого? А ведь подобный образ типичен у нас.

И потом: лучше «вербальное бунтарство», чем «вербальное холопство». Ждать лучших, безопасных времён для того, чтобы встать на защиту правды и свободы, — это всё равно, что «удить рыбу на консервном заводе» (по меткому выражению Андреаса Гросса). Ведь голос интеллигента должен звучать именно тогда, когда он востребован обществом и ситуацией. Грош цена свободолобивым речам, если они не направлены на то, чтобы остановить конкретное зло, освободить конкретного человека, изобличить конкретного угнетателя и изменить к лучшему конкретную ситуацию. Свободу нужно отстаивать именно тогда, когда ей угрожает опасность; правды надо добиваться именно тогда, когда она задыхается под гнётом лжи; к справедливости надо призывать именно тогда, когда торжествует несправедливость; отечеству и соотечественникам надо помогать именно тогда, когда страна переживает самые трудные времена и люди взывают о помощи. И точно так же свободу слова надо активно защищать именно тогда, когда ещё не уничтожены последние её бастионы и в стране не воцарилось жуткое «молчание ягнят».

Вместо заключения (или место заключения?)

Что ждёт нас? Терпеть и ждать, когда данная историческая эпоха окончится естественным путём? Но разве не жалко страну, которую внешняя и внутренняя конъюнктура приносит в жертву своим меркантильным интересам?

Или не жалко себя? Можно уверенно прогнозировать, что качество управления в системе, лишённой контроля со стороны общества, будет и далее катастрофически падать. А значит, будут новые репрессии, новые «кадровые зачистки», новые фальсификации, новые политические разоблачения, новые ограничения прав и свобод граждан. Соответственно, будут найдены и объявлены новые враги, которые мешают нам жить лучше и с которыми надо жестоко бороться. И так до тех пор пока само общество этому произволу не положит конец. Пока не начнёт рушиться стена безучастного молчания, которая в наших условиях есть наихудшая форма социального дезертирства. Пока наиболее активные слои общества не объединят усилия и не попытаются устранить с пути эту забуксовавшую машину коррумпированной власти, парализовавшую всё движение в стране. Пока свободное слово не одержит свою историческую победу над репрессивной дубинкой. А до тех пор мы все узники, все в общем месте заключения — в такой богатой и в такой несвободной стране.

(Contact.az — 2008)

КРИЗИС ИЛИ ДИСКРЕДИТАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ?

*«Лучшее лекарство от болезней демократии —
большие демократии».*

Алфред Э. Смит

Думается, отнюдь не случайно за периодами глобального наступления демократии в научной литературе закрепилось название «волны демократизации». Это весьма удачное образное определение, точно фиксирующее не только подъёмы, но и спады в развитии мировых демократических процессов: ведь волны, как всем известно, бывают не только приливные, но и откатные.

Понятие «волны демократизации» ввёл в научный оборот в 1990 году известный исследователь С. Хантингтон. Согласно Хантингтону, «волна демократизации» — это «совокупность происходящих в некий промежуток времени транзитов от недемократических к демократическим режимам, значительно превосходящее число осуществлённых в тот же временной отрезок переходов в противоположном направлении». Современная история знает 3 «волны демократизации». Первая волна была длительной и медленной: она зародилась ещё в первой половине XIX века и завершилась примерно в 20-е годы XX века с образованием небольшой группы устойчивых демократических стран. Вторая волна охватила период с 1943 по 1964 гг. и ознаменовалась существенным пополнением демократического лагеря, включающего уже около 40 стран. Примечательно, что за обеими волнами «глобальной экспансии демократии» последовали «откатные волны». Первая «откатная волна» пришлась на 1922–1942 гг. и ознаменовалась распространением фашизма, большевизма и заметным сужением зоны демократии и либеральных свобод в мире. Вторая «откатная волна» началась в 1961 году и продолжалась до 1975 года, ознаменовавшись падением целого ряда недавно созданных или восстановленных демократических режимов и спадом процесса демократизации. И хотя каждая «откатная волна» заметно сокращала количество демократий в мире, в целом их оставалось всё же

больше, чем до начала соответствующей волны демократизации. Таким образом, обеспечивалось волнообразное (приливо-отливное), но в целом поступательное развитие глобальных процессов демократизации.

С 1974 г. началась третья «волна демократизации», пик которой пришёлся на конец 80-х — начало 90-х годов. Многие авторитетные эксперты поспешили назвать её самой глобальной, убедительной, триумфальной и даже завершающей волной в процессе утверждения демократии в масштабе всей планеты. И действительно, после начала третьей «волны демократизации» за исторически короткое время на демократический путь развития встали в общей сложности более 90 автократий, что позволило многим исследователям говорить о триумфальном шествии демократии по всему миру. Впервые демократический лагерь охватил большинство стран мира. Так, по подсчётам Дома Свободы (Freedom House) 1995 года, из 191 существовавшей страны 117, или 61,3%, освоили практику свободных выборов и таким образом обладали процедурным минимумом демократии. После краха коммунистических систем, пришедшего на пик «третьей волны», многие эксперты заговорили о полном торжестве демократии в масштабах всей планеты. Ф. Фукуяма даже сформулировал свой знаменитый тезис о «конце истории», доказывая, что западные либеральные ценности бесповоротно победили все конкурирующие представления о политическом и экономическом устройстве и поэтому у демократии и капитализма уже не осталось какой-либо реальной альтернативы. Таким образом, вплоть до конца XX века в мире царила эйфория от триумфальных успехов демократии.

О возможности очередной «откатной волны» долгое время никто и думать не хотел. Логически это была более чем странная позиция: ведь весь предыдущий опыт доказывал, что за всеми приливными волнами (как в природе, так и в социальном мире) следуют неизбежные откатные фазы. На это настаивала и циклическая периодика самого Хантингтона: за каждой волной демократизации, продолжающейся примерно 20–25 лет, следовала «откатная волна», охватывающая примерно 15–20 лет. Так что если исходить из такой цикличности, то с середины или конца 90-х гг. XX века можно было ожидать завершения третьей «волны демократизации» и начала очередной «откатной волны».

И действительно, уже с середины 90-х годов наметились весьма тревожные тенденции, и последующие годы показали, что для утверждений об окончательном триумфе демократии и «конце истории» нет никаких оснований. «Третья волна» наряду с очевидными моментами триумфа политического либерализма породила и реальный феномен псевдодемократии (имитацион-

ной или формальной демократии). В целом ряде новых независимых государств, особенно на посткоммунистическом и постсоветском пространстве, развитие пошло не по пути либеральной демократии, а в направлении усиления гротескного авторитаризма, в формальной псевдodemократической оболочке. В течение 10 с лишним лет все попытки международного сообщества по интеграции этих стран в европейские структуры и переориентации их на подлинно демократический путь развития оказались безуспешны. Даже членство в Совете Европы и других международных организациях не изменило авторитарную природу и имитационную суть многих псевдodemократических режимов, в которых продолжали серьёзно нарушаться права человека, игнорироваться нормы Конституции и демократии, ограничиваться политические и экономические свободы, фальсифицироваться выборы. Более того, в последние годы вектор развития внутривнутриполитической ситуации во многих из этих стран (включая и Азербайджан) пошёл в направлении дальнейшего свёртывания элементов демократии и реанимации неосоветской и тоталитарной практики. При этом открытые, честные выборы, которые многими политологами справедливо признаются процедурным минимумом демократии, превратились в этих странах в откровенный фарс и дежурную имитационно-фальсификационную игру с заведомо известным результатом.

Псевдodemократический процесс с середины 90-х годов стал приобретать столь широкий размах, что на это вынуждены были отреагировать и влиятельные международные исследовательские центры. Так, например, в отчёте Дома Свободы за 1996 год представлена по разным годам доля подлинных демократий в общем списке формальных демократий. Показательно, что если в 1990 году подлинные демократии составляли 85% в общем списке формально демократических стран, то в 1995 году этот показатель снизился до 65%. А это свидетельство того, что всё большее число стран стало трансформироваться в псевдodemократию и довольствоваться формальными её атрибутами. Появление в целом ряде стран устойчивого феномена имитационной демократии заставило многих укротить оптимизм и усомниться в глобальном торжестве демократии. Подобные тенденции дали основание Дому Свободы пересмотреть некоторые свои оценки и в отчётах последних лет отнести целый ряд таких псевдodemократий (включая и Азербайджан) уже в разряд несвободных стран.

Существование и тесное сотрудничество в одном демократическом лагере и даже в рамках одних и тех же влиятельных международных организаций (Евросоюза, Совета Европы и т. д.) псевдо и подлинно демократических стран дали постепенно тот эффект, которого первоначально никто не ожидал. Задача перевоспитания имитационных режимов на демократический лад полно-

стью провалилась. Более того, сами страны, претендующие на роль учителей демократии, постепенно заразились имитационным недугом и начали также вырождаться в псевдodemократии. Такого не было ранее — даже в периоды «откатной волны». Режимы прежде четко разделялись на демократические и недемократические. Столь же чёткими представлялись ранее и сами критерии отнесения той или иной страны в демократический или недемократический лагерь. С появлением же феномена имитационной демократии и большого количества псевдodemократических стран прежние оценки и критерии оказались во многом «неработающими». Псевдodemократия как вирус стала разедать не только внутренние устои той или иной страны, но и всё мировое демократическое сообщество. Синдром псевдodemократии (имитационной, формальной демократии) за последние годы фактически проник в политическую практику многих ведущих государств и влиятельных международных организаций, положив тем самым начало процессу глобальной эрозии и дискредитации демократии во всем мире.

Этот процесс особенно усилился в последние годы, что дало основание многим известным исследователям говорить даже не об «откатной волне», а о серьёзном системном кризисе демократии. В частности, сам Фукуяма, заявлявший ранее о глобальном триумфе демократии и «конце истории», не так давно был вынужден признать свою ошибку и с сожалением констатировал стремительный рост кризисных явлений в области демократии. Наличие серьёзных кризисных моментов в сфере демократии, наряду с Фукуямой, вынуждены в той или иной мере признавать ныне многие авторитетные эксперты: Сорос, Бжезинский, Н. Хомский, Р. Дарендорф, Дж. Роуч, Г. Зинн, Э. Гидденс, М. Паренти, Хантингтон и др. При этом одни, продолжая стоять на оптимистической позиции, говорят о временном кризисе, связанном с наступлением очередной «откатной волны», и полагают, что с завершением этого цикла начнется новый этап («четвертая волна») в поступательном развитии демократии. Другие, не скрывая тревоги и скепсиса, прогнозируют дальнейшее углубление системного кризиса демократии, вплоть до её полного вырождения в новую форму диктатуры или в различные вариации олигархических режимов. И лишь некоторые исследователи осмеливаются говорить о намеренной и продуманной дискредитации демократии со стороны правящей мировой олигархии и транснациональных компаний.

Так что же на самом деле стоит за наблюдаемыми ныне явлениями глобальной эрозии демократии — временная «откатная волна», серьёзный системный кризис или намеренная её дискредитация?

В ПОИСКАХ НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ КАВКАЗА

Кавказ уже давно представляет собой геополитический вулкан, не имеющий устойчивых периодов покоя. Он всё время в эпицентре геополитических катаклизмов, и для него, по сути, всегда были актуальны проблемы региональной безопасности. С распадом СССР разрушилась прежняя конфигурация безопасности Кавказа и начался сложный процесс адаптации стран региона к новым геополитическим реалиям. Процесс обретения странами Кавказа нового геополитического статуса затруднялся наличием этноконфликтов (карабахский, абхазский, осетинский), а также фактором асимметричности их внешнеполитической ориентации. Армения однозначно выступала в роли форпоста России в регионе, а Азербайджан и Грузия осуществляли прозападный курс. Вдобавок ситуацию осложняли острые перипетии «нефтяной геополитики». Эти факторы сплели в сложный геополитический узел проблемы миротворческой и нефтяной дипломатии.

Постсоветский Кавказ стал фактически одной из ключевых зон геополитического противостояния в мире: на этот регион ориентированы приоритетные интересы главных субъектов современного миропорядка. Понятна и объективная мотивация их интересов на Кавказе — уникальность геостратегического положения региона и наличие значительных энергоресурсов. Существующая же здесь сложная сеть реальных и потенциальных конфликтов облегчала державам возможности манипулирования ситуацией в регионе. Всё это способствовало превращению Кавказа в полигон конфронтации различных интересов. Как следствие, состояние и перспективы региона определялись во многом «суммарным» влиянием внешних факторов, а не желанием самих кавказских народов. Несовпадение и даже полярность инте-

ресов держав усложняли геополитическую ситуацию и удерживали регион в состоянии неопределённости.

По плотности и остроте конфликтов, а также по интенсивности геополитических конфронтаций Кавказ, по сути, превзошёл даже Балканы. При этом наличие сепаратистских конфликтов и перманентный рост транзитной и энергетической значимости Кавказа перманентно повышали остроту геополитической борьбы за доминирование в регионе. Россия контролируемые конфликтами и военным присутствием в регионе сохраняла рычаги давления на ситуацию, а Запад активным энергетическим внедрением пытался отеснить её на периферию. Вплоть до 2008 года эти два конкурирующих геополитических потока более или менее «мирно» сосуществовали, и благодаря этому в регионе постепенно складывалась ситуация динамичного равновесия, служащая оплотом хрупкой безопасности.

После событий в августе 2008 года в Грузии ситуация кардинально изменилась. Зыбкая конфигурация безопасности оказалась разрушенной, а геополитическое противостояние в регионе перешло вновь в жёсткую и открытую фазу. Южный Кавказ вновь стал ареной острой геополитической борьбы значимых фигур мировой политической системы (США, ЕС, НАТО, Турции — с одной стороны и России, Ирана, ОДКБ — с другой) за обеспечение доминирующего контроля над политико-экономическими процессами, ресурсами, транспортно-энергетическими маршрутами и имеющимися в регионе конфликтами. Год назад Россия начала затяжную «газовую осаду» Азербайджана и военно-политическую атаку на Грузию, стремясь остановить прозападный дрейф этих стран и скорректировать геостратегическую конфигурацию Кавказа под стать своим интересам. В свою очередь Запад — усилиями США, ЕС, НАТО, ТНК и особенно Турции — начал активную контригру по защите своих геополитических, военных и энергетических интересов в регионе. Если Москва сосредоточила основной удар на Грузии — форпосте США, ЕС и НАТО на Южном Кавказе, то Запад сделал главной задачей переманивание на свою сторону Армении — форпоста России в регионе. Одновременно Запад и Россия стали предпринимать активные шаги для включения в орбиту своего монопольного влияния Азербайджана — самого значимого субъекта Южного Кавказа, проводящего в последнее время более осторожную и геополитически сбалансированную внешнюю политику.

Таким образом, острая борьба за новую конфигурацию безопасности, за новый миропорядок на Кавказе вступила в новую фазу. Схватка между державами и их альянсами ужесточается. В борьбу активно втянуты и сами субъекты Кавказа, причём они зачастую ориентируются на разные геополитические альянсы и отстаивают различные проекты безопасности и интеграции

региона. Всё это создаёт предпосылки для роста напряженности и привносит импульс неопределённости в геополитические перспективы региона. Кавказ манипулируется опасными конфронтационными процессами: внутри каждой кавказской страны имеются политические центры сил, ориентированные на конфликтующие геополитические альянсы. Ситуация провоцирует негативные импульсы, углубляющие сепаратизм, дезинтеграцию, нестабильность. Не сняты угрозы новых конфликтов, войн, и потому актуальной остаётся задача обеспечения системной безопасности региона.

Показательно, что, начиная с конца прошлого года, идёт в нарастающем ключе процесс дестабилизации ситуации и на Северном Кавказе, уже давно ставшей для постсоветской России перманентной «головной болью». По странному стечению обстоятельств начало нового витка эскалации насилия и напряжения на Северном Кавказе совпало с периодом, когда Кремль стал наращивать своё военно-политическое, экономическое и дипломатическое присутствие в сопредельном регионе Южного Кавказа. В то время, когда главное внимание Кремля было сосредоточено на том, чтобы изменить в свою пользу геополитическую конфигурацию Южного Кавказа, ситуация на Северном Кавказе стала выходить из-под плотного контроля федеральных властей. Как уже не раз бывало в постсоветской истории, Северный и Южный Кавказ выступают как управляемые мистикой географии или реалиями геополитики сообщающиеся сосуды: активизация усилий Москвы в одной части Кавказа сразу ведёт к ослаблению её позиций в другой. Такое ощущение, словно эти сообщающиеся процессы кем-то незримо дирижируются.

Именно со второй половины прошлого года резко возросла геополитическая и дипломатическая активность Турции в регионе, что, в свою очередь, стало причиной противоречивых толкований. После событий в Грузии Турция выступила со смелой инициативой, предложив «Платформу мира и стабильности на Кавказе». Работа над реализацией Платформы позволила Турции наращивать «челночную» активность и свое политическое присутствие в регионе. По сути, активная миротворческая инициатива Турции стала своеобразным ответом Запада на агрессивную инициативу России.

После августовских событий 2008 года на Южном Кавказе образовались «геополитические брешы», которые позволили Турции развить небывалую активность. В тактическом плане это отвечало интересам не только Запада (США), но отчасти и России. Нанесшая урон своему имиджу Россия пыталась обзавестись хотя бы временным союзником, посредством которого можно было бы снять напряжение в отношениях с Западом и со странами региона. В сложившейся ситуации таким временным союзником для России могла стать только

Турция. Будучи из «западного лагеря», она в то же время имела собственные интересы в регионе. Кроме того, Турция зависела от поставок российского газа и имела с ней солидный товарооборот. В то же время Турция своей активностью могла бы частично нейтрализовать нежелательное для России и Ирана геополитическое влияние других игроков на Южном Кавказе. Вероятно, всё это отлично понимали в Турции, и, возможно, именно эти соображения побудили Анкару реанимировать идею интеграции Южного Кавказа. Не удивительно, что Москва поддержала этот проект, в рамках которого формально нет намёка на иных участников, кроме 3 стран Кавказа, Турции и России. Словом, инициативы Анкары по обеспечению мира, стабильности и новой конфигурации безопасности на Кавказе, а также её шаги в направлении интенсификации армяно-турецкого и армяно-азербайджанского диалогов не были спонтанными. Они имели свою предысторию, эволюционировали по ходу развития событий в регионе и мотивировались конкретными целями. Важнейшей из них для Турции являлось усиление её роли в регионе и блокирование опасных планов Москвы.

В этом контексте новая «кавказская политика» Турции отвечает сегодняшним интересам Запада (США, ЕС, НАТО) и создаёт реальную базу перспективам безопасности региона. Реализация миротворческих планов Анкары, вне всякого сомнения, ведёт к усилению влияния Турции в регионе и расширяет её потенциал в решении существующих в регионе конфликтов. Армения также положительно восприняла инициативы Турции. Безусловно, это важно для Армении как с точки зрения преодоления изоляционизма и подключения к региональным энергетическим проектам, так и в плане умножения возможностей геополитического маневрирования. Несмотря на короткий период «нервной паузы» между Баку и Анкарой, Азербайджан также поддержал миротворческие инициативы турецкой стороны. Официальный Баку справедливо решил, что если целью Москвы является удерживать под своим влиянием Южный Кавказ с помощью контролируемых конфликтов, то нарушение этой монополии и подключение Турции в дела региона открывает для Азербайджана более позитивные перспективы.

Что же касается короткой «нервной паузы» в отношениях между братскими странами, то это было результатом либо недоразумения, либо тонкой и согласованной игры. Изначально было ясно, что реализация «американского плана» геополитического выдавливания России из региона и создания на Южном Кавказе новой конфигурации отношений не имеют шансов на успех без учета основных интересов Азербайджана. По этой причине нормализация армяно-турецких отношений и открытие границ между этими странами вне параллельного решения карабахской проблемы и урегулирования армяно-

азербайджанских отношений не имеют серьезной перспективы и мало что дают самому Западу (США) в борьбе за геополитическое доминирование в регионе. Кроме того, такая усеченная форма реализации «американского плана» однозначно противоречила бы как национально-государственным, так и прагматическим интересам самой Турции. Поэтому более продуктивным представляется ныне заявленный подход о параллельном и согласованном урегулировании армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений.

В случае успешного продвижения процесса нормализации турецко-армянских и армяно-азербайджанских отношений выдвинутая Анкарой Платформа мира и стабильности получает реальный шанс на воплощение и на Южном Кавказе может сложиться более устойчивая конфигурация безопасности с очень весомой ролью самой Турции. Сегодняшняя ситуация такова, что все другие основные игроки кавказской геополитики (США, Россия, ЕС, Иран) взаимоотношают друг друга, не пользуются равной поддержкой стран региона и потому не способны выступать в роли приемлемой всеми миротворческой силы и гаранта безопасности. В этом смысле у Турции сегодня гораздо больше оснований претендовать на эту ответственную посредническую роль: эта кандидатура в гораздо меньшей степени принимается в штыки всеми другими игроками и странами региона. А среди государств Южного Кавказа наибольшими мультивекторными ресурсами и потенциалом содействия Турции в деле укрепления безопасности в регионе обладает Азербайджан. В случае урегулирования карабахской проблемы и нормализации отношений с Арменией, Азербайджан, имеющий хорошие отношения со всеми геополитическими центрами сил, может стать важным фактором безопасности региона.

Осторожная мультивекторная политика, проводимая официальным Баку в течение 2008–2009 гг., а также фактор роста геополитической, энергетической и транзитной значимости страны позволили Азербайджану избежать многих рисков и извлечь реальные политические и экономические дивиденды. В то же время политика балансирования в конфронтационном поле сталкивающихся интересов Запада и России имеет свои пределы. Неясные перспективы развития острых политических процессов в «изгойном» Иране и бряцание Россией новой военной доктриной, открывающей возможности для неоимперских авантур, создают перманентные угрозы для безопасности Азербайджана и региона в целом. Очевидно, что стратегия безопасности самого Азербайджана и всего региона на данном этапе — в активном содействии инициативам Турции (США, НАТО) по обеспечению мира и стабильности на Южном Кавказе.

ВЛАСТЬ «КОЛЛЕКТИВНОГО АЛИЕВА»

Такое ощущение, что в основе всего, что делает власть в Азербайджане, лежит глубокое презрение к собственному народу. Правящий режим, должно быть, полагает, что народ — это крепостные, чьи интересы, потребности и мнения не только можно, но и нужно игнорировать. Конечно же, во имя и для блага самого народа. Захватив монополию не только на власть и собственность, но также на роль единственного выразителя интересов народа, наш правящий режим убежден, что только он может и должен управлять страной, понимая под этим привилегированное право на грабёж и произвол. Поэтому-то у нас с неумолимой последовательностью выхолащиваются все институты, предусматривающие хоть какое-то участие народа в жизни страны: перекрываются все каналы, позволяющие обществу хоть как-то контролировать действия правящего режима, и беспощадно караются все оппоненты, посмевшие усомниться в праве власти на монополию и произвол. Правящий режим полагает, что наш народ ещё не дорос до демократии, правового государства, гражданского общества. Получается, что проблема не во власти, а в народе: режим дозрел до демократии, а вот все мы — ещё нет. А значит, отсюда можно делать фантастическое допущение, что власть реакционно лютует, грабит, беспредельничает не потому, что ей это по нраву, а просто будучи вынужденной снизойти до уровня отсталого и темного народа. Вообще, по логике правящего режима, наш народ только в одном случае сумел сделать правильный выбор: когда «призвал» к власти Гейдара Алиева. После чего, видимо, опять впал в «темное» и «ненужное» состояние. Поэтому во всех остальных случаях с ним можно не считаться.

Но народ, отдавший на горе себе власть «вменяемому» авторитарно-му политику Гейдару Алиеву, теперь вынужден мириться с «невменяемой»

клептократической властью «коллективного Алиева». Власть в «постгейдаровском» Азербайджане оказалась узурпированной мощной группировкой «чиновников-олигархов», поставившей себе на службу не только всю страну, всё общество, но отчасти и самого президента. Последнего, к слову сказать, должно быть, вполне устраивает модель власти «коллективного Алиева» и комфортная роль «генсека» в полутеневом «олигархическом политбюро». Наши «чиновники-олигархи» приучены управлять страной только в условиях бесконтрольной монополии и при полном отсутствии конкурентов. Конкурентов не только вовне, но и внутри самой власти. Вот поэтому эта власть поедает сегодня саму себя. А самый верный способ расправиться с конкурентами — это натравить на них полицию, прокуратуру, налоговую инспекцию, суды, официальную пропаганду или наёмных головорезов. Что и происходит — повсеместно, по всей стране. Но если раньше это практиковалось только в отношении политических оппонентов из стана оппозиции, неугодных СМИ, независимых бизнесменов или просто недовольных граждан, то в последние годы «олигархическое политбюро» принялось за репрессивную селекцию и собственных рядов. Сегодня лицемерие и наглость «чиновников-олигархов» достигло высшей своей точки. Они ни за что не отвечают перед государством, которое они превратили в инструмент реализации собственных меркантильных интересов. Они наделили себя иммунитетом неприкосновенности и привилегированным правом на любой произвол. Они подменили собой закон и расправляются с конкурентами руками узурпированного ими государства.

Народ всё это терпеливо сносит, но уже начинает осознавать. Пока «правящая олигархия» занимается привычным разграблением страны, продажей нефти и размещением доходов в собственных карманах, народ аккумулирует в себе недовольство или бежит, куда глаза глядят. Причём негодует и бежит, как правило, не столько простой народ, а в большинстве своём образованный и политически активный. С кем завтра останется страна? С молчаливым и на все согласным большинством? Но тогда о всяком развитии и светлом будущем страны можно забыть. Если не навсегда, то, по крайней мере, надолго. Но то, что вызревают реальные симптомы кризиса власти и в обществе зреет общее недовольство, уже начинает ощущаться. И дело даже не в том, сколько человек выходят на пикеты или выражают открыто недовольство. Это спрятано глубоко и может в любой момент рвануть. Постепенно складывается классическая ситуация — когда верхи не могут, а низы не хотят. Ведь естественных стремлений человека к справедливости, к свободе и к нормальной жизни ещё никто отменить не смог. В этих стремлениях и есть надежда.

В политическом отношении «постгейдаровский» Азербайджан представляет собой плохо управляемую олигархию, хотя внешне старается имитировать модель управляемой демократии. Подобный коррумпированно-олигархический строй с элементами авторитаризма — частая политическая система в странах «третьего мира». Вопреки распространённому мнению, олигархи — это не просто миллионеры, а миллионеры, обосновавшиеся у власти или около власти и имеющие чуть ли не монопольное влияние на государственные и экономические структуры. Олигархи возникают из уродливого сращения власти и богатства. А сама олигархия — это неограниченная политическая власть состоятельного меньшинства, коллективный авторитаризм класса очень крупных собственников-коррупционеров, подмявших под себя фактически всё государство.

При Гейдаре Алиеве полноценной олигархии ещё не было, поскольку хотя состоятельное меньшинство уже имело в своих руках влиятельные каналы власти и обогащения, но отсутствовала неограниченность, бесконтрольность, несменяемость этого властного меньшинства, а над всей этой конструкцией возвышались авторитет, воля и харизма самого президента. Тогда мы имели авторитарную модель на базе синтеза диктатуры и демократии — то, что многие именуют сейчас как демократура. В полной мере олигархия состоялась в Азербайджане уже после смерти патриарха — при «коллективном Алиеве».

Суть «управляемой олигархии» состоит в том, что внешне государственные и даже некоторые демократические институты сохраняются, но играют декоративную роль. Выборы, парламент, гражданские права и политические свободы, даже независимая от власти пресса — в какой-то степени и в каких-то рамках существуют, но призваны обслуживать интересы правящей олигархии и предназначены не столько для внутреннего, сколько преимущественно для внешнего употребления. Так как не иметь парламент и не проводить время от времени выборы в XXI веке как-то неприлично. Но парламент, выборы, суды и пр. призваны у нас легитимизировать (прежде всего в глазах внешнего мира) уже существующую неограниченную «власть немногих» (олигархию). Конечно, управляемая олигархия (даже если она управляется из рук вон плохо) может представляться значительно меньшим злом по сравнению с другой естественной для стран «третьего мира» формой правления — откровенно тираническим режимом. Но по тенденции наша управляемая олигархия уже на пути постепенной трансформации в тиранический режим.

При авторитарной модели власти Гейдара Алиева уровень политической динамики и политической мобильности в обществе был значительно выше,

чем в нынешних условиях управляемой олигархии (при «коллективном Алиеве»). «Олигархическая неомонархия» с самого начала жёстко расставила всех по местам, правда, не сказать, чтобы по своим: одних — в кресла, других — в тюрьмы, третьих — в ссылку, а всех остальных — в «стойло». Видимо, в Азербайджане уже закончилась (или заканчивается) эпоха «первоначального накопления капитала», социального расслоения и распределения теплых мест. Двери «социального лифта» закрылись, и за ними остались все, кому не улыбнулась фортуна.

Количество счастливых, некогда успешно штурмовавших «небеса» азербайджанской власти и бизнеса, стремительно сокращается. Кто-то расстаётся с жизнью сам, другие умирают от рук наёмного киллера, третьи вынужденно покидают страну, некоторых съедают конкуренты, а остальных целенаправленно устраняет сама правящая олигархия. И что интересно, место вышедших «чиновников-олигархов» не заполняется: формально на смену ушедшим приходят другие, но, как правило, они уже не столь конкурентоспособны. Бизнес и сфера влияния «проигравших» попросту перераспределяется между уже имеющимися участниками игры. «Политические и экономические смерти» («зачистки») следуют одна за другой, никого уже особенно не удивляя: меньше игроков — больше спокойствия и больший выигрыш для оставшихся. По тенденции в роли очередной жертвы неправового произвола может оказаться не только каждый гражданин страны, но и любой представитель властвующей олигархической группы. По сути, модель «коллективного олигархического управления» нежизнеспособна, поскольку она всё время тяготеет к «самопожиранию»: в перспективе может остаться один олигарх-победитель и режим преобразуется в тиранию.

Но ситуация, когда «социальный лифт» не работает и пар из котла не выпускается, весьма опасна для самой власти. Ведь снизу постепенно напирает многочисленная армия недовольных пассионариев, в головах у которых вертится одно слово: «никогда». Им никогда не стать крупными бизнесменами: никто попросту их не пустит, несмотря на любые таланты и бизнес-планы. Им никогда не пробиться по бюрократической лестнице: вход в политику уже заказан. Отличительная особенность нынешней ситуации — полное отсутствие системы «социального лифта» — возможности для инициативных и честолюбивых людей выдвинуться и успешно продвигаться по карьерной лестнице в государственно-значимых областях или в сфере крупного бизнеса. Власть, собственность, сила и влияние — всё это сконцентрировано в руках лишь у небольшой группы олигархов, и эта модель воспроизводится на всех этажах общества. Нет подпитки власти

и бизнеса «свежей кровью». Но зато идёт подпитка всего общества энергией недовольства.

В ситуации правового произвола и «обрезанного лифта» всё большее число людей сознательно и подсознательно начинают связывать свою судьбу с возможной сменой режима. Они все больше осознают, что, пока всё остается на своих местах, пока сохраняется «застойная стабильность» и укрепляется вертикаль олигархической власти, им ничего не светит. А вот если всё вдруг порушится, если произойдет смена режима, вот тогда появятся «сто тысяч новых вакансий», откроются шлюзы для бурного потока во власть и в бизнес «новых людей». Таким образом, ставя всё общество в ситуацию «вне игры», репрессивно выдавливая из власти и бизнеса всех конкурентов, и глумясь постоянно над нормами права и морали, правящая олигархия сама себя обрекает на скорое поражение: ведь ещё ни один режим не устоял в атмосфере всеобщего роста недовольства.

(Contact.az — 2009)

В ТУПИКЕ КЛЕПТОКРАТИИ

Правовой нигилизм, нравственный цинизм и клептократическая жажда обогащения — вот, по сути, три кита действующей системы власти в Азербайджане, неумолимо подтачивающие все сферы государственной и общественной жизни в стране. Сегодня в Азербайджане стремительно реализуется (уже почти реализована) модель неправового государства. Власть, деньги, сила, лесть, кумовство, блат полностью подменили закон.

Если обществу в ближайшей перспективе угрожает хаос, то эта угроза исходит не столько от оппозиции, народа или внешних сил, сколько от властных структур, постепенно превращающихся в главный дестабилизирующий и криминогенный фактор в стране. Вызревающий в условиях правового беспредела кризис системы власти может стать одновременно и кризисом авторитарной стратегии стабильности в Азербайджане. Пропагандируемая режимом «великая стабильность» фактически уже повисла в воздухе, поскольку утратила правовую, экономическую, а отчасти и политическую основу. Она поддерживается лишь инерцией застоя, полицейским «кнутом» и нефтедолларовыми инъекциями. У такой «застойной стабильности» нет устойчивой перспективы.

С правовой стабильностью всё и так ясно: в стране, где нет независимой судебной системы и игнорируется принцип верховенства законов, можно констатировать полное её отсутствие. Конституция страны превратилась в антуражную вывеску: её постоянно подгоняют к конъюнктуре, на неё все указывают, но мало кто соблюдает её предписания. Общество стабильно пребывает в условиях правового беспредела, чиновничьего и полицейского произвола, и пример в этом по всей вертикали вниз подают высшие органы власти. Принцип разделения властей заменён их кооперацией вокруг пре-

зидента и клановых лидеров. Правоохранительные системы, «работающие» лишь в режиме выполнения заказов власти, превращаются в опасные криминогенные очаги (вспомним скандальное дело Гаджи Мамедова). Всё это ведёт к тому, что не только граждане, но и многие организации (как местные, так и зарубежные) находятся в полной зависимости от капризов наших власть имущих и в любой момент могут стать объектом незаконных поборов и репрессий. Словом, правовая стабильность — фикция, реально всё в стране регулируется конфликтующими интересами отдельных чиновников и олигархов. Коллизии же их интересов постепенно формируют реальные очаги дестабилизации.

Не лучше обстоит дело и с экономической стабильностью. Ожидания либеральных новаций в сфере экономики оказались напрасны. Несмотря на супер-бравурную статистику успехов, по темпам реформирования и уровню свободы экономики страна занимает одно из последних мест в международных рейтингах. Это обусловлено не столько объективными факторами, сколько монополизацией экономической сферы и бюрократическим блокированием процессов либерализации. Экономика всё более становится «теневой», а коррупция практически полностью легализована. Не случайно по масштабам коррупции страна занимает лидирующие позиции в мире. Хрупкая финансовая стабильность, искусственно поддерживаемая в течение ряда лет, трещит по швам: тому пример усиление инфляции и необоснованный рост цен, обусловивший рекордные показатели дороговизны жизни в стране. Всё это дополняется картиной массовой безработицы, люмпенизации населения и эскалации социального недовольства в обществе. Так что в социально-экономической сфере если и существует стабильность, то только стагнационная. Внушительные нефтедолларовые потоки вряд ли могут кардинально изменить и оздоровить ситуацию при сохранении нынешнего уровня коррупции, монополизации, несвободы и «совковых» методов управления экономикой.

Долгое время главной козырной картой официальной пропаганды был миф о политической стабильности. Но за этим мифом уже практически нет ничего, кроме пропагандистской шелухи. Политическая стабильность только в том случае может быть эффективной и долгосрочной, если она базируется на климате согласия и солидаризма в обществе, принципах открытой и честной политики, справедливых выборах, атмосфере плюрализма и свободы слова, легитимной и сбалансированной системе власти, демократических механизмах её преемственности, а также на принципе верховенства законов. Но правящий режим продолжает цепляться за сугубо репрессивные и неправовые основы стабильности и при этом делает это настолько неумело и гру-

бо, что только ускоряет процесс крушения нынешней системы правления. По сути, сегодня власть уже не способна выступать в роли правового гаранта стабильности. Прежняя политическая стабильность на базе авторитарной стратегии во многом уже исчерпала себя, а переход на рельсы демократической стабильности фактически предполагает определённую системную коррекцию и демонтаж действующей системы власти.

Ведь как долго можно поддерживать репрессивную стабильность в ситуации роста социального недовольства, коррупции и правового беспредела? Когда репрессии становятся единственно возможным средством держать общество в узде — это верный признак тупиковости ситуации. Ведь в ситуации правового нигилизма и отсутствия вотума доверия власть всё активнее делает ставку на единственно доступный ей инструмент воздействия — страх. Методы популистского соблазна всё более уступают место методам зомбирования, обмана, принуждения и наказания. Пряник обходится слишком дорого и уже не всегда достигает цели, но пока ещё остаётся кнут. Между тем, когда кнут превращается в главную опору власти, тогда уже нет особой необходимости рассуждать о рейтингах, оппозиции, общественном мнении, ментальности, кредите доверия народа, легитимности, демократии, выборах и прочих вещах. Логика кнута делает излишним ставку на иные (общечеловеческие, правовые, демократические) ценности.

Всё это говорит о том, что наши поиски «особого пути эволюционного развития», «модернизации по-азербайджански», «консолидирующей идеи» и пр. сегодня не слишком актуальны. Актуальным же остаётся вопрос о перспективах этого неправового режима. Трудно сказать, в какой именно момент лопнет его осевой нерв, когда именно зомбированные люди «потеряют страх» и воспрянут. Однако несомненным представляется то, что наш неправовой режим рухнет именно в силу внутренних напряжений. Иные причины вроде внешнего прессинга или «бархатной революции» могут лишь катализировать хаотические процессы, которые уже проглядывают сквозь оболочку «застойной стабильности». Когда исчезает политический соблазн и репрессивный аппарат начинает работать в безальтернативном и неправовом режиме, дело идёт к неминуемому концу. Ведь политика «завинчивания гаек» имеет свои пределы. Конечно, режим может агонизировать ещё долго, но он уже вряд ли сумеет преобразиться в политсистему с человеческим лицом. История знает немало примеров трансформации демократии в клептократию, но почти ни одного случая превращения клептократии в правовое демократическое государство, без процедуры обновления или смены власти.

ПОЛУУПРАЗДНЁННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

День независимости — главный праздник для любой уважающей себя суверенной страны — у нас уже восьмой год подряд фактически предан забвению. Целенаправленно пересматривая многие положения новейшей истории страны, правящая элита словно стремится уложить все прошлое, настоящее и даже будущее Азербайджана в прокрустово ложе «династийной биографии» и предпочтений семьи Алиевых. То и дело мы являемся свидетелями того, как история страны подвергается однобокой ревизии: стираются или пересматриваются одни ценности, события и даты, насаждаются новые. С тех пор как Ильхам Алиев стал президентом, главной жертвой подобного подхода оказалась дата 18 октября — День независимости Азербайджана. Уже в момент прихода к власти Ильхам Алиев предельно откровенно заявил, что равнодушен к этому празднику, поскольку это событие не содержит в себе ничего «священного», заслуживающего уважения, ибо «эта независимость была одновременно дарована всем советским республикам» (?). Подобное отношение к этому празднику президент последовательно подкреплял реальными поступками. Вот уже который год подряд президент, а след за ним и вся правящая элита откровенно бойкотируют день 18 октября. Обратим внимание на факты:

— В 2003 году праздник остался в тени начатых 15 октября (по окончании президентских выборов) массовых репрессий против оппозиции и протестной части общества.

— В 2004 году буквально накануне праздника глава государства неожиданно отбыл в Москву на юбилей своей «альма-матер», и в результате празднование Дня независимости было предельно скомкано. Тогда этот нонсенс мно-

гие объясняли неопытностью молодого президента или проколом команды, планирующей его рабочий график.

— В 2005 году, в контексте парламентских выборов, повторилась история 2003 года: словно намеренно за день до праздника началась карательная спецоперация по предотвращению некоего госпереворота, и День независимости, оказавшись «заложником» негласного военного положения, вновь выпал из поля внимания всех.

— В 2006 году, казалось, уже ничто не должно было помешать празднованию юбилейной даты (15 лет) Дня независимости: не было ни плановых визитов, ни выборов, ни попыток госпереворота и иных форс-мажорных обстоятельств. Тем не менее опять накануне праздника глава государства совершенно неожиданно отправился в Беларусь, а правящая элита в его отсутствие свернула праздник чуть ли не до уровня Дня учителя.

— В 2007 году история повторилась: 16 октября президент отбыл в Тегеран на саммит глав прикаспийских государств, а оттуда направился в Нахчыван на открытие ряда объектов, а День независимости был старательно «умолчан».

— В 2008 году День независимости вновь был плотно накрыт президентскими выборами, состоявшимися 15 октября и затмившими собой внимание СМИ и общества. Столь невыгодное «календарное соседство» усугубляет участь Дня независимости: ежегодно в эти дни власть празднует годовщину избрания И. Алиева президентом.

— В 2009 году никто особо уже и не готовился к встрече полузабытого Дня независимости, но, тем не менее, по какой-то странной традиции президент вновь именно в этот день неожиданно отправился с непонятным визитом в Швейцарию.

Такое отношение ко Дню независимости продолжается по сей день и теперь почти никого не удивляет, поскольку эту дату уже успели лишить праздничного ореола. На финише 2006 года Милли Меджлис внёс поправки в реестр официальных праздников, переведя День независимости 18 октября, День Конституции 12 ноября и День национального возрождения 17 ноября в разряд обычных рабочих дней. Тем самым Меджлис «узаконил» негативное отношение власти ко Дню независимости. Весь курьёз в том, что при этом, даты, не имеющие прямого отношения к истории страны (9 мая) или навязанные обществу (15 июня), сохранили красный цвет в календаре и статус официальных праздников.

Возникает вопрос: почему глава государства не только равнодушен ко Дню независимости, но и демонстрирует к этому памяtnому событию явно бес-

пardonное отношение? В таком его отношении к знаковому факту новейшей истории страны не было бы ничего проблематичного, если бы он был лишь рядовым гражданином. А как президент он принес присягу Конституции независимой Азербайджанской Республики, что квалифицируется как юридически обоснованное и правомерное событие именно благодаря дате 18 октября. Ведь культивируя пренебрежительное отношение к этой дате, глава государства фактически девальвирует правовую основу своего президентства.

Столь неприязненному отношению правящей элиты ко Дню независимости трудно найти вразумительное объяснение в рамках политической логики нормального суверенного государства. Видимо, антипатия власти к данной дате порождена тем, что реальная историография этого события, падая на период президентства Аяза Муталибова и активности Народного Фронта, почти не поддаётся «династийной» трансформации. Возможно также, что ностальгические чувства к советскому прошлому провоцируют у части правящей номенклатуры негативное отношение ко Дню независимости, ассоциируемой с распадом СССР. Не исключено, что «роковую» роль сыграло тесное соседство этой даты в календаре с днём избрания нового главы государства.

Как бы то ни было, но, демонстрируя пренебрежительное отношение ко Дню независимости, власть прививает всему обществу такое же «неуважительное отношение» к знаковой дате новейшей истории и атрибуту государственности Азербайджана. А ведь прямой задачей президента является стимулирование уважительного отношения к государству, факт возрождения которого фиксируется Днём независимости 18 октября. Можно ли указать ещё какую-либо суверенную страну, глава государства которой продемонстрировал бы столь беспardonное отношение ко Дню независимости? И не только глава государства. Разве такое странное поведение президента и всего правящего режима снимает ответственность с представителей политической и творческой элиты страны? Почему столь индифферентны к этой знаменательной дате в новейшей истории страны политические партии, общественные организации, творческие союзы? Почему столь пассивно реагируют на факт очевидной перекройки истории страны общественность и СМИ Азербайджана? Может, мы ещё не обрели независимость?! Или уже утратили её?..

Глава азербайджанского государства часто говорит о необходимости укрепления суверенитета страны, подчёркивает заинтересованность в консолидации общества и свои намерения сопровождает всегда ссылками на отца, утверждая, что во всём является продолжателем его курса. В этой связи уместно вспомнить отношение Гейдара Алиева к этому празднику. Прежний прези-

дент хотя и старался привязать данное событие к своему имени и, возможно, не питал к нему особых симпатий, тем не менее каждый год по случаю Дня независимости откладывал все другие дела (в том числе визиты) и осуществлял на государственном уровне праздничную программу. Проводились тематические конференции, специальные собрания с завершающим праздничным концертом, торжества с участием зарубежных послов во дворце «Гюлистан», всенародные гуляния, праздничные фейерверки. Даже в последний год своего правления, будучи уже серьёзно болен, он не изменил этой традиции. Так, 17 октября 2002 года во дворце «Гюлистан» состоялась торжественная церемония, посвященная Дню независимости, на которой с речью выступил сам президент. А 18 октября по случаю праздника он посетил Аллею Шехидов и возложил венок к мемориалу павших за независимость и территориальную целостность страны.

Словом, «общенациональный лидер» воздавал должное празднику независимости, а с приходом к власти его сына эту дату, по сути, предали полному забвению. Вначале только на государственном, затем на общественном, а под конец даже на бытовом уровне. Сегодня, когда День независимости низведён до уровня рядового рабочего дня, многие, скорее всего, уже забыли историографию этой даты или полностью утратили к ней интерес. И только главы ряда зарубежных стран, следуя ритуальной логике нормальных политических государств, все ещё продолжают поздравлять президента и азербайджанский народ с этим полуупразднённым и полузабытым праздником.

(Contact.az — 2010)

«КЕЙБЛГЕЙТ»: ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ ИЛИ ВИРТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?!

Сайт WikiLeaks, известный и ранее своими разоблачительными материалами о войне в Афганистане и Ираке, 28 ноября начал беспрецедентные по характеру и масштабу публикации конфиденциальных дипломатических документов, которые буквально перевернули весь мир. Ажиотажно-скандальные последствия этих глобальных разоблачений таковы, что отныне следует говорить об эпохе «до» и «после» явления, получившего сразу же название «кейблгейт» (по аналогии с уотергейт и ирангейт).

Выстреленная сайтом WikiLeaks документация содержит более 250 тысяч депеш из 274-х посольств США в различных странах мира. Хронология документации поражает разбросом — самый старый документ датируется 1966-м годом, самый свежий — 2010-м. Переписка включает послания из посольств США в Госдепартамент, в которых американские дипломаты докладывают о том, какие разведданные удалось собрать в различных странах, а также отчитываются о встречах с высокопоставленными чиновниками и руководителями государств. Согласно опубликованным документам, в своих ответных посланиях Госдеп США дает соответствующие инструкции дипломатам.

Самой «популярной» темой переписки можно назвать «международные отношения» (около 145 тыс. тегов) и «внутреннюю политику» различных стран (около 123 тыс. тегов), гораздо менее популярны темы прав человека (более 55 тыс. тегов), экономики (49 тыс. тегов) и терроризма (около 29 тыс. тегов). Также уместно отметить, что наиболее часто упоминаемым государством в этом «море» документации является Ирак — более 15 тыс. раз, при этом больше всего депеш было послано из посольства США в Турции. Очень высок

удельный вес разоблачительных документов по странам Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также по постсоветскому пространству, включая Азербайджан.

Поражает масштаб публикуемой информации, и это при том, что на данный момент опубликована лишь часть документов. Остальная часть будет размещаться в интернете поэтапно, в течение 1–2 месяцев, а в запаснике сайта, если верить WikiLeaks, ещё более миллионов конфиденциальных документов. По мнению экспертов, сфальсифицировать переписку в таком объёме — просто невозможно. Следовательно, значительная часть опубликованных документов, скорее всего, подлинная.

Эти факты, впрочем как и многие другие, свидетельствуют о том, что инициаторами «Кейблгейта» поставлены достаточно серьёзные глобальные задачи — спровоцировать дипломатические скандалы и перетряхнуть глобальные политические процессы, ускорившиеся в последнее время. Вбивая клин между лидерами государств и создавая атмосферу недоверия, инициаторы «Кейблгейта» дают чёткий сигнал «непокорным» и авторитарным политикам о том, что их деятельность тщательно отслеживается на степень «лояльности» определённым ценностям и интересам. На этом фоне все чаще озвучиваются предположения о том, что вся эта кампания является тщательно продуманной глобальной информационно-психологической операцией. Рассуждая об утечке такого массива секретной информации, невозможно не задаться двумя вопросами — кому это было нужно и кто за этим стоит? Собственно, существуют два типа версий на этот счет:

— Версии о том, что это специально задуманная, тщательно отрежиссированная и наперед просчитанная глобальная провокация со стороны мондиалистских сил («мировой закулисы») или определённых политических кругов в самой Америке и ряде других влиятельных стран, преследующих далеко идущие цели.

— Версии о том, что это своеобразная протестная акция, виртуальная «оранжевая революция» антиглобалистов (Джулиана Эссенджа, Бредли Менинга и др.) и покровительствующих им сил, недовольных характером и ходом развития современных политических тенденций в мире.

Сегодня пока трудно сказать однозначно, кто именно стоит за «Кейблгейтом» — провокацией или революцией глобального масштаба. Так или иначе, но все в итоге сводится к тому, что инициаторы кампании «Кейблгейт» (глобалисты или антиглобалисты), будучи достаточно влиятельной силой, способной получить и тиражировать сотни тысяч секретных материалов, ставили своей целью вынести на суд всей мировой публики и трансформи-

ровать в желаемом русле современные политические реалии. Им уже удалось внести смуту в различные регионы мира, испортив отношения между лидерами стран и посеяв в их рядах зёрна недоверия. При этом особое внимание в разоблачительной кампании «Кейблгейт» уделяется Большому Ближнему Востоку, включая Ирак, Афганистан, Иран, Южный Кавказ, Турцию и Россию.

Появление подобного рода разоблачений на фоне американско-российского сближения, лиссабонского саммита НАТО, форума Прикаспийских стран, в рамках которого состоялись очень важные встречи глав пяти стран региона, и, наконец, в преддверии долгожданного саммита ОБСЕ в Астане косвенно свидетельствует о том, что существующий вектор развития международных отношений данные «силы» не устраивает. Разворот Турции в сторону мусульманского Востока и интенсификация её отношений с Москвой и Тегераном, попытка «перезагрузки» отношений России с НАТО в целом, и США в частности, а также усиление авторитарных коррумпированных режимов в целом ряде стран данного региона — вот лишь небольшой перечень вопросов, желаемый разлад в которые практически может и, видимо, хочет внести кампания наподобие «Кейблгейта».

Так или иначе, «Кейблгейт» стал самой ажиотажной и крупной операцией XXI века, и определённое влияние на мировые процессы и на общественное сознание он всё-таки окажет (уже оказывает). Но насколько его инициаторы добьются поставленных задач и каковы эти задачи — покажет время. А скандал между тем разрастается. Уже оправдывается президент Йемена за то, что прикрывал ошибочные удары американских ракет по мирным жителям. Уже намечаются трещины в американско-турецком стратегическом партнёрстве. Уже оправдываются саудовские принцы за то, что в частных беседах призывали США отрубить Ирану «ядовитую голову». Уже отрешиваются от преданных гласности документов официальные круги России, Казахстана, Азербайджана, Ирана, Китая и других стран.

А ведь это только первые залпы разоблачительной кампании. Впереди — новые залпы публикации переписки американских посольств в Москве, Баку, Пекине, Токио, Дели, Анкаре, Берлине, Париже, Лондоне и т. д. И, как сообщает посвящённый в детали главный редактор газеты «Гардиан», особую значимость и интригу содержат депеши посольств из постсоветских стран. Уже известно, что архив WikiLeaks содержит более тысячи документов почти по каждой из постсоветских стран, включая Азербайджан, датированных преимущественно 2005–2010 годами. Так что серьёзные разоблачительные сюрпризы ещё впереди.

«Трагедия для дипломата, пиршество для историка...» — написал по поводу «Кейблгейта» известный британский журналист Тимоти Гартон Эш. А глава МИД Италии Фраттини назвал «Кейблгейт» дипломатическим 11 сентября. И действительно, последствия его будут схожими. Дипломатический мир после пережитого шока спрячется в раковину, словно улитка, причём не только в диалоге с Америкой. Качество диалога измеряется уровнем его доверительности. А какая тут доверительность, если может случиться такое. Да и самому Вашингтону не отделаться одними официальными извинениями, а придётся очень дорого заплатить за исправление ущерба, нанесённого утечками. Потребуется годы для создания новой безопасной системы коммуникаций. Ясно, что неофициальная информация, пусть даже опубликованная ведущими мировыми СМИ, не повлечёт за собой очень серьёзные дипломатические скандалы. Но так же очевидно, что недоверия и осторожности в отношениях лидеров друг с другом станет как минимум больше.

Редактор скандального сайта Эссендж так объясняет свои цели в связи с этой кампанией «Кейблгейт»: «Скрытая дипломатия станет невозможной. Преступные замыслы и сговоры выплывут наружу. Мир вступит в новую полосу — полосу честности и открытости». Трудно сказать, вступит ли мир в полосу честности и открытости, но то, что он вступит (уже вступает) в новую полосу, не вызывает сомнений. Ведь главный позитив этих утечек в том, что тайное становится явным, мир политики перестаёт быть вещью в себе, люди становятся сопричастны тому, что творилось всегда за кулисами, и возрастает ответственность политических кругов за каждое приватное и конфиденциальное слово. В любом случае, публикации WikiLeaks послужат лучшему пониманию некоторых конфликтов и личностей тех, кто оказывает решающее влияние на наши жизни и окружающую действительность, приведут к переоценке многих политических имиджей.

Кампания «Кейблгейт» не обошла стороной и Азербайджан. Намеренно или случайно, но инициаторы этой кампании, судя по уже обнародованным документам, нанесли чувствительный удар по отношениям официального Баку с соседями — с Анкарой, с которой с недавнего времени практически были сняты почти все спорные вопросы, с Москвой, партнерство с которой вроде двигается по нарастающей, наконец с Тегераном, с которым постепенно сложились позитивные отношения, основанные на принципах невмешательства во внутреннюю политику друг друга. Тут не будет лишним отметить, что удар был нанесён отчасти и по азербайджано-американским отношениям, переживающим не самые лучшие времена, но в которых в последние месяцы, казалось бы, наметился определённый прогресс. Впрочем, WikiLeaks выпол-

нял лишь функцию зеркала. И если в этом зеркале Азербайджан предстаёт перед всем миром как предельно авторитарная, кланово-олигархическая и коррумпированная страна, то стоит ли упрекать в этом сайт WikiLeaks или те силы, которые запустили кампанию «Кейблгейт»? Может, их миссия включает, помимо всего прочего, и цели содействия в борьбе с такими режимами?

(Contact.az — 2010)

ПРЕЗИДЕНТ МНЕ ДРУГ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

Приятный подарок президенту накануне его дня рождения 24 декабря сделал Комитет по защите журналистов Азербайджана «РУН», обнародовав результаты «келейного» опроса, проведенного с 1 по 20 декабря среди СМИ и журналистских организаций страны. Согласно информации «РУН», в опросе приняли представители 93 СМИ и 81% респондентов по итогам 2010 года сочли самым достойным кандидатом на получение награды «Друг журналистов» президента Азербайджана Ильхама Алиева. К слову сказать, учрежденная в 1997 г. награда в последний раз была вручена в 2002 г. предыдущему президенту страны Гейдару Алиеву. И вот после затяжной паузы, спустя почти 9 лет, она вручается его сыну, трансформировавшись, по сути, в сугубо «президентскую награду».

К сожалению, в отличие от тех прежних лет, Комитет по защите журналистов Азербайджана «РУН» на этот раз не счёл нужным представить список участников опроса, чтобы общественность страны знала своих «героев» в лицо и могла судить о степени репрезентативности данного рейтингового замера. Организаторы опроса не удосужились также прокомментировать полученные результаты с тем, чтобы снять некоторые недоуменные вопросы и как-то обосновать свои столь парадоксальные итоги.

К слову сказать, когда подобной награды по итогам 2001 года был удостоен отец действующего президента Гейдар Алиев, опрос проводился в более гласной атмосфере, охватывал весьма широкие круги азербайджанской журналистики, и его итоги хоть и вызывали сомнения, но всё же имели под собой определённую обосновательную базу. «Другом журналистов» Гейдар Алиев стал после того, как провёл ряд публичных встреч с руководителями веду-

щих азербайджанских СМИ, внимательно выслушал их жалобы и предложения, обещал оказать всяческое содействие в их деятельности. По итогам тех встреч глава государства простил целому ряду печатных изданий их многочисленные финансовые задолженности и предоставил им определённые налоговые льготы. Эти меры были оценены в журналистских кругах как авансовая поддержка и в определённой степени явились фактором обоснования присуждения ему награды «Друг журналистов».

Сегодняшняя ситуация в области свободы слова в Азербайджане делает задачу обоснования подобного итога опроса крайне проблематичной. Ведь каких-то особых перемен и позитивов в этой области в 2010 году не наблюдалось, если не считать фактов запоздалого амнистирования 6 из 7 несправедливо осуждённых самой этой властью журналистов и досрочно-условного освобождения блогеров. Скорее наоборот.

В октябре этого года международная неправительственная организация «Репортеры без границ» представила очередной рейтинг свободы прессы в мире. Так вот, по итогам рейтингового опроса Азербайджан в 2010 году занял 152 место, опустившись ещё на 6 ступеней вниз — год назад страна была на 146 месте. Для сравнения укажем, что Россия, занимавшая год назад 153 место, поднялась на 140 место в рейтинговой таблице. А у Грузии и Армении соответственно 100 и 101 места. Примечательно, что Азербайджан по показателю индекса свободы прессы обогнали даже Пакистан, Эфиопия, Афганистан и др.

Наряду с ухудшающимся в последние годы положением независимой журналистики в Азербайджане и тенденцией неуклонной монополизации информационного пространства, на снижение рейтинга страны повлияли и другие причины. В частности, продолжающееся 3 года заключение редактора газеты «Реальный Азербайджан» Эйнуллы Фатуллаева, осуждённого на 8,5 лет по сомнительным обвинениям, и упорное нежелание властей выполнять в полном объёме вынесенное в апреле этого года решение Европейского суда о немедленном его освобождении. Есть и другая значимая проблема — в Азербайджане до сих пор не принят закон «О диффамации», хотя страна имеет определённые обязательства в сфере свободы СМИ перед Советом Европы.

Из постсоветских стран наиболее благоприятная ситуация в области свободы слова обстоит в странах Балтики и, в частности, Эстонии, входящей согласно последнему индексу свободы в лидирующую десятку стран (9 место). Показательно, что, несмотря на лидирующие позиции страны в области свободы слова, Союз газет Эстонии провёл аналогичный экспертный опрос

и признал по итогам 2010 года президента страны Томаса Хендрика Ильвеса «врагом прессы». Избалованное свободой журналистское сообщество Эстонии поставило в вину президенту недопустимое для его статуса высокомерное отношение к прессе и общению с нею.

Итак, наблюдается странная картина. Президент Эстонии, входящей в десятку самых либеральных и благополучных стран мира по индексу свободы слова, удостоивается по итогам 2010 года награды «враг прессы», а президент Азербайджана, ухудшающего из года в год свои позиции в этой области и занимающего только 152 место в общем рейтинговом списке, признаётся «другом журналистов». Отталкиваясь от этих парадоксальных реалий, можно прийти к не менее парадоксальному выводу, что формирование ситуации в области свободы слова в обеих этих странах происходит во многом наперекор воле и намерениям глав государств. В Эстонии «врагу журналистов» — действующему президенту никак не удастся поколебать либеральные устои общества, и страна лишь наращивает лидирующие позиции в рейтинговых таблицах по индексу свободы прессы. В Азербайджане же «друг журналистов» — глава государства не в силах урегулировать острые проблемы с прессой и обеспечить достойное рейтинговое положение страны в этой области. Или, может быть, вопрос в качественной характеристике действующих режимов в этих странах? Демократическое правовое государство с активным гражданским обществом в одном случае, и коррумпированный авторитарный режим со слабым гражданским обществом и неэффективной правовой системой — в другом. Или дело в позициях журналистов и корректности самих опросов?

Безусловно, ко всем подобным рейтинговым опросам надо подходить с известной долей скепсиса и осторожности. В определённой степени все эти громкие ярлыки — «друг прессы» или «враг прессы» — носят условный характер, отчасти тенденциозны и несколько упрощают сложную, динамичную и во многом противоречивую ситуацию, характеризующую состояние дел в области свободы слова в той или иной стране, особенно в странах переходного этапа развития. Тем не менее эти опросы не должны вступать в явное противоречие с реалиями жизни и с требованиями здравого смысла.

(Contact.az — 2010)

АЗЕРБАЙДЖАН И СОВЕТ ЕВРОПЫ: ИГРЫ В ДЕМОКРАТИЮ

25 января исполняется 10 лет со дня принятия Азербайджана в Совет Европы (СЕ). Как передают СМИ, в этот день в Страсбурге будет организован юбилейный концерт и официальный приём по случаю 10-летия вступления Азербайджана в данную европейскую организацию. Армения и Азербайджан были приняты в Совет Европы одновременно — став соответственно 42 и 43 членами организации. Из европейского ареала стран СНГ только Беларусь с 1997 года «заморожена» в статусе кандидата в члены СЕ. А первыми в СЕ были приняты Молдова и Украина в 1995 году, затем Россия в 1996 и Грузия в 1999 годах. Став членами Совета Европы, все постсоветские страны взяли на себя ряд обязательств по обеспечению демократических ценностей, свободы слова и прав человека, но говорить об успехах демократии в пространстве СНГ ещё мало оснований.

Рассмотрим ситуацию с юбиларом — Азербайджаном. Более 5 лет страна упорно добивалась вступления в эту авторитетную европейскую организацию и только весной 2000 года Совет Европы приступил к реализации плана принятия Азербайджана. В марте 2000 года Азербайджан подписал большой пакет обязательств как условие для его принятия в СЕ. В требованиях СЕ особое внимание уделялось предстоящим в ноябре 2000 года парламентским выборам. Повышенный интерес к выборам был обусловлен как соображениями развития демократии, так и обеспечением правовых механизмов преемственности власти и сохранения прозападного курса страны. Таким образом, парламентские выборы 2000 года имели тестовый характер для Азербайджана.

Отличительной чертой периода подготовки и проведения этих парламентских выборов явилась очень активная роль западных наблюдателей и то,

что основные субъекты данного процесса (власть и оппозиция) старались максимально усилить свои позиции и политические аргументы в контексте обсуждения вопроса о принятии Азербайджана в СЕ. В апреле 2000 года СЕ отложил принятие, увязав это с необходимостью либерализации избирательного законодательства. Но президент Гейдар Алиев, игнорируя требования СЕ, явно саботировал взятые обязательства, что не могло не спровоцировать Запад на ответные шаги. 23 мая 2000 года комитет СЕ отказал Азербайджану в принятии. Официальный Баку воспринял это как проявление двойных стандартов. Тем не менее прессинг Запада вскоре возымел действие, и Г. Алиев пошёл на некоторые уступки: Милли Меджлис в июне одобрил новый закон о ЦИК и заметно либерализовал правовую базу выборов. 28 июня сессия ПАСЕ рекомендовала СЕ принять Азербайджан, но окончательное решение было отложено на поствыборный период. Тем самым Г. Алиеву вновь был предоставлен шанс — подтвердить готовность выполнить взятые обязательства. 6 сентября того же года СЕ решил изучить ситуацию в Азербайджане и рассмотреть вопрос после выборов. Такая позиция СЕ вселяла оппозиции и избирателям надежду на возможность честных выборов или, в случае тотальной фальсификации, на непризнание их итогов. 7–9 ноября СЕ решил провести специальный мониторинг с целью изучения уровня демократии, состояния свободы слова, хода выборов и поствыборной ситуации. Было объявлено, что в зависимости от результатов мониторинга в январе 2001 года будет вынесен окончательный вердикт. Но и без мониторинга было ясно, что официальный Баку, проигнорировав многие пожелания Запада, провёл выборы по своему сценарию и сформировал в итоге почти «однопартийный» парламент. Оппозиционные партии 14 ноября подписали соглашение о непризнании итогов выборов и неучастии в работе парламента. В ожидании вердикта СЕ команда Г. Алиева осуществляла «имитационную косметику» и спешно, но безуспешно, заметала явные следы фальсификации.

Сразу после завершения в Азербайджане парламентских выборов в Страсбурге состоялось заседание Комитета министров Совета Европы на уровне послов, где обсуждался вопрос вступления Азербайджана и Армении в СЕ. Были заслушаны доклады руководителя международной миссии наблюдателей от Парламентской ассамблеи СЕ Андреаса Гросса и члена делегации из Венгрии Андраша Барсоли, вылетевших в Страсбург из Баку, которые поделились далеко не приятными впечатлениями о ходе выборов Азербайджане. По итогам докладов мнения «за» и «против» принятия Азербайджана и Армении разделились. В результате было принято предложение о приёме Азербайджана и Армении в СЕ, но с предъявлением Азербайджану пяти, а Армении — трёх

условий. Этот альтернативный между «принятием» и «непринятием» план предложила Германия. Пять требований к Азербайджану включали в себя необходимость мирного решения карабахского конфликта, исправление недостатков, обнаруженных на парламентских выборах, демократизацию и соблюдение прав человека, либерализацию законодательства и возможность мониторинга Советом Европы ситуации в Азербайджане. Два условия, предъявленные к Армении, были схожи с требованиями к Азербайджану — мирное решение карабахского конфликта и возможность мониторинга ситуации в стране. Последнее же условие было связано с демократизацией и изменением законодательства, касающегося дискриминации по национальному и религиозному признаку. Азербайджан обязали в течение месяца — ко дню торжественной церемонии принятия страны в СЕ — представить доклад, отвечающий на критику международной группы наблюдателей в связи с допущенными нарушениями на парламентских выборах и исправлением выявленных фальсификаций. Было заявлено, что, если к указанному времени все проблемы будут успешно решены, двери в СЕ откроются для Азербайджана.

Несомненно, что СЕ в ходе мониторинга собрал достаточный материал для доказательства того, что Азербайджан не выдержал тест на демократические выборы. И предоставленный шансовый месяц ничего по существу изменить не мог. Тем не менее, как это уже не раз бывало ранее и многократно повторялось впоследствии, Запад закрыл глаза на недемократичные выборы и принял Азербайджан в свои ряды. Эмиссары СЕ в основном пытались уговорить властные структуры и оппозицию пойти на взаимные компромиссы: первым внушали необходимость повышения квоты оппозиции в Милли Меджлисе, вторым рекомендовали пойти на повторные выборы и участвовать в работе парламента. В итоге часть оппозиции решила участвовать в работе парламента. К этому времени уже никто не сомневался в положительном вердикте Совета Европы. Так и произошло.

Значение приёма Азербайджана в Совет Европы трудно переоценить. Для республики и её граждан открывались большие перспективы во многих областях европейского сотрудничества. Безусловно, членство в СЕ было также важно с точки зрения развития демократии в Азербайджане и решения многих проблем страны. Но решение СЕ о принятии Азербайджана сразу после скандальных выборов выглядело как награда власти за фальсификацию и потому вызвало в обществе массу недоуменных вопросов. Ведь Азербайджан был принят по итогам странной игры в демократию вокруг недемократичных парламентских выборов. Показательно, что СЕ вынес положительный вердикт после того, как убедился в нежелании Г. Алиева выполнить

рекомендации по демократизации выборного процесса. Президент провёл выборы по своему сценарию и добился принятия страны в СЕ. Возможно, обе стороны этой странной игрой в демократию камуфлировали прагматические мотивы: президент с авторитарным «талмудом» входит в СЕ, но в обмен предоставляет Западу иные (геополитические и энергетические) компенсации. В этой игре Г. Алиева вряд ли можно упрекнуть в непоследовательности, а вот Запад озадачил своей беспринципностью. И, несмотря на радость от принятия страны в высшее европейское сообщество, многие тогда в Баку пытались найти ответ на вопрос: почему СЕ, забыв свои же требования, пошёл на явные уступки? Такое странное поведение пытались объяснить в рамках двух версий:

— одни полагали, что геополитические реалии и реальная угроза «события X» (в связи с нарастающей болезнью Гейдара Алиева) побуждают СЕ поскорее интегрировать Азербайджан в свою структуру, чтобы закрепить прозападный курс страны и иметь возможность для активного влияния на развитие ситуации;

— другие считали, что авансовым кредитом доверия Совет Европы стремится стимулировать движение Азербайджана в прозападном и демократическом направлении и ускорить реализацию желаемых преобразований в стране.

Так или иначе, но Азербайджан через 10 лет после обретения государственной независимости — 25 января 2001 года — стал полноправным членом Совета Европы. С тех пор также прошло 10 лет. Срок немалый для подведения итогов.

В момент вступления страны в СЕ в азербайджанском обществе преобладали оптимистические ожидания. Многие полагали, что под неусыпным мониторинговым контролем Европы и перманентно усиливающимся с ее стороны политическим давлением азербайджанское общество в короткий срок трансформируется в демократическое. За прошедшие 10 лет СЕ на самом деле добился только того, что в Азербайджане в сугубо имитационном ключе произошли некоторые реформы, свидетельствующие о формальной либерализации общества. Достигнут определённый прогресс в решении проблемы политических заключённых. В стране уже который год функционирует институт омбудсмена. С осени 2005 года наконец-то начало свою работу Общественное телевидение. Были также пересмотрены (не всегда в лучшую сторону) многие положения Избирательного кодекса и осуществлены некоторые корректировки в ряде законодательных актов. Все эти новации, невзирая на их формальный и имитационный характер, тем не менее можно

условно отнести к позитивам многолетнего сотрудничества Совета Европы с руководством Азербайджана.

Вместе с тем немалая часть требований СЕ (и обязательств Азербайджана), сформулированных 10 лет назад, так и осталась на бумаге. Более того, в последние годы в Азербайджане наблюдается явный откат даже от тех мизерных демократических завоеваний, которые были достигнуты ранее. Таким образом, можно констатировать «провал» продекларированного официальными лицами СЕ курса на демократизацию Азербайджана. В то же время необходимо признать «успех» стратегии руководства страны по защите собственных авторитарных позиций и саботированию целого ряда своих обязательств перед СЕ. Как бы то ни было, но итог всех этих имитационных игр в том, что Азербайджан за последние годы не только не стал ближе к демократии, но ещё более удалился от неё. На сегодня всё ещё остаётся не решенной до конца проблема с политзаключенными, и более того — действующая система власти перманентно продолжает практику преследования лиц по политическим мотивам. Функционирование института омбудсмена протекает в теневом режиме «защиты интересов власти» и практически не оказывает заметного влияния на либерализацию азербайджанского общества. Наиболее наглядно имитационность проявилась в трансформировании национального телевидения в общественное. Формально телеканал уже давно работает, но его вряд ли можно назвать независимым, плюралистическим и открытым для всего общества: он по-прежнему обслуживает интересы правящей элиты, и потому проблематично рассчитывать на реализацию позитивной его миссии. Таким образом, и в этой сфере ожидания общества были девальвированы, причем СЕ предпочел «закрыть глаза» на этот нонсенс, как до этого не замечал другие. В стране уже который год действует негласный запрет (даже в период проведения выборов) на свободу собраний, манифестаций, митингов и т. д. Продолжается, к тому же в нарастающем ключе, политика ограничения свободы слова и преследования журналистов. Который год откладывает принятие закона «О диффамации». Нет ощутимых подвижек в процессе мирного урегулирования карабахской проблемы. Что же касается выборной демократии, то с переходом Азербайджана к системе абсолютно формальных советских выборов эта тема уже почти снята с повестки дня СЕ.

Кстати, все указанные негативные тенденции Совет Европы в прежние годы формально фиксировал в своих отчётах, осуществлял периодически мониторинги и официальные обсуждения по ситуации в нашей стране, подвергал руководство Азербайджана дежурной критике и давал конкретные рекомендации по устранению имеющихся проблем. Правда, толку от этой мо-

ниторинговой активности, дежурной критики и пустых рекомендаций было не очень много. Ведь руководство Азербайджана, по сложившейся традиции, очень часто ограничивалось имитационными шагами или просто «игнорировало» рекомендации Совета Европы и продолжало свою недемократическую практику. Тем не менее были редкие примеры (амнистия политзаключенных, реформы Избирательного кодекса, блокирование поправок в закон об НПО и т. д.), когда Совет Европы проявлял настойчивость и «принуждал» власти Азербайджана к осуществлению каких-то новаций или к отказу от определённых шагов. Эти редкие примеры лишь подтверждают горькую истину, что «провал» курса демократизации Азербайджана обусловлен не столько тем, что Совет Европы и официальные круги Запада не могут влиять на ход развития процессов в нашей стране, сколько тем, что они в этом пока серьёзно *не заинтересованы*.

В подтверждение этих слов можно вспомнить грустное откровение самих представителей СЕ. Так, А. Херкель ранее откровенно признал провал миссии СЕ по демократизации Азербайджана и объяснил это негативным влиянием нефтяного фактора на поведение некоторых европейских политиков, что и «фальсифицирует» процесс демократизации в этой стране. Он открыто указал, что некоторые западные государства и их эмиссары испытывают зависимость от таких нефтедобывающих стран, как Азербайджан, и если такая ситуация не будет своевременно «исправлена», то такое поведение может «разрушить» идеалы и принципы демократического бытия европейского сообщества. Другими словами, он констатировал факт тайного и небескорыстного сотрудничества недемократичного азербайджанского режима с некоторыми западными государствами и международными организациями, в ущерб, конечно же, самой демократии.

Таким образом, за 10 лет членства в СЕ Азербайджан если и совершил продвижение, то лишь в сторону квазидемократии. Так что СЕ может «заслуженно гордиться» тем, что азербайджанская нефтекрапия вносит заметный компрометирующий штрих в её демократический имидж. За время членства Азербайджана в СЕ произошли существенные изменения и в настрое азербайджанцев: если раньше многие очень рассчитывали на демократическую последовательность Европы, то теперь осознали иллюзорность прежних завышенных прозападных ожиданий. Примечательно, что в последние годы СЕ, по сути, заметно ограничил свою формальную активность и словно отказался даже от имитационной игры в «защиту демократии в Азербайджане». По мере роста в последние годы геополитической и энерготранзитной значимости Азербайджана, вопросы демократизации этой страны фактически полностью

выпали из повестки дня СЕ. Всё реже проходят мониторинги и официальные обсуждения по ситуации в нашей стране, всё меньше должного внимания к проблемам либерализации Азербайджана. Многие негативы СЕ предпочитает просто не замечать или забыть: полную дискредитацию выборов, пожизненное президентство, репрессии против СМИ и оппозиции, томящихся в тюрьмах журналистов и политзаключенных, систематические нарушения прав граждан и т. д. Критический прессинг в адрес руководства страны большей частью носит дежурный характер, но даже в те редкие периоды, когда залпы критики внезапно усиливаются, они мотивируются не столько заботой о судьбе демократии в Азербайджане, сколько тщательно завуалированными геополитическими и энергетическими соображениями

Приходится с сожалением констатировать, что негативное влияние нефтяной геополитики на процессы либерализации Азербайджана и на демократическую миссию ЕС всё более возрастает. До недавнего времени «нефтяной фактор» оказывал как бы «рикошетное» воздействие на процессы демократизации Азербайджана — влиял в закулисной и «незримой форме». Теперь же, в условиях новой энергетической стратегии, наступила эпоха однозначного и открытого «давления» этого фактора (нефтяной геополитики и нарастающего потока нефтедолларов) на все стороны жизни не только самого Азербайджана, но и на наши взаимоотношения с Западом (СЕ, ЕС, НАТО, США и т. д.). Должно быть, для обеспечения безопасности энергетической стратегии и защиты своих прагматических интересов, Запад дал карт-бланш руководству Азербайджана на всемерное укрепление позиций внутри страны, пусть даже явно в ущерб демократии.

Конечно же, сегодня на кону иные ставки, обусловленные энергетической безопасностью Европы, острой конкуренцией Запада и России, а также возросшей географической, нефтегазовой и транзитной значимостью Азербайджана. Выполняя волю своих правительств, структуры СЕ, видимо, реализуют негласную геополитическую установку на сохранение в Азербайджане действующей системы власти, служащей оплотом реализации конъюнктурных интересов Запада и гарантом удержания страны в подневольно стабильном состоянии. Понятно, прагматичный мир больше нуждается не в процветающем и демократическом, а в стабильном и функционально послушном Азербайджане. Проблемы же демократизации Азербайджана, как и других стран СНГ, мало кого интересуют в СЕ и могут опять подождать. Возможно, до следующего юбилея.

ЛИДЕРЫ СНГ В ПОГОНЕ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕМ

С распадом СССР во всех постсоветских странах был взят курс на построение правового демократического государства. В соответствии с продекларированным курсом во всех странах СНГ в начале 1990-х годов были приняты конституции, устанавливающие определённый срок нахождения в должности президента (обычно 5 или 4 года) и лимит на занятие президентской должности одним лицом (не более 2 сроков подряд).

Однако со временем курс на построение правового демократического государства фактически оказался в значительной мере свёрнут (девальвирован), и во многих странах СНГ началась порочная практика законодательных инициатив и конституционных реформ с целью сохранения и продления власти. В результате этой нарастающей практики находящиеся в должности президенты получили право баллотироваться на третий или даже последующие сроки, наращивать продолжительность периода правления или передавать штурвал власти из рук в руки своему доверенному лицу. При этом в основном использовались следующие конституционные и внеконституционные новации:

— признание первого срока «нулевым», так как он начался до принятия действующей Конституции, и тем самым разрешение баллотироваться на третий срок, как на второй (Леонид Кучма, Украина — он не смог воспользоваться этим правом; Ислам Каримов, Узбекистан; Эмомали Рахмон, Таджикистан, Аскар Акаев, Кыргызстан);

— устранение путём референдума и поправки к Конституции ограничений на два последовательных срока (Александр Лукашенко, Белоруссия; Нурсултан Назарбаев, Казахстан; Ильхам Алиев, Азербайджан);

— личное пожизненное президентство без поправок к Конституции, в виде исключения (было объявлено для Сапармурат Ниязова, Туркменистан);

— увеличение президентского срока с 5 до 7 лет, с внесением поправок к Конституции и продлением полномочий действующего президента (Назарбаев, Казахстан; Каримов, Узбекистан), или с 5 до 6 лет (Медведев, Россия, с одновременным продлением срока парламента с 4 до 5 лет);

— снятие верхнего ограничения на возраст кандидата в президенты (Ельцин, Россия; Назарбаев, Казахстан; Рахмон, Таджикистан);

— передача власти формально выборным путём от отца к сыну (Азербайджан);

— передача президентства преемнику, с сохранением за собой должности премьера и перспектив на возвращение (Путин, Россия).

В результате таких форм продления и трансферта полномочий некоторые семьи (например, Алиевы в Азербайджане) или номенклатурно-олигархические круги (Россия, Армения) сумели надолго монополизировать власть, а некоторые президенты получили право находиться в должности порядка 20-ти и более лет (например, Назарбаев, Каримов, Лукашенко, Рахмон).

Вместе с тем, как показывает развитие сегодняшних событий, некоторым авторитарным постсоветским лидерам даже этого показалось мало, и они продолжают изыскивать всё новые возможности и предпринимать дополнительные усилия для дальнейшего продления и абсолютизации своей власти.

Так, например, сегодня в Казахстане идёт активная кампания сбора подписей для проведения референдума о продлении полномочий главы государства до 2020 года. Нурсултан Назарбаев до этого уже «порционно» не раз продлевал сроки своего президентства. Но поскольку в 2012 году истекает последний предусмотренный срок, то «референдумная инициатива» граждан оказывается весьма кстати. Вместе с тем, как и в прежние годы, Назарбаев внешне демонстрирует свою незаинтересованность в данном вопросе и даже наложил вето на инициативу общественности, пытаясь в конечном итоге представить всё как волю народа, которой он вынужден подчиниться. Подобные политические игры в «глас народа — глас божий», которому надо подчиняться, активно практиковали и другие лидеры СНГ, в частности покойные президенты Гейдар Алиев и Сапармурат Ниязов. То, что подобные законодательные и референдумные инициативы, учитывая авторитарную природу большинства постсоветских государств, исходят всегда от самих президентов и с триумфом воплощаются в жизнь, конечно же, ни у кого и никогда не вызывает ни малейших сомнений.

Произвольное манипулирование международными стандартами, нормами, институциями и законами страны (включая Конституцию) стало в последние годы

чуть ли не правилом для властвующих элит многих стран СНГ, легко заимствующих интересующий их опыт друг у друга. И каждый подобный акт манипуляции лицемерно преподносится правящими элитами как шаг, осуществляемый во имя демократии и прогресса, от имени и во благо народа. Демократия при этом фактически становится инструментом ограничения и опошления самой демократии. Как тут не вспомнить ироничное определение О. Уайльда: «Демократия есть одурачивание народа, при помощи народа и ради “блага” народа».

К сожалению, одним из основных инструментов многолетней узурпации власти и скатывания многих постсоветских стран к авторитарной форме правления стал самый что ни на есть демократический институт, институт «истинного» народовластия — референдум. Сущность и ценность такого института как всенародное голосование искажается до неузнаваемости — отсутствие народовластия подменяется или выдается за присутствие такового. Практика проведения референдумов в странах СНГ свидетельствует о том, что цель данных голосований — укрепление авторитарной власти национальных лидеров и недопущение нарушения сложившегося в их пользу баланса политических сил. Как правило, аргументами за продление или расширение полномочий действующих глав государств являются тезисы о достигнутой социально-политической стабильности и необходимости её сохранения, о задаче доведения до конца начатых реформ и позитивных преобразований. Поэтому находящиеся у власти политические лидеры и элиты с лёгкостью идут на изменение Конституции и достигают своих целей.

Референдум, через который предстоит вскоре пройти Казахстану, уже имел место в Азербайджане в марте 2009 года, сняв ограничения сроков правления президента. Все подобные референдумы призваны формально легитимизировать притязания режима на политическое долголетие и наперед снять все вопросы о том, кто будет у руля власти после очередных выборов. Это как бы императивный сигнал к определённым силам внутри страны (в стане самой правящей элиты или оппозиции), а также за её пределами, чтобы успокоились, смирились и не ломали голову над проблемами смены или обновления конфигурации власти. В этом плане подобные референдумы выполняют функцию правовой и психологической консервации вопроса власти: она от имени народа даруется «пожизненно» главам государств. Вместе с тем подобными референдумами о продлении полномочий фактически узакониваются не только «пожизненные» президентские притязания самих глав государств, но и перспективы политического долголетия властвующих элит, предвещающая тем самым многим постсоветским странам неминуемое попадание в «застойную ловушку».

К слову сказать, президентствующему 20 лет Назарбаеву уже при жизни присуждён статус «лидера нации» — в отличие от Гейдара Алиева, удостоенного титула «общенационального лидера» посмертно. Но, должно быть, всего этого мало. Так, в одном из недавних интервью Назарбаев иронично заявил, что готов и дальше трудиться на благо страны, если будет найден «эликсир молодости». Иными словами, решить проблемы политического долголетия для всевластного Назарбаева, как и для других авторитарных лидеров СНГ, не представляет особой сложности, он может продлить свое президентство не только до 2020 года, но и на значительно больший срок. Но 70-летний «лидер нации» всерьёз озабочен теперь проблемами своего биологического долголетия, которое ему пока не подвластно. Правда, обладающий абсолютной властью и колоссальными финансовыми возможностями Назарбаев, судя по всему, пытается подобрать ключи и к этой сложной проблеме. В одном из своих недавних выступлений в университете столицы Астана казахский лидер предложил новому исследовательскому институту заняться вплотную изучением «омоложения организма», а также «генома человека, производства человеческих тканей и создания медицинских препаратов на основе генов». Обращаясь к присутствующим, Назарбаев сказал: «Люди моего возраста серьёзно надеются, что всё это произойдёт как можно быстрее». А несколько месяцев назад, на заседании правительственного комитета по научным исследованиям, казахский президент поставил задачу по созданию «лекарства против старения», разработке методов по естественному омолаживанию, по обретению бессмертия: «Все проводят такие исследования, этим занимаются самые успешные страны мира, и кто не идёт этим путём, остаётся на обочине», — резюмировал президент свой императивный наказ правительству и учёным страны.

Многие коррумпированные авторитарные лидеры постсоветских стран, обладающие абсолютной властью и почти неограниченными финансовыми возможностями, по сути, уже научились легко и «демократично» решать проблемы своего политического долголетия или внутрисемейного (внутрикланового) трансферта полномочий. Как видно из откровенных признаний Назарбаева, теперь перед некоторыми из них, видимо, стоит более сложная задача — обеспечить свое биологическое долголетие. Если всесильная и стремительно развивающаяся наука окажет им в этом содействие, то страшно подумать, какие перспективы ожидают постсоветский мир. И разве только постсоветский мир?..

ФАКТОР ПЕРВОЙ ЛЕДИ

История знает немало примеров женщин, которые добивались больших высот в политике и в делах управления государством. До начала или даже, точнее, до середины XX века влияние женщин на большую политику осуществлялось в основном в «теневом» (закулисном) режиме, а довольно редкие случаи их выдвижения на первые роли в системе государственного управления происходили преимущественно в рамках монархической традиции или узурпаторской практики. Иными словами, прежде женщины влияли на политику чаще опосредованно, через своих любовников, мужей, отцов, братьев и т. д., занимающих ключевые позиции в системе госуправления, но порой и непосредственно творили историю, наследуя и узурпируя престол или выступая в роли регента.

Примерно с середины XX века, благодаря повсеместному утверждению демократических (выборных) механизмов преемственности власти, законодательному снятию в сфере гражданских прав всех барьеров половой дискриминации и успехам феминистского движения существенно расширились возможности легитимного вхождения женщин в большую политику и оказания ими прямого воздействия на ход развития общественно-политических процессов в стране. История XX века, и особенно второй её половины, изобилует яркими примерами успешной политической карьеры женщин. При этом одни женщины всходили на политический олимп как бы «по старинке», сочетая формально демократические и традиционные механизмы наследования власти (к примеру, Индира Ганди в Индии, Беназир Бхутто в Пакистане, Эвита Перон в Аргентине и пр.). Другие же добивались больших высот в политике самостоятельно, успешно восходя по этапам партийной или номенклатурной карьеры (например, Гол-

да Мейр в Израиле, Маргарет Тэтчер в Англии, Тансу Чиллер в Турции, Андреас Мерхель в Германии, Нэнси Пелоси в США, Юлия Тимошенко на Украине и т. д.). Причем, в связи с углублением и ростом ареала демократии, доля вторых («самовыдвиженцев») в политике всё время нарастает. Таким образом, политика постепенно тоже начинает входить в круг женских дел, хотя это пока вряд ли может поколебать гегемонию мужчин в этой сфере.

Одним из важных каналов активизации и роста влияния женского фактора в политике (особенно в последнее время) стал так называемый институт первой леди. Институт первой леди государства в виде активного политического фактора — изобретение демократий новейшего времени и восходит к американской традиции. На смену прежней монархической практике, где роль «вельможных жен» ограничивалась церемониальными действиями или осуществлялась в опосредованном («теневом») режиме, пришли современные олигархические республики, в которых «президентские половины» стали постепенно выходить из тени своих мужей, активно заявлять себя в общественной жизни и превращаться в весьма значимый фактор политического влияния.

Зачин в этом деле дали США. В структуре американских институтов власти первой леди отведена немаловажная роль, и эта роль с каждым циклом президентских выборов всё более возрастает. Выбирая нового президента, американцы непременно хотят знать, что представляет собой его семья и в первую очередь жена. Практичные американцы первыми поняли простую штуку — любопытством избирателей можно и нужно управлять, а также направлять в нужное русло. И первые леди постепенно стали существенным звеном политической пропагандистской машины. Политика и пресса давно превратили публичную жизнь первых леди в точно выверенную шахматную партию и в инструмент политического пиара. По образному определению Жаклин Кеннеди, она со временем будто стала «общественной собственностью». Благодаря американскому влиянию институт первой леди как значимый фактор в политике получил вскоре распространение во всем мире, включая и постсоветское пространство. Более того, по мере неуклонного роста влияния института первой леди в самих США, аналогичный процесс (порой в гротескной форме) стал наблюдаться и во многих других странах.

Весьма примечательно, что именно США, как правило, выступают законодателями и хорошей, и дурной «моды» в политике, негласно навязывая свой опыт другим странам. Так было и со многими прецедентами, которые не очень вписывались в правовые, политические и нравственные каноны демократии. В рамках демократического сообщества импульс всем им был дан в США. Взять, к примеру, антикон-

ституционное предоставление президенту права баллотироваться на третий срок, столь активно ныне обсуждаемое, законодательно подкрепляемое и в различных формах реализуемое в целом ряде стран мира (Венесуэла, Беларусь, Азербайджан, Казахстан и т. д.). А ведь и здесь первый пример подала Америка: накануне Второй мировой войны такое опасное исключение было сделано президенту Рузвельту, который, победив в третий раз на выборах, правил до самой смерти. Или взят переложенный на формально демократические рельсы неомонархический трансферт власти от отца к сыну. И здесь в лагере демократических стран первый пример подали США: с интервалом в один срок после Буша-старшего к власти был продвинут его сын Буш-младший. Пример вновь оказался «подозрительно» заразительным: вначале в Азербайджане была реализована подобная эстафета, а теперь уже в целом ряде стран действующие президенты открыто готовятся к сдаче власти своим детям. В рамках тенденции дальнейшей олигархизации системы власти американская демократия на последних президентских выборах настойчиво пыталась внедрить ещё одну «политическую моду»: речь идёт об активном продвижении в президенты бывшей первой леди страны Хилари Клинтон. Хотя попытка оказалась пока безуспешной, тем не менее экс-первая леди сумела стать госсекретарем США и может повторить попытку. Но, независимо от результатов американского эксперимента, заявочный импульс на новую моду был мгновенно услышан в других странах: к примеру, в Аргентине уже успели осуществить передачу власти от мужа к жене. Как всегда, ученики стремятся превзойти учителя: в отличие от США, ни в Азербайджане, ни в Аргентине не понадобился никакой маскирующий интервал в ходе передачи власти от отца к сыну или от мужа к жене. Таким образом, США открыли новые заманчивые каналы для формально демократического сохранения власти в руках у обособленной политической «аристократии» и дальнейшего закрепления олигархической (семейно-клановой) конфигурации в системе госуправления. Так что для действующих первых леди открываются новые политические возможности.

Современный Азербайджан, как правило, весьма отзывчив на все политические новации, отвечающие собственным интересам правящего режима. «Бушевский прецедент» последовательного президентства отца и сына Азербайджан в 2003 году уже успешно реализовал в собственной редакции. После мартовского референдума 2009 года заложена необходимая правовая база и для реализации «рузвельтовского прецедента» — продления срока правления президента на неограниченный срок. Интересно, а какой оказалась бы реакция правящих кругов Азербайджана на «прецедент Хилари Клинтон», если бы он оказался успешным? И есть ли у такого варианта реальные перспективы в Азербайджане?

Следует отметить, что для Азербайджана институт первой леди в новинку. В бытность СССР об активной роли женщин в большой политике можно было рассуждать только в теоретическом или пропагандистском плане. Показательно, что за 70 с лишним лет существования Советского Союза только в самом начале (Н. Крупская) и в самом конце (Р. Горбачева) жены руководителей страны были открыты для мира, действовали в публичном режиме и играли активную роль в общественно-политической жизни. Во всё остальное время как в Москве, так и во всех окраинах Союза, включая Баку, тема жён первых лиц была табуирована, и сами они избегали публичности и политики. После распада СССР и образования новых независимых государств, избравших в своём большинстве западную (американскую) модель политического устройства, жены глав государств сразу же стали именоваться первые леди, вышли на свет юпитеров и постепенно стали адаптироваться к этой новой и важной политической роли.

Вместе с тем в суверенном Азербайджане этот процесс затормозился ещё на 12 лет. Жены первых президентов (А. Муталибова и А. Эльчибея) были традиционно сокрыты от глаз общественности и не принимали участия не только в общественно-политической жизни, но и в протокольно-церемониальных мероприятиях. Следующий президент страны Гейдар Алиев, правивший 10 лет, был вдов: в поездках и на церемониальных мероприятиях эту «пустоту» отчасти заполняли его дочь, сын, а также другие члены семьи, включая невестку, которой и суждено было открыть новую страницу в политической истории Азербайджана. Так что институт первой леди реально «заработал» у нас только при президентстве Ильхама Алиева, а сама Мехрибан Алиева очень быстро, активно и весьма удачно вписалась в эту новую для страны политическую роль.

Наращивая из года в год масштабы общественной и благотворительной деятельности, обладая огромным потенциалом влияния и популярности, эффективно позиционируя себя в амплу первой леди, Мехрибан Алиева за короткое время уже сумела стать значимым фактором в политической жизни Азербайджана и даже снискала международное признание. Она депутат парламента (уже второй срок подряд), президент самого внушительного в стране Фонда имени Гейдара Алиева, зампред правящей партии, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО, обладатель многих званий, титулов и наград. Согласно информации, распространённой недавно сайтом Wikileaks, Мехрибан Алиева фактически держит под контролем Министерство культуры и туризма, Министерство спорта и молодежи, Министерство образования, а отчасти и Министерство здравоохранения, так как все они попадают под сферу общественно-

благотворительной деятельности и интересов первой леди. Кроме того, как явствует из публикаций Wikileaks, под контролем Мехрибан Алиевой, её дочерей и родственной семьи Пашаевых (отца, сестры, дяди и др.) находятся десятки ведущих банков, строительных компаний, различных СМИ и бизнес-структур страны, а их позиции permanently усиливаются.

В неконкурентоспособной монопольной политической системе Азербайджана сегодня, пожалуй, только первая леди может составить определённую конкуренцию президенту по рейтингам влияния, популярности и перспективности. И по тенденции Мехрибан Алиева все эти годы (особенно приблизительно до середины 2009 года) активно наращивала свои позиции и притязания, постепенно как бы превращаясь в относительно самостоятельный и весьма значимый политический фактор. Показательно, что в тот период в СМИ страны упорно циркулировала информация об интенсивной кампании создания новой правящей партии, инициированной якобы самой первой леди и призванной обслуживать именно её политические интересы на предстоящих парламентских выборах 2010 года, а возможно, и президентских 2013 года. Но, видимо, «фальстарт» Хилари Клинтон в конце 2008 года и референдум о бессрочном президентстве Ильхама Алиева в марте 2009 года несколько сузили, свернули, отодвинули горизонт политических возможностей первой леди. Сохраняя по-прежнему колоссальный потенциал влияния на процессы в стране, первая леди сполна компенсировала вынужденный «сброс политических оборотов» наращиванием общественной и благотворительной деятельности, а также «теневой» активностью по permanentному усилению собственных и семейно-клановых позиций. Удачно дистанцируясь от всех тех проблем, областей и сфер деятельности, которые служат источником падения авторитета действующей власти и роста социального недовольства граждан, и выгодно позиционируя себя в роли благодетельницы всех страждущих, Мехрибан Алиевой отчасти удастся избежать девальвации своего имиджа.

В пылу откровенности первая леди Азербайджана как-то сказала, что она уже была невесткой президента, затем стала женой президента и хочет когда-нибудь стать матерью президента. Возможно, именно для реализации последнего желания роль первой леди может оказаться на каком-то этапе недостаточной. Кто знает?.. Благодаря неуклонному росту олигархических и семейно-клановых тенденций в мировой политике нас уже почти отучили строить версии, основываясь на подлинно демократических традициях преемственности власти. Так что впору осваивать сложные, странные и не всегда предсказуемые перипетии новой монархической или псевдоаристократической традиции.

«КАРАБАХСКИЙ ЦУТЦВАНГ»

С момента начала борьбы за независимость и её обретения в 1991 году главное внимание азербайджанского общества и руководства страны направлено на нахождение способов военного или мирного решения армяно-азербайджанского (карабахского) конфликта. После «бишкекского соглашения» (май 1994 г.) конфликт был заморожен в подвешенном состоянии «ни войны — ни мира» и начался затяжной марафон переговорного процесса. С 1992 года к решению проблемы подключена Минская Группа ОБСЕ, которую в последние годы возглавляет трио сопредседателей из США, России и Франции. Вместе с тем, несмотря на все дипломатические усилия международных миротворцев и конфликтующих сторон перспективы урегулирования проблемы по сей день остаются неопределёнными.

Между тем «тупиковое» состояние конфликта есть во многом следствие инициированного Россией «бишкекского соглашения». Уже тогда надо было предвидеть, что это «капитулянтское перемирие» приведёт к затяжной консервации ситуации, к отчуждению конфликта и к необходимости постоянных уступок. Соглашение фактически создало предпосылки для легализации НКР и наращивания её государственных атрибутов. Соглашением были минимизированы шансы «силового» решения проблемы, ограничены возможности маневрирования и сделана ставка только на внешний мир и дипломатию.

После неудачного «бишкекского опыта» официальный Баку основные надежды на урегулирование конфликта стал связывать с США и нефтью. Но уже можно констатировать, что формула «нефть в обмен на Карабах» также не привела к ожидаемым результатам. Расчёт на то, что активная нефтяная дипломатия будет стимулировать интерес Запада (США, ЕС) к скорей-

шему урегулированию конфликта, оказался несостоятельным. Для Запада, как и для России, более важно не столько окончательное решение проблемы, сколько геополитическая «привязка» конфликтующих сторон и самого конфликта, с тем чтобы манипулировать ими в собственных интересах. Всё более очевидным становится то, что Москва, Вашингтон и Париж пока не горят желанием кардинально решить карабахскую проблему и, ограничиваясь имитацией миротворческой активности, исповедуют тактику манипулирования ситуацией в собственных целях.

Урегулирование карабахской проблемы, с момента прекращения активных боевых действий, фактически переведено в плоскость геополитической «разборки» между Россией и Западом (США, ЕС). Фактически проблема загнана в «дунгцванговую ситуацию», когда любая попытка выхода из «переговорного зстоя» и урегулирования конфликта иным способом (в обход США, России и МГ ОБСЕ) чревата серьёзными угрозами для обеих конфликтующих сторон. Подчинение решения конфликта внешним факторам и ходу развития глобальных проблем, по сути, обрекают конфликтующие стороны на продолжение имитационных переговоров и пассивное ожидание более благоприятной геополитической ситуации.

С самого начала перевод конфликта из состояния войны в неопределённое состояние «ни войны — ни мира» и подключение к переговорному процессу МГ ОБСЕ, стран сопредседателей и различных международных организаций подразумевала неизбежность компромиссов в позициях сторон. К сожалению, многолетние и абсолютно бесплодные миротворческие усилия незаметно трансформировались в некую политическую игру, в которой идёт не столько поиск взаимоприемлемого компромиссного варианта урегулирования проблемы, сколько попытка манипулирования переговорным процессом и самим конфликтом в геополитических (державами) и во внутривнутриполитических (Арменией и Азербайджаном) целях. К тому же поиск компромиссного варианта решения проблемы фактически давно уже перестал быть делом президентов и общественности конфликтующих стран: он предполагает широкий геополитический консенсус между ведущими державами, имеющими свои устойчивые интересы в регионе. По существу, на поверхности идёт имитация переговоров, имитация поиска решения, на деле же — мирное урегулирование конфликта уже давно зашло в тупик, выход из которого может быть либо на базе принуждения к компромиссам, либо в возобновлении войны, которую многие также воспринимают как один из действенных путей принуждения к компромиссам.

Зададимся вопросом, а возможно ли в рамках действующего переговорного процесса достижение консенсусного и компромиссного урегулирования

конфликта, которое как «меньшее из зол» могло бы удовлетворить значительную часть общественности обеих стран? И если это возможно, то на базе каких принципов и уступок и по каким вопросам? Ведь дело не в том, что переговоры в принципе не способны дать результата. В конце концов, к какому-то результату всегда могут конфиденциально уговорить или принудить нелегитимных лидеров обеих стран. Но станет ли этот вариант «работающим», если он не найдёт понимания и поддержки у населения страны или если его не будет предварять прочный геополитический консенсус между заинтересованными державами? Сегодня, по сути, предпринимаются активные попытки форсирования какого-то компромиссного решения на уровне первых лиц конфликтующих стран, то есть за спиной общественности. При этом игнорируется тот факт, что пределы компромиссов, на которые в какой-то момент способны решиться главы государств, могут не совпасть с компромиссным «потолком», который считают допустимым общественные круги обеих стран, толкующие на свой манер понятия исторической, политической, правовой и пр. справедливости.

В реальности попытка урегулирования проблемы на базе компромиссов, помимо закулисного геополитического аукциона на уровне держав, ведёт также к позиционному торгу конфликтующих сторон. К примеру, одна сторона (Армения) предлагает территории в обмен на статус, другая (Азербайджан) — коммуникации в обмен на территории. Между тем ситуация торга и ситуация поиска компромисса — это всё-таки две разные вещи: в первом случае каждая сторона пытается перехитрить (перекупить) оппонента, ничего не меняя в своей позиции, во втором случае — предполагается сближение позиций и поиск какого-то общего знаменателя для того, чтобы сдвинуть переговорный процесс с мёртвой точки. Сегодня в переговорном процессе пока преобладают имитационная игра и примитивный торг. Готовности же к реальным компромиссам пока не чувствуется.

Впрочем, и лимит возможных компромиссов уже почти исчерпан, по крайней мере, со стороны Азербайджана. К тому же слишком разнятся позиции сторон в понимании того, что может и должно быть предметом компромиссов. Армения, постоянно выпячивая фактор временного военного успеха, пытается выстроить асимметричную формулу компромисса, как бы производную от отношений между победившей и проигравшей стороной. С этой точки зрения, она ждет от Азербайджана не столько компромиссов, сколько капитулянтского примирения с реалиями. При этом пределы своих компромиссов она ограничивает лишь возможностью постепенного и порционного устранения некоторых последствий своего военного успеха (ведёт

торг оккупированными азербайджанскими территориями). То есть налицо не поиск реальных компромиссов, а стремление поставить переговорный процесс в зависимость от де-факто состоявшихся военно-политических преимуществ. Примерно на схожей позиции стоит и Азербайджан, с той лишь только разницей, что здесь имеет место демонстрация не прошлых, а нынешних и будущих мускулов (военных, экономических, транзитных, нефтедолларовых, геополитических, демографических и т. д.). Иными словами, в одном случае поиску реальных компромиссов мешает гипертрофия прошлых успехов, в другом — будущих. При таком подходе к идее компромиссов вряд ли возможен какой-либо прорыв в переговорном процессе, который фактически уже давно превратился в нудную имитационную игру.

По существу, разрешение конфликта на базе нахождения взаимоприемлемой модели урегулирования предполагает три этапа (три уровня) достижения компромисса:

- на геополитическом уровне (прежде всего, между США и Россией),
- на уровне авторитарных лидеров конфликтующих стран,
- на уровне политических элит и общественности этих государств.

Способна ли какая-то модель урегулирования выдержать испытание всеми тремя инстанциями? Если процесс будет идти в рамках открытого, свободного волеизъявления сторон и одновременно на всех трёх уровнях, то успех маловероятен. Но если движение будет идти последовательно от первого пункта к третьему, в полузакрытом режиме и в форме соразмерного принуждения обеих сторон к разумным компромиссам, то в принципе определённый прогресс в урегулировании конфликта может быть достигнут.

Провал переговорного процесса в прежние годы был обусловлен уже на первом уровне — отсутствием геополитического консенсуса. Если будет преодолен этот барьер и достигнуто согласие по модели урегулирования конфликта (принятие двух заявлений по карабахской проблеме лидерами стран-сопредседателей внушает некоторый оптимизм), то останется самое трудное — принудить к согласию глав государств и затем подготовить к компромиссам общественность обеих стран. Срыв возможен на любом уровне. Как это уже не раз бывало ранее. Срыв возможен даже после принятия какого-то решения, если оно будет грубо навязанным, не найдёт поддержки у большей части общественности или если вновь будет нарушен геополитический консенсус между державами. В этом случае такое решение вряд ли обеспечит долгосрочный мир и снимет проблему.

Возможно ли на данном этапе решение по карабахской проблеме, которое могло бы найти поддержку на всех трёх уровнях: конкурирующих держав, ли-

дерев Армении и Азербайджана и самих обществ в этих странах? И вообще, в подобных затяжных, глубоких и многослойных конфликтах возможны ли взаимоприемлемые компромиссы и сугубо мирный — консенсусный вариант решения проблемы? Любое решение будет трудным, хрупким и непопулярным. Любое решение будет торпедироваться определённой частью общества в Армении и в Азербайджане (вплоть до манипулирования им во внутриполитических целях). Любое решение будет несправедливым в восприятии каждой стороны и может катализировать реваншистские настроения. Многолетняя практика переговорного процесса в рамках МГ ОБСЕ показала, что путь сбалансированных компромиссов и ориентации на всеобъемлющий консенсус малоэффективен.

Конечно, этот путь интеллектуально притягателен, психологически подкупающ, процедурно демократичен, но абсолютно некорректен с точки зрения международного права и основополагающих принципов справедливости, поскольку игнорирует очевидный факт оккупации Арменией азербайджанских земель и фактически уравнивает меру ответственности агрессора и жертвы агрессии. И, главное, этот путь пока что нереален. Быть может, он обретёт реальные очертания, когда будут устранены последствия оккупации, полностью выдохнется конфронтационная энергетика конфликта и общества в обеих странах станут более демократическими, правовыми, гражданскими, благоустроенными. Сегодня же обе страны обречены либо на продолжение прежней имитационной игры в «поиск консенсусного решения», либо на военное снятие проблемы. Правда, есть ещё и промежуточный вариант «принудительного» урегулирования конфликта в закрытом элитном режиме — на уровне лидеров держав и конфликтующих государств, но в обход общественности обеих стран (по сути, уже идёт обкатка именно этого варианта). Такое навязанное закрытое решение, скорее всего, будет отторгаться впоследствии обществом. И тогда с благословения держав может быть реализован сценарий усмирения, «выкручивания рук» общества, с целью его принуждения к принятию условий мира. Иными словами, закрытый и императивный способ решения карабахской проблемы выглядит сегодня более реальным, хоть и менее привлекательным. Ведь он будет работать на сохранение и даже ужесточение модели закрытого (недемократического) общества в обеих странах. На время подобная «репрессивная стратегия» может сработать. Но можно ли надолго навязать обществу неприемлемый или несправедливый мир?..

Многие порой в плену у другого мифа: им кажется, что интеграция обеих стран в евроструктуры и продвижение в области демократии могут обеспечить успех в мирном урегулировании конфликта. Но почему? Если этот процесс

будет идти одновременно и симметрично в обоих государствах, то что он изменит в позициях сторон и в отношении стран-сопредседателей? Если же подразумевается асимметричный вариант (одна страна интегрируется и демократизируется, а другая — нет), то тогда резон говорить не об урегулировании конфликта, а о возможности принуждения страны-изгоя к желаемым уступкам. Всегда ли возможно такое принуждение? Не переоценивается ли порой роль «пряника и кнута» в мирном урегулировании подобных конфликтов?

Процесс всё время идёт в плоскости: если не удастся соблазнить, уговорить, то следует подкупить, обмануть или напугать, заставить... Между тем, почему-то игнорируется тот факт, что конфликт уже пустил глубокие корни и закрепился чуть ли не на уровне «коллективного бессознательного» обоих народов, что это не только историческая тяжба и территориальный спор, но во многом и цивилизационное противостояние (на что, в частности, указывал Хантингтон). И это противостояние существует не только на уровне самих конфликтующих стран, но отчасти и на уровне патронирующих держав — в геополитической плоскости. А в конфликтах такого рода «кнут и пряник» часто не дают желаемого результата. Что мы и видим по итогам многолетних бесплодных переговоров.

В этом плане аргументы, что интеграция в евроструктуры или процесс демократизации устранил все разногласия, снимет моменты междоцивилизационного противостояния, создаст геополитическую основу для урегулирования конфликта и налаживания добрососедских отношений между народами и странами, представляются малоубедительными. По крайней мере, с позиций сегодняшнего дня. Столь же малоубедительны и взаимные прессинговые аргументы конфликтующих сторон. К примеру, когда Армения всё время спекулирует фактом военных успехов и поствоенных реалий, включая главный козырь — оккупированные территории, а Азербайджан стремится обезоружить оппонента перманентным ростом своего военно-экономического, финансового или демографического потенциала. Всё это, как мы видим, отнюдь не дает желаемого эффекта и не способствует мирному урегулированию конфликта.

Если бы обе страны были полностью предоставлены сами себе, то, возможно, всё решалось бы в атмосфере более конструктивного диалога или, скорее всего, на поле боя, в ходе периодических ожесточённых войн, с весомыми шансами на итоговый успех Азербайджана. Но конфликт уже давно вышел на уровень международного урегулирования, и у него есть очень важная геополитическая составляющая. И этот фактор, несмотря на бесплодность переговорного процесса, обрекает стороны на продолжение поиска мирно-

го решения, поскольку на сегодня единственной альтернативой ему является возобновление войны, на которую наложено внешнее табу.

Стоит отметить, что коллизии перспектив развития внутривнутриполитической ситуации в Азербайджане и в Армении формируют весьма неблагоприятный и неустойчивый фон для урегулирования карабахской проблемы, обрекая страны на продолжение имитационной игры. Оба конфликтующих государства уже давно находятся в состоянии политической болезни: и там, и тут авторитарные режимы власти, забвение интересов народа, разгул коррупции, правовой волюнтаризм, фальсификация демократии, жестокое подавление гражданской активности. Власти обеих стран поднаторели в искусстве имитации: все реформы и новации носят откровенно имитационный характер. И стоит ли удивляться, что процесс урегулирования карабахской проблемы также идёт в сугубо имитационном ключе: это, по большому счёту, устраивает и МГ ОБСЕ, и власти обеих стран.

Одно несомненно: до тех пор, пока карабахская проблема будет решаться в имитационном ключе, наивно ждать какого-либо прогресса. Имитация мирных переговоров может периодически сменяться имитацией подготовки к войне, но всё это не приблизит к урегулированию конфликта. Власти страны и часть общества находятся в плену иллюзии, что время работает на Азербайджан. Но время работает только на тех, кто считается с требованиями времени. Наивно уповать только на нарастающее преимущество своих экономических и военных аргументов — на поток нефтедолларов и рост бюджетных отчислений на армию. Эти аргументы, конечно же, могут играть весомую роль, но только не в условиях жесткого авторитаризма и масштабной коррупции. Более значимым было бы создание позитивного имиджа власти и привлекательного образа страны. А для этого необходимо подлинное (а не имитационное) развитие страны по пути демократии и прогресса. Сказанное в равной мере актуально для обоих конфликтующих государств.

(ИА REGNUM — февраль 2011)

КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА: ИМИТАЦИЯ ВОЙНЫ И МИРА

Общественность Азербайджана уже более 16-ти лет, с момента прекращения активных боевых действий, пребывает в пассивном ожидании решения карабахской проблемы, и, по сути, каждый год власти страны и патронирующие конфликт державы (Россия, США, Франция) подпитывают «дежурный» оптимизм новыми обещаниями и инициативами. Между тем в реальном процессе урегулирования за все эти годы фактически никаких значимых подвижек не наблюдалось. На данный момент переговоры вновь застыли в неопределённой фазе. Сформировалась даже странная закономерность. Как правило, каждый календарный год завершается всплеском переговорной активности и обещанием скорого прогресса. Затем наступает затишье, обусловленное зачастую ротацией Минской группы. Ближе к середине года наступает фаза имитационного оживления с частыми челночными рейдами дипломатов в конфликтную зону. Затем наступает летнее затишье, которое к концу года сменяется вновь имитацией активности. При этом сама динамика переговорного процесса чутко реагирует на колебания глобальной и региональной геополитики, а также на важные внутривосточные процессы в Армении и Азербайджане (выборы, мятежи и пр.). Переговорный процесс то затухает до «нуля», когда внимание мирового сообщества и конфликтующих стран акцентируется на более важные вопросы, то активизируется, когда кураторы и стороны конфликта находят «свободное окно» для карабахской проблемы.

Многолетняя практика «имитация войны и мира» и отсутствие прогресса в переговорах привели к консервации конфликта в состоянии неопределённого равновесия. Сегодня ни конкурирующие между собой державы, ни вла-

сти Армении и Азербайджана, ни даже оппозиционные круги в этих странах, в силу ряда причин, не заинтересованы в особо «резких движениях», способных ещё более запутать решение проблемы и непредсказуемо повлиять на общий ход внутривосточных и региональных событий. Что же касается МГ ОБСЕ, то наивно полагать, что она по собственной инициативе будет лезть из кожи вон для скорейшего урегулирования конфликта. В скором решении проблемы более всех заинтересованы сами конфликтующие народы, но они не оказывают почти никакого влияния на процесс урегулирования, да и перерегистрировались уже в многолетних ожиданиях мира.

По сути, мирное урегулирование проблемы уже давно превратилось в бесплодную имитационную игру. В то же время к военному решению проблемы не предрасположены ни власти обеих стран, ни внешний мир. По логике мотивация к возобновлению военных действий должна быть выше у азербайджанской стороны. Но эта мотивация, заглушаемая в течение многих лет со стороны внешних сил и властных структур страны, теперь уже почти никак себя реально не проявляет. К тому же проблема взята под жёсткий контроль странами-сопредседателями МГ ОБСЕ, которые не заинтересованы в реанимации войны и строго предостерегают участников конфликта от любых необдуманных действий, способных сорвать мирный процесс. К сожалению, руководство Азербайджана после «бишкекского соглашения» использовало только дипломатические возможности, уповало на внешнюю поддержку, переоценило роль «нефтяного фактора» и окончательно предало забвению апробированный веками принцип: хочешь мира — готовься к войне.

В целом, для таких малых стран, как Азербайджан, ставших жертвами агрессии, возможны две стратегии: либо тотальная мобилизация на борьбу, с опорой в основном на собственные силы, либо полная ставка на внешние силы, с принятием их «правил игры». В первом случае велик риск проигрыша, но и величина выигрыша очень высока в случае успеха. Во втором же случае трудно рассчитывать на полный выигрыш: речь может идти лишь о минимизации проигрыша. Формально Азербайджан после Бишкека придерживался второй стратегии — стремился решить конфликт с помощью мирового сообщества. Но при этом он очень часто игнорировал рекомендуемые «правила игры» и нарушал негласный кодекс взаимоотношений малых стран с державами. В этой связи периодический застой в переговорном процессе или неприемлемые предложения Минской группы есть отчасти «возмездие» за неуступчивое поведение официального Баку. К тому же демонстративное игнорирование властями Азербайджана собственных обязательств перед Советом Европы и требований демократического Запада должны были не-

гativamente сказаться во всех аспектах жизни страны, включая и карабахскую проблему.

Любопытна трансформация, незаметно произошедшая в переговорном процессе. Сегодня фактически наблюдается синтез пакетного и поэтапного вариантов урегулирования конфликта. Переговоры идут на уровне пакетного обсуждения проблем, предполагающем поэтапную их реализацию. Казалось бы, найден оптимальный вариант, примиряющий полярные подходы конфликтующих сторон, но вместе с тем такой компромиссный вариант существенно осложняет процесс достижения согласия сразу по всем ключевым вопросам и предвещает долгую борьбу на этапе их последовательной реализации.

По сути, переговорный процесс в последнее время свёлся к примитивному торгу: что может или должен предложить Азербайджан в ответ на поэтапное освобождение Арменией его оккупированных территорий. Между тем формула «территории в обмен на статус (или референдум)» весьма неконструктивна и слишком напоминает элементарный шантаж. Ведь изначально эти территории были оккупированы вовсе не с целью создания некоего пояса безопасности, а как мощный рычаг для последующего давления на Азербайджан и принуждения его к неравноценным уступкам. Иными словами, пока сохраняется фактор оккупации территорий, Азербайджану трудно рассчитывать на достижение приемлемого для себя мира. Если этот шантажный аргумент не удастся «снять» за столом переговоров (что маловероятно), то рано или поздно официально Баку придётся силой устранить факт оккупации и лишь после этого возобновить переговоры по определению взаимоприемлемого статуса Карабаха. При этом крайне необходимо развести вопросы освобождения территорий и статуса Карабаха. На первом этапе — мирным или военным прессингом следует добиться от Армении освобождения оккупированных территорий, а на втором — максимально выключить Армению (поскольку это внутреннее дело Азербайджана) и решать вопросы статуса Нагорного Карабаха вместе с армянской и азербайджанской общинами. Сегодня, же в силу сохранения фактора оккупации, любое решение будет явно не в пользу Азербайджана.

В том числе и попытка урегулирования проблемы статуса Карабаха путём референдума. С точки зрения современной политической ментальности, референдумный путь решения многих спорных проблем представляется, на первый взгляд, наиболее оптимальным и демократическим (как правило, сразу же следуют ссылки на «кововскую модель»). Но приложима ли эта модель к нашему случаю и спасает ли идея референдума от тупиковой ситуации? Почему-то все заикнулись на вопросе референдума среди армянской

общины в самом Нагорном Карабахе. Но если ставка делается на современный демократический способ решения проблемы, то следует быть последовательными до конца и референдумный метод использовать на всех уровнях (а не только в отношении армянской общины Нагорного Карабаха). Переговоры на данном этапе идут между Арменией и Азербайджаном, и, стало быть, любое решение, принятое на базе компромиссов между главами государств, должно по логике вещей быть вынесено на общий референдум в каждой из обеих стран. Может ли какое либо решение выдержать испытание подобными референдумами? Поэтому на базе консенсусной модели (то есть без элементов внешнего или взаимного принуждения) и в рамках сугубо демократической процедуры (к тому же в странах, где так легко подтасовать результаты голосования) проблема на сегодняшний день фактически не имеет мирного решения.

И потом, идея референдума (и в частности «ковоская модель») вообще не может обсуждаться, пока продолжает иметь место факт оккупации Арменией 20% территории Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха. Формула «территории в обмен на статус» не только неприемлема (безнравственна), но противоречит основополагающим нормам международного права. Если факт оккупации Арменией территорий Азербайджана признаётся многими странами и международными организациями (вспомним хотя бы резолюции ООН), то следует признать не вполне корректными и справедливыми предлагаемые МГ ОБСЕ модели урегулирования конфликта, в которых косвенно содержится опасный и порочный прецедент солидной «взятки агрессору» (требования гарантий референдума и статуса) за то, чтобы он освободил оккупированные территории.

Между тем, в соответствии с основными принципами и нормами международного права, территория никакого государства не может быть объектом военной оккупации, поскольку подобное применение силы является нарушением Устава ООН. В статье 3 данного Устава указывается, что любая оккупация, являющаяся результатом вторжения или нападения вооружённых сил одного государства на территорию другого, квалифицируется как акт агрессии. Установление режима оккупации государством-агрессором, согласно тому же Уставу ООН, не лишает население оккупированной территории права продолжать вооружённую борьбу против оккупантов.

Так вот, мало того, что Азербайджану приходится более 18 лет мириться с оккупацией, так нет, стране ещё навязываются модели мирного урегулирования, предполагающие солидные «откупные» агрессору за то, чтобы он безнаказанно (даже с реальным выигрышем) отказался от продолжения ок-

купации. Что за двойные подходы в трактовке международного права? Ирак за оккупацию Кувейта был моментально наказан, а Армении надо долго и крупно ублажать, чтоб она согласилась начать отвод своих войск.

Таковы парадоксальные реалии современной международной практики. Поневоле можно прийти к крайним решениям. Если право бессильно и права только сила, то, следовательно, надо стать сильным. Если победителей не судят, то тогда единственный путь решения проблемы — стать победителем. Если оккупация поощряется и за оккупированные территории полагается приз, то надо пересмотреть тактику страны по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта. Почему бы тогда Азербайджану, к примеру, не захватить несколько районов Армении, скажем, вокруг Нахичевани, чтобы также создать необходимый пояс безопасности и преодолеть условную анклавность этой области. Тогда Азербайджан мог бы противопоставить армянскому шантажу свой шантаж и дать ход другой формуле: «территории в обмен на территории» или «территории в обмен на отказ от статуса» и т. д.

В любом случае Азербайджану не резон продолжать переговоры в прежнем имитационном или односторонне шантажном режиме. Необходимо более жёстко и конкретно обозначить свои позиции и, держа всё время «порох сухим», попытаться направить переговоры в более конструктивное русло поэтапного варианта. То есть развести вопросы оккупации и статуса, жёстко требуя на первом этапе от Армении немедленного освобождения оккупированных территорий и только после этого (на следующем этапе) продолжения переговоров о судьбе армянской общины Нагорного Карабаха. Но уже без участия Армении, поскольку это внутреннее дело Азербайджана. Именно некоторая рыхлость позиции официального Баку в данном вопросе в прежние годы привела к сегодняшней унижительной ситуации, когда собственные земли Азербайджана, оккупированные Арменией, стали предметом торга и главным элементом шантажа. Выйти из этой несправедливой ситуации можно лишь путём отказа от политики имитации мира и войны: либо конкретные и лимитированные по времени переговоры, сопровождающиеся реальными подвижками, либо полная мобилизация ресурсов на силовое устранение фактора оккупации. Поистине: хочешь мира — готовься к войне!

(ИА REGNUM — февраль 2011)

ПУТЬ В «ТОТАЛИТАРНЫЙ МУРАВЕЙНИК»?!

Последние 5 лет правления Ильхама Алиева стали годами последовательного свёртывания демократических процессов и перманентного ограничения сферы свободы и плюрализма. Хотя власть на словах продолжает заявлять о приверженности демократическому курсу, но на деле, элиминируя из политической практики и из Конституции все демократические признаки и оставляя лишь то, что содействует усилению кланово-номенклатурной диктатуры и возрождению неосоветских тоталитарных тенденций, осуществляет планомерную ревизию данного курса. Политика тотального администрирования и монополизации всех сфер жизни привела фактически к реализации прежнего принципа: «запрещается всё то, что не разрешается». Такое ощущение, что страна развивается и «модернизируется» уже даже не столько по модели авторитарной (имитационной) демократии Гейдара Алиева, сколько по неосоветским тоталитарным рецептам Рамиза Мехтиева и близких ему по духу некоторых кремлёвских политтехнологов.

В многочисленных идеологических штудиях Рамиза Мехтиева, служащих задаче неосоветской модернизации и конструирования азербайджанского «неокоммунизма», подробно расписано — куда и как нам двигаться, кого остерегаться и на кого равняться. Согласно Р. Мехтиеву, общество должно безропотно довериться (подчиниться) правящей элите, названной им в одной из работ «кастой избранных» (именно так и было написано — причём без кавычек), которая одна располагает знаниями, умениями и правом вершить настоящее и будущее страны. Если отбросить пропагандистскую и квазинаучную риторику, маскировочные ухищрения и демократический флёр, то модель желанного будущего, к которому с пылом и рвением призывает

в своих статьях главный идеолог страны — это управляемый «кастой избранных» тоталитарный муравейник: все в меру сыты, довольны, ни о чём не думают и послушно выполняют предписанную им работу.

Надо признать, за последние 5 лет мы существенно продвинулись к данной модели закрытого, деполитизированного, однородного и одномерного общества, управляемого несменяемой «кастой избранных». К чему в «тоталитарном муравейнике» политический плюрализм, конкурентная борьба, альтернативные источники информации, демократические выборы, социальная мобильность, гражданская активность и т. д.?! К чему какие-то дискуссии на какие-то темы?! Это прерогатива «касты избранных»: им решать, куда нам двигаться, чем заниматься, что слушать и читать, о чём говорить и писать, кому и во что верить и пр. Именно в такой тотально администрируемый и кастово сегрегированный мир утопии нас активно зазывает главный идеолог страны.

В контексте арабских событий и первых митингов в Баку власти Азербайджана решили обратить пристальное внимание и на проблему молодежи. Видимо, рост протестных настроений в среде молодежи и её активизация в социальных сетях не на шутку встревожили правящую элиту. Внимание-то обратили, но как всегда сделали не тот вывод — оказывается, вся проблема в отсутствии в «тоталитарном муравейнике» специальной государственной программы и государственной комиссии по вопросам молодёжи (!).

Так, 21 апреля, встречаясь с представителями молодежи, глава государства поспешил сообщить им радостную весть: «Две недели назад мною подписано Распоряжение “О Государственной программе азербайджанской молодёжи”. В Распоряжении Администрации Президента поручено в двухмесячный срок подготовить и представить мне проект Государственной программы. В связи с подготовкой программы создана рабочая группа, которая должна активно поработать, чтобы мы приняли конкретную программу. Эта программа должна охватить 2011–2015 годы».

Показательно, что, комментируя эту встречу, видный представитель «касты избранных» Али Гасанов с гордостью отметил, что ни в одной другой постсоветской стране нет такой Государственной программы по проблемам молодежи и нет особого министерства по делам молодежи. Так что и в этой сфере мы снова впереди планеты всей. Следует ожидать, что с возникновением очередных проблем в стране будут организованы новые государственные программы, комиссии, рабочие группы, министерства и многочисленные штаты на местах для их «бумажного решения». По-другому они не могут.

В упомянутой встрече президент заявил, что Азербайджан — открытая и современная страна. Но тенденции развития событий и каждодневные

шаги власти идут вразрез с этим заявлением, работают на усиление режима закрытости «тоталитарного муравейника». По последней информации, теперь иностранные журналисты для получения визы в Азербайджан должны доказать свою лояльность официальным властям страны и обещать, что они не допустят критики в адрес правящего режима. Вот вам открытость и современность!

Да, по-другому они не только не могут, но и не хотят. «Каста избранных», прибравшая к рукам всё государство и его ресурсы, вряд ли добровольно откажется от идеологии и практики «тоталитарного муравейника». Ведь это так удобно, комфортно, выгодно: прикрываясь национальными интересами и государственным суверенитетом, держать всё в руках и вершить желаемый произвол. Но только в муравейнике уже иные настроения...

(Radioazadlyg.org — 2011)

«ПРИЗРАК РЕВОЛЮЦИИ» БРОДИТ ПО АЗЕРБАЙДЖАНУ

Взявшая старт в Тунисе «революционная эстафета», переходя из одной арабской страны в другую, создаёт реальные предпосылки для детонирования аналогичных процессов и в целом ряде других регионов мира. Эффект глобализации проявляется не только в том, что весь мир активно отслеживает, сопереживает, соучаствует в этих событиях, но и в том, что сам революционный импульс с невозможной ранее стремительной легкостью переносится из одной страны в другую, приобретая характер глобальной тенденции. Политические и деловые круги, эксперты и рядовые граждане во всём мире активно обсуждают эти события, выстраивают различные версии и задаются вопросом: какая страна станет следующей жертвой «эффекта революционного домино»? Все чувствуют наличие в глобальных революционных потрясениях некой «конспирологической» мотивации, внешнего импульса, незримого дирижирования. В то же время все понимают, что революционные катаклизмы в арабских странах обусловлены в основном внутренними коллизиями, накопившимися проблемами, протестными настроениями. Как бы ни относились политики, эксперты и рядовые люди к происходящим событиям — с осуждением или одобрением, все сходятся во мнении, что это не просто случайная цепь событий и не только перемены в локальном региональном масштабе. По мере развития событий и расширения их ареала приходит постепенно осознание того, что, по сути, выстраивается новая политическая матрица мира, в которой, видимо, уже не будет места прежним диктаторским режимам, погрязшим в тотальной коррупции, нарушающим общепринятые права и свободы своих граждан, саботирующим демократические перемены и сопротивляющимся современным процессам глобализации.

Наблюдая у экранов телевизоров и по Интернету чуть ли не живую драматические процессы революционного обновления в арабском мире, люди во всех уголках мира задаются сегодня интригующим вопросом: «Кто следующий?» Этот вопрос обретает особую значимость и эмоциональную нагрузку в тех странах, которые в силу внутренних и внешних напряжений находятся в зоне наибольшего риска и отягощены теми же проблемами автократии, коррупции, несвободы и протестных настроений, что и арабский мир. В силу многих факторов и параллелей этот вопрос, безусловно, весьма актуален и для целого ряда стран СНГ и, может быть, в наибольшей степени для Азербайджана.

В контексте революционной волны, охватившей чуть ли не весь арабский мир и докатившейся уже до южных берегов Каспия, многие в Азербайджане стали задаваться вопросом: возможно ли нечто подобное и у нас? Все провоцирующие симптомы, казалось бы, налицо: династийно-олигархическая система власти, уродливый культ личности, засилье коррупции и монополизма, высокий уровень безработицы, непомерный рост цен, дороговизна жизни, чрезмерная социальная поляризация, чиновничий и полицейский произвол, дефицит демократии и плюрализма, систематические нарушения прав и свобод граждан, нарастание протестных настроений в обществе, усиление критических залпов со стороны ведущих стран Запада и международных организаций. Чего ж ещё?..

Между тем, в оценке реальных перспектив революционного изменения ситуации в стране наблюдается явное преобладание скепсиса. Лишь оппозиционно настроенные партии, СМИ и общественные организации активно педалируют тему желанности и неотвратимости революции, пытаясь зарядить общество оптимистической энергией и настроить на борьбу. События в арабском мире, безусловно, вдохновили и привели в движение оппозиционно настроенную к правящему режиму политически активную часть азербайджанского общества. На днях на собрании Общественной палаты — сформированной в конце прошлого года политической мегаорганизации, в которой представлены лидеры и функционеры ведущих оппозиционных партий, видные представители СМИ, НПО и общественности страны — был фактически продекларирован курс на подготовку и осуществление революционных преобразований в Азербайджане. Но при этом оппозиция рискует власть опять в опасную «оранжевую эйфорию», несколько переоценив собственные возможности, протестный потенциал народа, степень обеспокоенности власти и, главное, фактор международной поддержки

Официальные круги, как всегда, заняли страусиную позицию — они словно не замечают того, что происходит в стране, в мире и арабском регионе. Согласно официальной пропаганде, для протеста и революции нет абсолют-

но никаких оснований, поскольку все проблемы конструктивно решаются, страна успешно развивается, а народ всецело поддерживает президента и его политический курс. Но это на пропагандистском уровне. А в реальности правящий режим всё же не на шутку встревожен происходящими в мире событиями и нарастающей угрозой революции. Именно по этой причине властные структуры суетливой шумной кампанией борьбы с коррупцией, кадровыми перестановками и социально ориентированными шагами стремятся как-то ослабить накал как внутреннего, так и внешнего недовольства.

Что касается общества, то в своей значительной части оно уже заряжено энергией недовольства, жаждет кардинальных перемен в стране, с большим интересом и воодушевлением переживает события в арабском мире, но пока ещё не прониклась верой в то, что подобная борьба возможна и в Азербайджане. Народ в пассивном ожидании реального импульса к переменам извне: либо от самой власти, либо от оппозиции, либо от Запада. Основной массив электората и общественности хотя и озабочен неудовлетворительным положением дел в стране, осознаёт необходимость безотлагательных перемен, но при этом демонстрирует изрядный пессимизм в отношении перспектив революционного изменения ситуации в Азербайджане.

При этом поражает не сам пессимизм, а то, на чём он чаще всего базируется. Если бы вердикт о невозможности революции в Азербайджане делался на основе комплексного анализа всей ситуации и выводился бы из обоснованных аргументов о неготовности общества, слабости оппозиции, незаинтересованности внешнего мира, то с этим в значительной мере следовало бы согласиться. Но подобный вердикт чаще всего основывается на упорном мифе об особой крутости и всеисилии «алиевской» системы власти: мол, у нас революция невозможна, потому что режим этого никогда не допустит.

Между тем этот миф не имеет под собой серьезных оснований, поскольку даже в бытность Гейдара Алиева сила, стойкость и крутость режима были обусловлены не его собственной природой, не его внутренними потенциями и не фактором личности главы государства, а геостратегически маркированным «банановым статусом» страны. Режим демонстрировал силу тогда и столько, когда и сколько ему позволялось это со стороны геополитических боссов и транснациональных нефтяных компаний (ТНК). Гейдар Алиев по природе своей был не тем типом руководителя, который мог действовать вопреки конъюнктуре, вразрез ожиданиям «старшего брата»: достаточно вспомнить советский период его деятельности. Его преемник, по сути, продолжает тот же конъюнктурный курс.

В постсоветский период существенно возросли амбиции и политико-экономические возможности правящего режима, но отнюдь не его суве-

ренная мощь. Безусловно, правящий режим сумел создать эффективную репрессивную систему (полицейский режим), но не только в силу внутреннего тяготения, а потому, что это входило в его «банановую» миссию: ему изначально вменялось (оказывалось содействие) покончить с охлократическими эксцессами в стране и создать необходимый стабильный фон для реализации глобальной геополитической и нефтяной игры. Безусловно, режим с легкостью фальсифицировал все выборы и подавлял свободы, но разве не Запад своей попустительской позицией позволял эти «шалости» и называл каждый избирательный фарс «очередным шагом к демократии»?! Безусловно, режим сформировал тотально коррумпированную семейно-клановую систему и осуществил передачу власти от отца к сыну, но это находило сочувственное понимание и у США, и у России, которые, к слову сказать, сыграли не последнюю роль в реализации неомонархического плана в стране.

Резонен тогда вопрос: если власти Азербайджана (впрочем, как и загнанные в жернова принудительного обновления арабские режимы) всё время действовали в рамках «банановых правил», исправно выполняли свою вассальную миссию, то чем обусловлено нарастающее недовольство сюзерена (США) и к чему тогда столь явная актуализация революционной угрозы? Надо полагать, что изменились уже сами «банановые правила». Теперь «банановым авторитарным режимам» предоставляется (вменяется) реальный шанс подняться на более высокий уровень — «банановой демократии». Подняться самим или быть перенесёнными туда на принудительной волне революции. Наш неповоротливый правящий режим, страшно закосневший в комфортном авторитаризме и утративший чувство реальности, видимо, никак не может и не желает адаптироваться к новым правилам игры. Но если он не начнет процессы реформ и обновления сам, то блуждающий по авторитарному миру и пугающий всех «призрак революции» может и в самом деле материализоваться в Азербайджане. И тогда станет очевидным, чего стоит упорный миф о крутости, всесилии и жизнестойкости нынешней системы власти в стране.

Между тем о подспудном вызревании объективных условий для революционной ситуации косвенно можно судить, сравнив некоторые рейтинговые показатели Азербайджана и ряда арабских стран.

Как известно, по итогам каждого года определённые международные институты и организации составляют рейтинговые таблицы по различным индексам, которые позволяют судить о динамике изменений в мире и позиции каждой страны по тому или иному показателю. При всех неизбежных изъянах, эти рейтинговые таблицы весьма информативны и полезны. К тому же они служат убедительной предметной базой для международного сообщества и ведущих стран мира в вы-

страивании политических отношений со странами и в принятии многих тактических и стратегических решений. Существует множество индексов и рейтинговых таблиц по различным параметрам. Применительно к теме революционных угроз наибольшую значимость представляют некоторые ключевые индексы, которые для пушечей наглядности я счел возможным объединить в единой сводной таблице. Такая таблица позволяет дать развернутую сравнительно-сопоставительную характеристику ситуации в Азербайджане и охваченных революционной волной арабских странах. Для большей информационной убедительности и расширения ареала сопоставления в таблице приведены также данные по целому ряду стран СНГ, а также по соседним — Турции и Ирану. В таблице отражены рейтинговые места указанных стран в общем списке государств по итогам 2010 года:

Страны и их места в общем рейтинговом списке государств за 2010 год	Индекс демократии	Индекс свободы слова	Индекс уровня коррупции	Индекс свободы экономики	Индекс качества жизни	Индекс развития человеческого потенциала	Индекс государственности	Индекс миролюбивости	Индекс потенциала международного влияния	Индекс внешних и внутренних угроз **	Индекс уровня протестных настроений **
Азербайджан	135	152	134	96	139	67	142	119	83	-24	-10
Армения	109	101	123	38	101	76	177	113	108	-120	*
Грузия	103	100	68	26	98	74	183	142	110	-38	-18
Россия	107	140	154	143	111	65	27	143	7	-81	-40
Казахстан	132	162	105	78	152	66	111	95	73	-141	-31
Украина	67	131	134	162	68	69	113	97	29	-140	-22
Беларусь	130	154	127	150	109	61	102	105	71	-160	-29
Молдова	65	75	105	125	55	99	164	66	126	-134	*
Турция	89	138	56	67	72	83	35	126	14	-88	-36
Иран	158	175	146	168	150	70	43	104	20	-57	-27
Тунис	144	164	59	98	83	81	78	37	82	-92	-21
Египет	138	127	98	97	136	101	40	49	26	-83	-16
Йемен	146	170	146	121	149	151	46	129	76	-31	*
Алжир	125	133	105	132	80	104	97	116	39	-84	-12
Иордания	117	120	50	52	105	82	148	68	72	-123	-9
Ливия	158	160	146	113	63	56	49	56	46	-95	-13

* Эти страны не были включены в общий рейтинговый список по данному индексу.

** По последним 2 индексам, чем выше место страны в общем рейтинге, тем выше уровень угроз.

Данные в таблице во многом говорят сами за себя и не нуждаются в особом комментировании. Отметим лишь, что по некоторым параметрам (индексы демократии и качества жизни, уровни свободы слова и коррупции) Азербайджан заметно уступает не только странам Южного Кавказа, но даже отдельным арабским странам, охваченным ныне протестными движениями. В целом по многим показателям рейтинговые позиции Азербайджана (как и ряда других авторитарных режимов СНГ) вполне сопоставимы с рейтинговой ситуацией арабских стран, охваченных революцией. Особый интерес вызывает последний индекс. Обнародованный недавно индекс потенциала протестных настроений, по сути, вверг в стране многих в шок. Азербайджан замкнул первую десятку самых революционно заряженных стран мира, следуя за Иорданией и опережая даже Алжир и Ливию. Трудно поверить в это, глядя на оцепенелое спокойствие, царящее в стране. Что это? Предгрозовое затишье и рейтинг отображает подспудно вызревающую революцию — то, что пока скрыто от глаз? Или составители рейтинга целенаправленно подстёгивают ситуацию, реализуя некий геополитический заказ? И в том, и в другом случае «дело пахнет керосином» революции — внутренне обусловленной или внешне мотивированной. По крайней мере, это сигнал к серьёзным размышлениям. Как бы ни относиться к этому, одно несомненно: страна по многим рейтинговым позициям уже в зоне повышенного риска, под дамокловым мечом революционной угрозы. И если власти не предпримут незамедлительных действий по кардинальному оздоровлению ситуации, то «революционное домино» может достичь и Азербайджана. Не сегодня — так завтра...

(ИА REGNUM — март 2011)

КРИЗИС ДОВЕРИЯ

Ещё совсем недавно многим казалось, что правящему режиму в Азербайджане абсолютно ничто не угрожает и члены «алиевской семьи», поочередно сменяя друг друга, будут ещё очень долго пребывать у власти. На вопрос, когда же рухнет этот засидевшийся во власти и погрязший в коррупции авторитарно-олигархический режим, многие обескураженно разводили руками и отвечали: когда иссякнет либо нефть на Каспии, либо бездонное терпение азербайджанского народа.

Но, судя по характеру развития событий в мире, регионе и в самой стране, бездонное терпение азербайджанского народа может иссякнуть всё же гораздо раньше, чем нефть. За последнее время правящий режим настроил против себя так много реальных сил внутри и за пределами страны, что ему уже не просто остановить процесс неуклонного падения авторитета власти и нарастающих протестных настроений.

Политическая ситуация в стране стремительно меняется. И дело тут не только в «эффекте революционного домино», хотя он, конечно же, оказывает катализирующее воздействие. Тот самый обездоленный народ, который ещё недавно пребывал в политической апатии или послушно голосовал за стабильность этой власти, теперь, столкнувшись с невиданными социальными контрастами, невыносимыми ценами, безработицей и произволом чиновников, уже начинает терять терпение и все чаще срывается на стихийные акции протеста. Та самая оппозиция (демократическая или исламская), которая под перманентным прессингом власти была выдвинута на периферию политической жизни и долгое время пребывала в виртуальном состоянии,

теперь, вдохновляясь революционными примерами, заряжаясь импульсами извне и протестными настроениями внутри страны, стремительно консолидируется, активно заявляет о себе и демонстрирует готовность к решительной борьбе. Та самая бизнес-элита (местная или зарубежная), которая раньше была лояльна режиму за то, что он особо не препятствовал ей нормально работать и обогащаться, теперь, оказавшись в ситуации правового произвола, нарастающих коррупционных поборов и постоянного ущемления прав, с неподдельным беспокойством думает о собственном будущем и втихомолку также клянет эту власть.

Сегодня в Азербайджане противостоят друг другу две параллельные реальности — опирающаяся на внушительные силовые и денежные ресурсы власть и абсолютно чуждое ей, задавленное большинство населения. Ничем хорошим такая система самодовольного господства олигархической номенклатуры кончиться не может. Те, кто у власти уже лишился мандата доверия общества. В Азербайджане теперь мало кто верит, что «эти» могут сделать жизнь страны и людей лучше: они умеют только «отнимать и делить», «качать и сажать». Значит, будет расти перманентно число обиженных подобным «делением» и «сажанием». Энергия недовольства рано или поздно найдёт себе выход. Если «пряник» уступил место «кнуту», если институциональных механизмов минимизации недовольства населения, т. е. «выпуска пара», практически не осталось, куда направится достигающее уже критической массы недовольство в обществе? Ответ прост — против самой узурпаторской системы. Власть сама накликает революционную угрозу.

Напуганная масштабами революционной эпидемии в мире и ростом протестных настроений в стране, правящая элита Азербайджана, тем не менее, совершает типичную для всех авторитарных режимов ошибку: пытается противостоять этим угрозам популистской игрой в реформы и жесткими полицейскими мерами. Что касается первого, то это запоздалая имитационная игра не вызывает уже доверия в обществе. А что касается второго, то, стремясь держать в осаде всё общество, власть, по сути, загнала саму себя в круговую осаду. Против неё сегодня не только основной массив населения страны, но многие политические, социальные, экономические и даже региональные силы: левые и правые, атеисты и исламисты, «западники» и националисты, люмпены и бизнесмены.

Такой одиозный конгломерат противников власти вызывает у части общества серьёзную тревогу за будущее страны. Видя, как на авансцену борьбы с режимом потенциально готовы выдвинуться и прежние коррупционеры, и экс-мастодонты правящей элиты, и прочие опасные реваншистские силы,

некоторые задаются резонными вопросами: Что сулит стране такой одиозный «протестный букет»? Стоит ли менять шило на мыло? Но не менее резонны и доводы их оппонентов: разве подобную ситуацию создала не сама действующая власть, систематически плодя вокруг себя недовольных? Что же остаётся? Терпеть однозначно плохую власть только потому, что новая власть может оказаться столь же плохой? Может, не стоит гадать, какой будет новая власть — лучше или хуже, а обеспечить надежные политико-правовые институты её сменяемости и быть на их страже?

Правящий режим в Азербайджане в последнее время полностью предал забвению то, чем в известной степени, хотя бы на имитационном уровне, дорожил даже Гейдар Алиев — заботу об имидже, авторитете и всенародной поддержке власти. Ведь что бы там ни говорили, основа устойчивости и силы любой власти — это доверие населения, подтверждаемое на выборах и в ходе реализации позитивных реформ (данных обществу обещаний) в поствыборный период. Выборы и реформы не блажь и не дань каким-то современным веяниям — это главный способ связи общества и власти, главный оплот легитимности органов управления. А вместо этого обществу навязана система, где власть в принципе не зависит от населения и может делать с ним все что угодно. Выборы в Азербайджане давно превратились в фарс, в дежурную фальсификационную игру. А реформы полностью дискредитированы и не выходят за рамки пропагандистского шоу.

Конечно, авторитарная власть может продолжать уповать на «дубинку» и нефтедоллары. Но на фоне революционных процессов в мире и нарастающего недовольства в стране, она будет все сильнее погрязать в кризисе и неминуемо окажется в ситуации коллапса. При сохранении нынешнего курса, население и власть будут и далее обитать в параллельных политических реальностях. Абсолютное отчуждение населения от власти станет в этом случае системно неизбежным. А значит, системно неизбежным станет и глубокий кризис власти. Страну вместо укрепления и процветания ждёт вырождение. Очевидно, что власть, не зависящая от населения, никогда не будет о нём заботиться. Интересы общества будут и далее игнорироваться. Проблемы регионов замалчиваться. Права граждан нарушаться. Уровень жизни падать. А протестные настроения нарастать. Полицейская дубинка и энергетическая «палочка-выручалочка» — единственный оплот защиты власти. Окажется ли достаточным этот ресурс для нейтрализации угроз и удержания власти?

К слову сказать, прежний глава государства Гейдар Алиев никогда не ограничивал задачу защиты своего режима лишь опорой на традиционные «кнут и пряник» (карательные и финансовые ресурсы). Он с достаточным

вниманием относился к фактору народного доверия и старался не утрачивать этот важный ресурс. В то же время он даже этим не ограничивался. Осознавая переменчивость симпатий общества, он постоянно опирался на созданную им сложную и многослойную систему политической, экономической, социальной и региональной поддержки: правящая и примыкающие к ней партии, крупные и средние бизнес-круги, творческая интеллигенция, трайбовые и семейно-клановые группы, внешнее лоббирование и т. д. Наличие широкой сети групп поддержки и собственное политическое мастерство, дополненное необходимой харизмой, давали ему возможность тонко маневрировать и предупреждать напряжение, часто не прибегая даже к «кнуту и прянику». Гейдара Алиева трудно назвать всенародным лидером: ни процессуально (не избирался легитимно), ни концептуально (не проводил общенародную политику) он на эту роль не годился. Но, вместе с тем, он был реальным политиком, отражающим интересы определённых групп, с конкретными социальными корнями, обеспеченными тылами и даром своевременного реагирования на угрозы.

В отличие от него, Ильхам Алиев с самого начала продекларировал внешне благородную и демократическую задачу — стать всенародным лидером и президентом каждого гражданина Азербайджана. Формально он вроде бы пытался преодолеть явные социальные, политические, региональные и пр. перекосы отцовской политики. И, казалось, партийная, региональная, социальная и клановая мотивация действительно стала играть меньшую роль в его государственной и кадровой политике. На деле же, сделав ставку только на силу и деньги, впав в зависимость от ближайшего семейного окружения, узкой олигархической номенклатуры и собственных капризов, он так и не сумел возвыситься до уровня общенародного лидера, стать президентом каждого азербайджанца. В результате он сильно сузил и ограничил социальную базу режима. Теперь режим, можно сказать, не только утратил кредит доверия общества в целом, но и лишился значительной части поддержки тех групп, которые ранее были либо форпостом этой власти, либо проявляли лояльность к ней. Теперь у режима только две опоры — «кнут и пряник»: при этом в большей мере реальный кнут, чем имитационный пряник.

Ведь власть рухнет не столько оттого, что у неё есть сильная оппозиция, а прежде всего оттого, что она стала слабой властью, лишённой внешней поддержки и реальной социальной опоры в обществе. Если режим качественно не изменит свою политику, то в том виде, в котором он существует сейчас, он не имеет серьёзной перспективы. Ведь, как свидетельствует участь настигнутых революционной волной диктаторских режимов, только на од-

них лишь нефтедолларах, полицейских дубинках и былой поддержке Вашингтона или Москвы в XXI веке вряд ли можно усидеть долго. С известной долей осторожности, наверно, можно констатировать, что служащий опасным прецедентом для всего постсоветского пространства азербайджанский неомонархический проект явно не удался, а трансформироваться в нечто иное — более благообразное, современное и правовое, он так и не смог, не захотел или в принципе был не способен. Это уже начинают осознавать многие как внутри, так и за пределами страны. В своём нынешнем варианте этот «самодержавный» режим может парадно агонизировать ещё какое-то время, но, если он не изменит свою природу, не захочет перевоплотиться в политическую систему с человеческим лицом, не будет стремиться реанимировать доверие собственного народа и международного сообщества, у него не будет реальной перспективы. Это очевидно.

(ИА REGNUM — март 2011)

ИЛИ РЕФОРМЫ — ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?!

После «пробных» акций протеста 11 и 12 марта, взорвавших застойную тишь политической жизни в Азербайджане, страна словно застыла в тревожном и интригующем ожидании первого митинга объединённых сил оппозиции, назначенной на 2 апреля. К слову сказать, официальный лозунг митинга «народ требует системных реформ», а явно подразумеваемый и активно пропагандируемый лозунг: «или реформы — или революция».

В контексте «арабских событий» и нарастающего в мире прессинга на авторитарные коррумпированные режимы, уже мало кто оспаривает наличие некоего внешнего фона, благоприятствующего основательным преобразованиям в Азербайджане. Да и в самой стране всё настоятельнее ощущается востребованность кардинальных реформ и перемен. Вхождение страны (после долгого затишья) в фазу митинговой активности и конфронтационного противостояния ещё более заострили внимание прессы, политических и экспертных кругов, да и рядовых граждан к теме желательности-нежелательности революции в Азербайджане и, соответственно, к вопросу готовности-неготовности азербайджанского социума к процессам революционного обновления ситуации.

Многие, так или иначе, признают наличие серьёзных недугов в стране, катализирующих рост протестных настроений и содействующих формированию синдрома революционных ожиданий. По большому счету, почти все осознают, что так дальше продолжаться не может, что азербайджанское общество нуждается в неотложном комплексном лечении. В то же время именно в способах выхода из тупиковой ситуации, в формах и методах лечения недугов наблюдается явное расхождение позиций. В последнее время на страницах газет,

в социальных сетях, интернет-форумах, в общественных дискуссиях, в разговорах рядовых граждан всё чаще обсуждаются возможности революционного изменения ситуации в стране. Люди в ожидании перемен, и вектор ожиданий постепенно перенаправляется от власти на их оппонентов и на внешние круги. Вместе с тем, словно в пику нарастающим революционным ожиданиям, официальные круги вдруг активно заговорили о важности эволюционного пути исцеления и демократизации Азербайджана.

Спору нет, если есть реальные возможности эволюционного (пошагового) продвижения к демократии, если сохраняются ресурсы терапевтического лечения недугов, то вряд ли уместны и оправданы опасные методы революционной хирургии. Но с другой стороны, не отсутствием ли веры в возможность эволюционной трансформации (реформирования) существующей системы управления, не запаздывающими и сугубо имитационными шагами власти обусловлен синдром нарастающих революционных ожиданий в стране?

Официальные СМИ Азербайджана сегодня активно пишут об опасности революционных экспериментов, о злонамеренных планах Запада и их местных агентов по дестабилизации ситуации в стране, о незаинтересованности общества в нагнетании революционных угроз, о необходимости сплочения всех граждан вокруг действующей власти и т. д. Почему-то гораздо меньше внимания уделяется критическому осмыслению перспектив альтернативного варианта — эволюционного изменения ситуации. Насколько реальна, уместна и эффективна она в сегодняшнем Азербайджане? Ведь если революция — это по большей части дело оппозиции и протестной части общества, то эволюционное реформирование страны — это, безусловно, прерогатива власти. Готова и способна ли власть инициировать эволюционный дрейф в сторону подлинной демократии и внушить обществу доверие к её реформаторским шагам? Возможно ли демократическое самообновление, нравственное оздоровление, имиджевая реабилитация нынешней власти?

В первые годы прихода Ильхама Алиева к власти был крайне благоприятный и реально востребованный шанс вернуться лицом к реформам. Несмотря на неомонархический трансферт власти от отца к сыну в ходе скандальных президентских выборов, тем не менее, многие внутри страны и за ее пределами полагали, что с завершением эры правления Гейдара Алиева, страна неизбежно пойдет по пути модернизации и позитивных реформ. По сути, курсу реформ уже тогда не было позитивной альтернативы. Но вот уже пройдена половина второго срока президентской деятельности Ильхама Алиева, а обещанных позитивных политико-экономических преобразований, по сути, не видно и реформаторские ожидания в обществе почти полностью

рассеялись, уступив место беспросветному пессимизму или революционным настроениям.

Несмотря на декларируемые либеральные ценности и декоративные внешние перемены, основные параметры азербайджанской власти сохранились почти в неприкосновенности с советских времен правления Гейдара Алиева. С той лишь существенной разницей, что статус независимости страны и эксплуатация нефтяных ресурсов сделали эту власть ещё более деспотичной и коррумпированной. По сути, сведены к минимуму все возможные формы общественного контроля и воздействия на авторитарную пирамиду исполнительной власти в Азербайджане. Для нужного контроля или воздействия нет ни экономических, ни юридических, ни политических условий: «алиевский истеблишмент» полностью приватизировал парламент, судебную систему, телеэфир, многие партии, НПО и СМИ, а отдельные проявления недовольства научился подавлять или игнорировать.

Теперь в атмосфере нарастания протестных настроений и революционных угроз (как извне, так и изнутри) правящая элита и официальная пропаганда вновь стали активно эксплуатировать тему реформ и эволюционного обновления ситуации в стране. Опять пошли в ход паллиативные меры и испытанные имитационные технологии: шумная кампания борьбы с коррупцией, кадровые перестановки и ротации, социальные «пряники», реформаторские обещания и пр. Возможно, президент искренен в своих сегодняшних заверениях начать процесс позитивных реформ. Но ведь за словами должны последовать реальные дела, а они предполагают в первую очередь серьёзную ревизию прежней политики: курса, методологии и, главное, команды. В противном случае получится как с теми людьми, которые по образному выражению Плеханова, «переводя вперёд свои часы, воображают, что этим они ускоряют течение времени».

В целом в стране сложилась неопределённая ситуация, когда у многих уже нет доверия к эволюционному реформированию и *ещё* нет доверия к революционному обновлению. Сегодня в обществе есть ясное понимание того, что перемены неизбежны: они востребованы временем, обществом и ситуацией. Но как подвинуть закостеневшую страну и власть на путь реальных реформ и эволюционного разрешения противоречий? Оппозиция и значительная часть общества, несмотря на рост революционных ожиданий, демонстрируют заинтересованность в демократическом реформировании страны и готовность активного содействия в этом деле. Но коррумпированные олигархические круги во власти в корне не приемлют демократию: они не готовы и не способны к либеральным реформам. Псевдодемократической ритори-

кой и имитационной игрой в эволюцию они лишь пытаются выиграть время и снять виртуальную угрозу революции.

Неготовность власти к эволюционному варианту (реформам) актуализирует угрозу революции. В свою очередь, педализирование революционной угрозы хотя и оказывает некоторое исправительно-воспитательное воздействие на власть, но электризует общество и снижает уровень его доверия к возможным реформаторским шагам власти. Словом, все в тревожном ожидании выхода из дилеммной ситуации: революция или эволюция?

Сегодня, в контексте крушения диктаторских режимов в арабском мире и роста протестных настроений в самом Азербайджане взоры значительной части демократической общественности страны вновь с надеждой устремлены на Запад. Это и не удивляет: череда революционных процессов в мире и усиление международной поддержки борьбы за демократию привели в последнее время не только к чрезмерной актуализации, но и к заметной реабилитации западного фактора. И если авторитарный правящий режим реагирует на этот фактор с большой тревогой, неприязнью и опаской, то для оппозиции и демократической общественности страны, несмотря на серию горьких разочарований, Запад вновь воспринимается как последняя и даже чуть ли не единственная инстанция, способная помочь в деле либерализации Азербайджана.

Ход развития последних событий в мире вроде бы даёт определённые основания для таких надежд. Сегодня официальный Запад не стремится даже завуалировать свое недовольство правящим режимом Азербайджана и свою заинтересованность в серьёзных переменах в политическом климате и курсе страны. Нет сомнений, что в осуществлении этих перемен Запад предпочел бы обойтись без опасного революционного аргумента. С этой целью он прилагает активные усилия для того, чтобы вырулить ситуацию в стране на «мягкий» эволюционный вариант, предполагающий борьбу с коррупцией, кадровые перемены, поэтапное реформирование политической и экономической системы в стране. Но в случае упорства правящей элиты, продолжения антидемократического курса и роста конфронтационного противостояния в стране Запад может «дать отмашку» и на более жёсткий вариант. Словом, в контексте задействованных Западом новых политических тенденций, он объективно заинтересован в придании всем авторитарным режимам, включая и Азербайджан, более цивилизованного, современного, правового и демократического облика. Нет сомнений, что Азербайджан в преддверии реальных и давно уже востребованных политико-экономических перемен. И, надо полагать, эти перемены непременно произойдут — эволюционным или же революционным путём.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АЗЕРБАЙДЖАНА

В 2011 году исполняется 20 лет со дня распада СССР и провозглашения государственной независимости Азербайджана. За это время в стране сменилось уже несколько президентов — Аяз Муталибов, Абульфаз Эльчибей, Гейдар Алиев. Ныне действующий глава государства Ильхам Алиев является по счёту четвёртым президентом суверенного Азербайджана. 4 президента за 20 лет, казалось бы, немало. С учётом 5-летнего цикла правления, на каждого президента условно выпадает всего один президентский срок. Но это при равномерном распределении. В реальном историческом процессе все обстояло иначе. Первые два президента Азербайджана, Аяз Муталибов и Абульфаз Эльчибей, были всего лишь год в этом политическом амплуа, а остальные 18 лет пришлось на периоды правления отца и сына Алиевых — 10 лет Гейдар Алиев и неполных 8 лет Ильхам Алиев. К слову сказать, после скандального референдума 2009 года об отмене ограничений срока правления президента у Ильхама Алиева появился реальный шанс побить рекорд отца и выйти на уровень 3-х, 4-х и т. д. циклов правления. Если не будет никакого форс-мажора.

К президентству Ильхама Алиева в полной мере приложимо слово «парадоксальное». Парадоксальным был его приход к власти, парадоксальными противоречиями изобилует его внешнеполитический и внутривнутриполитический курс, парадоксально странен порой и он сам в роли главы азербайджанского государства. Парадоксальность политического имиджа и курса Ильхама Алиева наиболее рельефно проявляется при сравнении с первыми тремя президентами Азербайджана — Аязом Муталибовым, Абульфазом Эльчибеем и Гейдаром Алиевым. В отличие от нынешнего (четвёртого) главы го-

сударства все они были более последовательны и предсказуемы, а их политический курс (независимо от правильности, популярности, успешности) был внутренне менее противоречив и логично вытекал из их собственных мировоззренческих и поведенческих стратегий или из реальных конъюнктурных требований ситуации. Каждый из предыдущих трёх президентов, независимо от степени внешней или внутренней поддержки, был в достаточной мере харизматичен, имел свой кадровый потенциал, адресный электорат и мировоззренческую платформу. Общество примерно знало, что представляет собой каждый из них: какой внешнеполитической и внутривнутриполитической стратегии придерживается, чему или кому служит, на что готов и способен, что можно ожидать от него сегодня и завтра. В целом, каждый из них рулил по своей дороге, даже если дорога вела в тупик. Попытаемся дать краткую характеристику им.

1. Аяз Муталибов

Первый президент Азербайджана Аяз Муталибов прошёл школу советского директорского корпуса, постепенно поднимаясь по ступеням власти. Его пик политической карьеры пришёлся на «перестройку», когда над политической и идеологией начинала доминировать экономическая инициатива. Это было время расцвета «теневой» экономики и девальвации прежних идеологических ценностей. Именно поэтому он уже не мог быть фанатиком партии и советского тоталитаризма. Он с лёгкостью пошёл на роспуск Компартии Азербайджана (став президентом, покинул её ряды) и смягчение жёстких функций прежней системы. Политически индифферентный прагматик, предпочитающий экономические реформы, он стремился действовать по известному принципу Дэн Сяо Пина: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». В смутное переходное время такой прагматик и конформист, возможно, был более адекватен кризисному состоянию общества. Но компрометирующие моменты его прихода к власти, чрезмерная зависимость от Москвы и отсутствие солидной команды-поддержки внутри страны изначально не сулили ему длительной политической перспективы. С самого начала своего президентства Аяз Муталибов воспринимался общественным сознанием как ставленник Москвы, о чём свидетельствовала и сама процедура его прихода к власти после трагических событий 20 января 1990 года. Он, безусловно, понимал собственную фатальную зависимость от России, но осознавал и полезность партнёрства с ней. Думается, без всяких «про-

граммных» установок, а только прагматически «просчитывая» опасности, он ощущал нецелесообразность противостояния с Россией. При этом он был активен в реализации идеи общества, «открытого» для экономического сотрудничества со всеми государствами. Он и сам был открыт для диалога и сотрудничества, стремился к достижению национального согласия и примирения, готов был к разделу власти и ответственности с Народным Фронтом Азербайджана. Также он не был одержим идеей регионализма и культа личности, не стремился к укреплению и защите власти любой ценой. Его челночная дипломатия расширяла хозяйственные возможности республики, выводя её из опасной самоизоляции. Хотя в политическом плане он был типичным советским руководителем «перестроечной эпохи», но в экономическом аспекте он был по-западному прагматичен и либерален. Как прагматик, он ценил преимущества расширения и упрочения социальной позиции нового поколения предпринимателей. Поэтому активно снимал помехи на пути «негласной приватизации». Именно при нём были ликвидированы многие административные структуры, подавляющие частную инициативу. Начатое им движение к рыночной экономике, не имея соответствующего правового подкрепления, конечно, обрастало элементами уродливой и неизбежной коммерциализации, что способствовало росту недоверия населения. И все же, ему удалось оставить определённый социальный задел в «рыночном» направлении. В целом, недолгое президентство Аяза Муталибова было ориентировано на настоящее и на экономические реформы.

2. Абульфаз Эльчибей

Второй президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей был, по сути, единственным известным диссидентом страны. Из своего политического прошлого он вынес эмоциональный антисоветизм, что провоцировало его антипатию к России и, соответственно, курс на сближение с Турцией и ориентацию на западную демократию. В конечном счёте эта тенденциозность усиливала изоляцию республики и вела к дисбалансу во внешней политике. Две черты его политического портрета несомненны — отрицание тоталитарного прошлого и созидание демократического будущего. Его политическая воля, настроенная на демократическое будущее, подпитывалась диссидентским прошлым. Именно из-за этой устремленности в «завтра» он не всегда замечал «сегодня». Остаточный диссидентский романтизм придавал его дипломатическим акциям оттенок политического радикализма (бескомпромиссность

и прямолинейность). В какой-то мере он смог внушить Западу, что Азербайджан становится на демократический курс, но не успел извлечь из этого ощутимую пользу для республики. Внутри страны он в основном ориентировался на патриотическую и демократически настроенную часть населения — преимущественно молодое поколение. Размышляя часто о будущем поколении, он так и не смог подобрать ключи к ныне живущему поколению. Понимание того, что решительные экономические реформы негативно отразятся на благополучии народа, сковывало подчас его инициативу. Оставаясь в целом романтическим и радикальным политиком, он проявлял непоследовательность и осторожность в экономической политике и тем самым ослаблял свою социальную базу. Несмотря на очевидные элементы политического дилетантизма и романтического радикализма, он был по-своему последователен в реализации приоритетного национал-патриотического и демократического курса, составными вехами которого являлись углубление суверенитета, преодоление тоталитарного наследия, сближение с Турцией, интеграция в европейское демократическое сообщество, актуализация идеи объединения Азербайджана, дистанцирование от России, возрождение исторической памяти, ставка на новые и молодые кадры, бескомпромиссность в решении карабахской проблемы, ориентация на развитие мелкого и среднего бизнеса и т. д. Главный мотивационный вектор президентства Абульфаза Эльчибея — будущее и демократические преобразования.

3. Гейдар Алиев

Большую часть времени (10 из неполных 20 лет) у штурвала власти в суверенном Азербайджане находился третий президент страны Гейдар Алиев, передавший затем эстафету своему сыну Ильхаму Алиеву. Гейдар Алиев сформировался в качестве государственного деятеля высокого ранга при советском тоталитаризме, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Почти весь его политический опыт был аккумулирован в прошлом. К тому же это прошлое для него было позитивно: сильная власть, стабильность и «зомбированное» общество. На базе «позитивов» прошлого в синтезе с веяниями нового времени он построил мощную авторитарную (семейно-клановую) систему власти, органично предрасположенную к работе в режиме тотальной коррупции, репрессивной стабильности и имитации демократии. Хотя в первые годы президентства он действовал как постсоветский лидер из «кремлевской шинели» (вхождение в СНГ, реверансы в сторону России, апелляции к опы-

ту Союза, осторожность в отношении Запада и т. д.), тем не менее прагматически и стратегически он тяготел к партнерству с США, что и проявилось в последующий период его правления. Гейдар Алиев в основном был ориентирован на старшее поколение и на собственные (прежние и новые) кадры, отвечающие принципу личной преданности и региональным, партийно-идеологическим и поведенческим критериям. В основном он апеллировал к консервативной, патриархально настроенной и легко зомбируемой части общества. Несмотря на политическую имитацию прозападного и демократического курса, он в сфере экономики был чужд идей рыночной конкуренции и либерализма. Он продолжал социалистические традиции «руководства» экономикой, переведя лишь это управление в коррумпированную семейно-клановую плоскость. Главная составляющая его курса — прагматичное геополитическое и нефтяное партнерство с Западом (США), которое на базе имитации демократии было в основном направлено на укрепление режима его личной власти. С этой целью он приоритетное внимание уделял проблемам социального порядка, стабильности, формированию манипулируемого общества, обеспечению собственного культа и созданию условий для неомонархической передачи власти семейному преемнику (сыну). Несмотря на имитацию демократии, налёт вестернизации и готовность к новациям, в целом лейтмотивом его президентства была ориентация на прошлое и социальный порядок (в авторитарном понимании этого слова).

4. Ильхам Алиев

Политический курс четвертого президента Азербайджана — действующего главы государства Ильхама Алиева, в силу непоследовательности и непредсказуемости, полон коллизий и парадоксов. Причём как во внешнеполитическом, так и внутриполитическом плане. Первые два года его президентства рождали гораздо меньше вопросов, поскольку он сам держался в тени, не делал резких движений и фактически доверил штурвал власти «акулам» старой отцовской команды. Он как бы наблюдал со стороны, как эта раздираемая склоками и противоречиями команда, формально продолжая прежний курс Гейдара Алиева, на самом деле уже окончательно сбилась с курса и ведёт государственный корабль на рифы неминуемого кризиса. В тот период логичнее было говорить не о парадоксах, а о кризисе власти, о слабости президента, об отсутствии нового или крахе прежнего (отцовского) курса. Но вот президент вышел из тени отца, стал активно действовать, взял штурвал власти на себя, видоизменил, пе-

регруппировал и подчинил себе команду, начал осуществлять какие-то шаги во внешней и внутренней политике. Фактически с конца 2005 года он активно вошел в роль президента, стал наращивать инициативу и тем самым как бы сделал заявку на собственный курс. Но почему-то это не прояснило ситуацию, а только многократно усилило эффект парадоксальности его президентства и стало источником недоуменных вопросов: кто он? какому богу служит? чего хочет? куда рулит? в чём его курс? что ожидает страну? какими будут последствия его противоречивых инициатив?

В силу непоследовательности, половинчатости и противоречивости его слов и дел, в силу частых и импульсивных перескоков с одной тональности и парадигмы на прямо противоположные, в силу отсутствия ясности и определённости почти по всем позициям, парадоксами сопровождаются чуть ли не все аспекты политического курса Ильхама Алиева. А это, в свою очередь, на каждом шагу порождает недоумение, иронию и частые вопросы. По сути, нет ясного, чёткого и последовательного курса. Есть лишь противоречивые притязания и череда претензий: на демократизм и диктаторство, на консерватизм и реформаторство, на прозападный и пророссийский курс, на неосоветизм и модернизацию, на роль политика-новатора и правителя-самодура.

Фактически политические процессы в стране при четвёртом президенте развиваются по принципу маятника: то следуют события, соответствующие позитивным ожиданиям общества и свидетельствующие вроде бы о прозападном курсе, модернизационном настрое и либеральных намерениях Ильхама Алиева, то явно наперекор им осуществляются откровенно ретроградные, антизападные и недемократические шаги, компрометирующие главу государства. Каждый выход президента на авансцену событий усиливает эффект маятниковых колебаний: то в пользу реформаторских ожиданий, то в сторону реакционных тенденций (особенно активно в последнее время). При этом статусно-ролевая раздвоенность Ильхама Алиева (главы азербайджанского государства и «крестного отца» коррумпированной семейно-клановой системы) только усиливает маятниковый эффект непоследовательности и противоречивости его действий.

Сегодняшняя реальность такова, что стратегия дальнейшего развития Азербайджана пока что в руках четвёртого президента. У Ильхама Алиева был реальный шанс модернизационно переосмыслить и преломить, актуализировать в своём политическом курсе все три столь важные для страны ориентации — на государственность и социальный порядок (Гейдар Алиев), либеральные экономические реформы (Аяз Муталибов) и демократические преобразования (Абульфаз Эльчибей). Тем самым он мог соединить в своём

курсе — с несомненной имиджевой выгодой для себя и с огромной пользой для страны — позитивы исторического прошлого (Гейдар Алиев) с прагматическими реалиями настоящего (Аяз Муталибов) и прогрессивными тенденциями будущего (Абульфаз Эльчибей). Но его односторонняя заикленность на авторитарном курсе отца и почти ничем не подкреплённые претензии на собственный (усовершенствованный) вариант этого курса привели, по сути, к гротескному и парадоксальному результату. С одной стороны, оказались забытыми или отвергнутыми другие крайне важные для страны ориентации — на либеральные реформы в экономике и демократические преобразования в политической сфере. С другой — подвергшись перманентному выхолащиванию, олигархической ревизии и несоветской трансформации, постепенно утратила внутреннюю цельность, консолидирующий потенциал и политическую перспективу сама отцовская ориентация на государственность и социальный порядок. Сегодня страна в ожидании кардинальных экономических и политических перемен, и это накладывает на четвёртого президента Азербайджана особое бремя исторической ответственности.

(ИА REGNUM — апрель 2011)

ОТ «ИСЛАМСКОЙ УГРОЗЫ» К «ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»?!

1991-й год, завершивший процесс развала социалистического лагеря и тоталитарной советской системы, по многим аспектам был знаковым явлением — ознаменовал начало перехода от старого миропорядка к новому. Так, в частности, незадолго до этих событий Ф. Фукуяма в нашумевшей статье «Конец истории» прогнозировал крах старого миропорядка и начало новой эпохи: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — это конец истории, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления». Прогноз Фукуямы, казалось бы, вскоре получил определённое подтверждение — в 1991 году осуществилось крушение советской системы и, одновременно с ним, произошёл коллапс биполярного миропорядка (эпохи «холодной войны»). Символический характер этого года точно определил Валлерстайн, выделив особо два явления (развал СССР и первую войну в Ираке) — как поворотные пункты в новейшей истории. Первое явление означало конец эпохи советской угрозы и обманутых надежд, второе — знаменовало начало новой эры — эры новых и ещё неясных угроз. Словом, «конец истории» не стал подтверждением прогноза Фукуямы о торжестве либеральной демократии, а означал лишь погружение мира в полосу неопределённого состояния.

Но, как известно, «свято место пусто не бывает», и вскоре появилась «разъяснительная» концепция Хантингтона, провозгласившая начало новой истории. Основные её тезисы: «Столкновение цивилизаций — вот что будет определять в перспективе мировую политику... С окончанием “холодной войны” завершается западная фаза мировой политики. Отныне её центральной осью становится взаимодействие западной и незападной цивилизаций. Народы

и правительства незападных цивилизаций перестают быть объектом истории и больше не являются лишь целью колониализма, а становятся, вместе с Западом, субъектами и творцами истории». Согласно концепции Хантингтона, «в новом мире самые опасные конфликты будут разгораться вдоль демаркационных линий, разграничивающих цивилизации... Центральная ось мировой политики в период после окончания “холодной войны” проходит там, где могущество и культура Запада соприкасается с могуществом и культурой незападных цивилизаций... На микроуровне наиболее “горячие точки” расположены по демаркационным линиям, разделяющим ислам и его соседей... На макроуровне основной водораздел проходит между Западом и всеми остальными». Главными оппонентами Запада Хантингтон называет ислам и Китай. При этом он не исключает возможность сближения весьма отличных друг от друга цивилизаций Ислама и Китая на почве противостояния Западу. Пока ислам остаётся исламом, а Запад — Западом, цивилизационный конфликт между ними, считает Хантингтон, будет лейтмотивом новой истории.

В 1991 году эксперты Вашингтона активно «переваривали» серию неожиданных событий (развал Союза и иракскую войну). Первое явление на самом деле указывало на окончательное завершение истории жёсткого противостояния двух непримиримых политических систем и идеологий. Оно предвещало неизбежное наступление новой эры. На политической арене осталась амбициозная Америка, которая в период «холодной войны» довела свою гегемонистскую мощь до максимума. После краха Союза и исчезновения прежней «коммунистической угрозы» экспансионистская машина США была обречена на поиск «нового врага» — как для «сброса» накопленной военно-политической энергии, так и с целью приведения своих имперских амбиций в гомеостазное состояние. Для такой самореализации Америка крайне нуждалась в достойном её статуса новом сопернике. Началась эра поиска нового «образа врага» и новой глобальной угрозы, способных оправдать целесообразность ориентации именно на них всей мощи супердержавы.

Исчезновение с мировой политической сцены СССР стало для американской геополитической машины весьма дискомфортным явлением. Образовавшийся геополитический вакуум ввергал супердержаву в проблематичное существование, и ей предстояло очень быстро разрешить возникшую дилемму — либо найти другого достойного соперника, либо полностью списать в архив имперскую машину, налаженную для ведения «перманентной войны» по всем направлениям. Прагматичная Америка должна была срочно просчитать в долларовом эквиваленте преимущества той или иной стратегии удовлетворения своих лидерских амбиций. Последующие события показали,

что предпочтение было отдано первой модели, и Америка стала оперативно «лепить» образ нового врага, борьба с которым должна была способствовать становлению панамериканского мира. И, видимо, не случайно, что именно в этот период появляется удобная с точки зрения камуфлирования своих подлинных интересов доктрина Хантингтона, в которой называется новый достойный враг — Ислам. Хантингтон корректно обосновал идею перманентного роста конфликта между христианским Западом и мусульманским миром. Из его теории следовал логический вывод о возможности (вероятности) «войны цивилизаций» и «неокрестового похода». Тем самым он предоставил Белому Дому желанную мифологию, которую следовало насытить реальными фактами и тенденциями.

Казалось бы, первая иракская война могла стать той манной небесной, которую жаждал неудовлетворённый имперский аппетит Америки. Но эта война началась «раньше времени», поскольку Америка и западный мир ещё не были в полной мере готовы к «неокрестовому походу» против ислама. Именно по этой причине эта война завершилась, к удивлению многих, с «загадочным постскриптумом»: враг был ранен, озлоблен, но не до конца повержен... Эта война, носящая зондажный характер, обозначила врага и отложила «исламскую партию» до лучших времен — для будущей жёсткой конфронтации с исламским миром. И на роль главного фигуранта этой цели более всего подходил «раненый» Саддам, олицетворяющий своей озлобленностью фундаменталистские «черты зла» исламского мира.

В 1991 году Ирак и Саддам ещё недотягивали до образа главного врага и западный мир не был готов к принятию фундаменталистской (исламской) угрозы и, соответственно, к восприятию Америки как главного гаранта безопасности от новых угроз. В том году Америка не стала «дожимать» Саддама, убеждённая в том, что со временем последний созреет до статуса достойного врага — «центра зла». По этой причине первая иракская война стала лишь прелюдией долгого конструирования образа нового врага и сложного процесса внедрения новой угрозы в массовое сознание.

Появление доктрины Хантингтона сыграло важную роль в трансформировании «холодной войны» с антикоммунизма в антиисламизм — она способствовала внедрению в сознание людей нового образа врага. Теория достаточно убедительно прогнозировала перманентный рост конфликта между христианской западной цивилизацией и мусульманской. В этих условиях задача Америки заметно упрощалась: она должна была выстроить событийный ряд («ось зла»), конкретно подтверждающий «враждебную суть» ислама. К середине 90-х годов ключевые элементы будущей «оси зла» уже были ясно

сформированы (режим Каддафи, проблема Палестины, Ирак, Иран, Сирия, афганский талибан). Необходимо было спровоцировать череду «управляемых событий», призванных сделать убедительным образ нового врага и внедрить в сознание масс алгоритм «новых угроз», исходящих в основном от исламского мира. С этой задачей Америка справилась быстро и успешно. За 10 лет тотального манипулирования массивом мировых событий западная пропаганда создала новую лексику и матрицу мышления. Очень быстро сформировался новый синонимический ряд представлений: «мусульманский терроризм», «фундаментализм», «ваххабизм», «исламская угроза» и т. д. В трансформируемое сознание внедрялись эти представления, из которых складывался реальный образ «нового врага».

К самому началу XXI века уже были обстоятельно проработаны и практически адаптированы теоретико-пропагандистские аспекты конструирования образа нового врага. Примечательно, что ни в концепции Хантингтона, ни в каждодневной «исламской рефлексии» ничего не говорилось о факторе нефти. Этот фактор тщательно камуфлировался рассуждениями о культурном конфликте (несовместимости) цивилизаций, исламской угрозе, международном терроризме, «третьей волне» демократизации и т. д. Этими представлениями внимание мировой общественности отвлекалось от нефти и фокусировалось на чисто политических акций возмездия, которые представлялись всё более неизбежными. К началу XXI века западная пропаганда достигла основной цели — постоянной демонстрацией ужасов «оси зла», сформировала в сознании многих людей враждебный образ ислама.

Но для обоснования и оправдания какой-либо глобальной акции возмездия этого, видимо, было явно недостаточно. Запуск сценария «неокрестового похода» требовал более основательного повода. Должно было произойти экстраординарное событие («11 сентября»), чтобы Америка наконец-то получила долгожданный карт-бланш на реализацию «неокрестового плана», с целью «приватизации мировой нефти» и установления полного контроля над глобализационным миропорядком. Сразу после «11 сентября» Америка приступила к форсированию акций возмездия — началась многолетняя охота за Бен Ладеном в талибанском Афганистане. Выбор именно этой страны (Бен Ладена с таким же «неуспехом» можно было искать в любой другой исламской стране — Судане, Ливии, Сирии) можно объяснить рядом причин и, прежде всего, намерением США завуалировать свои «нефтяные интересы». Объективно Афганистан не относится к числу нефтяных стран, но вместе с тем базирование США в этой стране полностью укладывается в её стратегические нефтяные планы: благодаря афганской акции возмездия Америка проникала в Централь-

ную Азию и получала «восточный доступ» к каспийской нефти. Она обеспечила восточное блокирование Ирана (на будущее) и устанавливала контроль над возможными «восточными маршрутами» транзита нефти. В ходе афганского «блицкрига» не удалось найти Бен Ладена (он нужнее на свободе), но Америка приобрела важные рычаги контроля за маршрутами транзита каспийской нефти и сумела основательно подготовиться ко второй иракской войне.

Думается, нет особой необходимости детально анализировать нефтяной мотив второй иракской войны. И в этом случае «поиск ядерного, химического и биологического оружия» оказался блефом, камуфлирующим подлинные намерения США. На этот раз логика войны чётко предусматривала устранение Саддама, что и произошло. Сразу после иракской войны Америка открыто заявила, что очередной жертвой «неокрестового похода» будет Иран. Казалось, план подавления новых «фундаменталистских угроз» близок к завершающей стадии. Но чрезмерное педалирование «исламской угрозы» и насаждение исламофобии обусловили крайне опасный для самих США бумеранговый эффект и дали мощный консолидирующий и пассионарный толчок мусульманскому миру — причём с нарастающим антиамериканским вектором. Видимо, осознав пределы конфронтационной стратегии, мозговые центры Запада решили поменять «кнут на пряник» и стали разворачивать стратегию от «исламской угрозы» к «исламской демократии». Был фактически дан старт революционным процессам вестернизации, модернизации и демократизации исламских стран на манер турецкой республики, с целью приведения к власти прозападных сил.

Почему всё же и в качестве нового врага (прежде), и в качестве нового друга (теперь) выбран исламский мир? Чтобы найти приемлемый ответ на этот вопрос, необходимо обратить внимание на некоторые аспекты современных неоимперских противостояний и крайне притягательные энергоресурсные особенности исламского мира. Почти за всеми важными геополитическими новациями так или иначе стоит фактор нефтяной геополитики. Ход развития современной истории лишь усиливает правомерность логики рассуждения, согласно которому следует искать «нефтяной след» почти в любой геополитической стратегии. Так что есть достаточно веские основания предполагать, что многие военно-политические и пропагандистские акции Америки мотивированы её намерением установить глобальный контроль над нефтяным фактором. Логика развертывания неоимперской гегемонии такова, что важной её чертой является очевидный прагматический аспект нефтяной игры, а это весьма значимо для удовлетворения глобальных амбиций Америки. Установка на обеспечение контро-

ля над основными источниками нефти и маршрутами её транспортировки задаёт специфичный алгоритм геополитического поведения Америки. Фиксация геополитической роли нефтяного фактора способствует, по объективным причинам, однозначному акцентированию внимания на исламский регион, где и сосредоточена значительная часть мировых запасов нефти и газа. По данным на начало XXI века, 75% мировых запасов нефти и 70% ежегодной добычи нефти приходится на исламские страны. Очень внушительны и газовые ресурсы этих стран.

Есть основание полагать, что исламский вектор в политике Америки предусматривает установление контроля над нефтяными странами. Реализация этого плана предусматривала не только осуществление блицкригных акций военного «базирования» США по всей «оси зла», но и придание данному факту присутствия стратегической перспективы. В целом «исламская партия» Америки держится на «трех китах» (исламская угроза, «третья волна» демократизация и нефтяная гегемония):

конструирование исламской «оси зла» как новой угрозы для человечества, которая даёт возможность для инициирования акций возмездия против любой страны (в этот список попадают, как правило, либо нефтересурсные, либо нефтетранзитные, либо нефтяные реципиенты);

экспорт неodemократии как форма камуфлирования нефтяных интересов и демонстрации прогрессивной миссии США, а также как способ упрочения стратегического присутствия Запада в той или иной исламской стране;

установление полного стратегического контроля над нефтяным фактором, камуфлируемое первыми двумя имитационными играми (акциями возмездия против сил зла и распространением волн демократии по всему исламскому миру).

Борьба против исламской «оси зла» или содействие революционным процессам демократизации на самом деле камуфлирует намерение США (Запада) установить полный стратегический контроль над нефтью. К сожалению, в реализации этого плана неприглядную роль играют неodemократические идеи. Отметим, что в конце XX века почти одновременно появились фундаментальные концепции «третьей волны» демократизации (Хантингтон, Тоффлер), допускающие возможность многообразных форм демократии (азиатской, авторитарной, имитационной, периферийной, вертикальной, управляемой и т. д.).

Авторы этих концепций обосновывают следующие прогнозы: «Человечество ждет резкие перемены. Оно стоит перед глубочайшим социальным переворотом и реорганизацией... Сегодня история обнаруживает ещё большее ускорение, и вполне вероятно, что “третья волна” пронесётся через исто-

рию и завершится в течение нескольких десятилетий... Вся наша экономика, наши города, наша экология, структура нашей семьи, наши ценности и даже наша политика изменится почти до неузнаваемости. Эта возможность (вероятность), которую следует обдумать... Третья волна создаёт первую в истории «трансрыночную цивилизацию»... Чтобы вновь создать демократию в условиях «третьей волны», нам нужно выбросить за борт ложное допущение, что всё большее разнообразие автоматически порождает всё большее напряжение и конфликт в обществе. В действительности верным может быть прямо противоположное. Конфликт в обществе не только необходим, он, в определенных условиях, желателен» (Тоффлер О. «Третья волна»).

Сегодня, анализируя ход «третьей волны», легко заметить одно весьма важное обстоятельство: за борт бросаются одни тиранические режимы и спешно воссоздаются новые режимы — в декоративной демократической упаковке. Как правило, вслед за инициированием желательных конфликтов в той или иной исламской стране, Америка осуществляет её военно-геополитическую осаду или приступает к революционной её демократизации. Построение декоративной демократии позволяет ей рассчитывать на долговременное присутствие в стране (то есть обеспечить стратегический контроль над нефтяным фактором). Таким образом, уже накоплен достаточный опыт в сфере странных проявлений «третьей волны»: имитация демократии на афганский или иракский манер служит колоритным подтверждением декоративной сути этих манипуляций. Хотя для самих этих стран путь от авторитарных (династийных и тиранических) банановых режимов к демократическим банановым режимам есть очевидное благо и несомненный прогресс.

Исламские или «азиатские» модели демократизации в руках вашингтонских политиков оказались весьма удобными средствами демонстрации цивилизационной (прогрессивной) миссии Америки и способами камуфлирования её прагматических нефтяных интересов. Располагая возможностями контроля над исламским миром, Америка сумеет по своему прагматическому усмотрению манипулировать ходом развития «третьей волны демократизации» и построением нового миропорядка. В этом процессе важную роль ещё несколько десятилетий будет, несомненно, играть стратегия манипулирования нефтяным фактором. Ныне динамика цен и спроса на нефть явно указывает на то, что манипулирование этими параметрами предоставит Америке возможность управления новым миром, экономическая инфраструктура которого всё более зависит от потока нефти и газа. Системой «раскачки цены» и «квотирования потока» по шкале минимум-максимум можно будет

создавать управляемый экономический, а затем и политический хаос почти в любой стране. Понятно, что жертвами этой опасной глобальной стратегии, наряду со странами «оси зла», могут со временем стать и некоторые европейские оппоненты США (например, Франция, Германия и др.), а также Китай, Япония, Индия, Бразилия, Турция и т. д., с их непомерно усиливающимися политико-экономическими амбициями и нефтегазовыми аппетитами. Коллизионные перспективы эта стратегия сулит и ряду постсоветских стран (России, Азербайджану и др.), погружающимся всё более в пучину «голландского синдрома» и никак не желающими расставаться с авторитарным политическим наследием.

(ИА REGNUM — апрель 2011)

«ДРУЗЬЯ» И «ВРАГИ» НАРОДА

Продолжающаяся который день подряд постмитинговая кампания судебного, пропагандистского, административно-полицейского и даже «хунвейбинского» наката на оппозицию наглядно демонстрирует антидемократическую сущность власти и её неискоренимую приверженность к тоталитарным советским методам борьбы с оппонентами. Эти события показывают также чрезмерную податливость, раболепное угодничество, фаталистскую покорность и беспомощность определённой части нашего общества перед шантажирующим прессингом власть имущих. Вот уже почти две недели вся страна поставлена на уши: в лучших традициях сталинской эпохи идёт тотальный пропагандистский и репрессивный накат на демократическую оппозицию (её лидеров, активистов и сторонников) — как главных «врагов» азербайджанского народа.

В последний раз такая масштабная кампания «всенародного шельмования» оппозиции была осуществлена властями в контексте президентских выборов 2003 и парламентских выборов 2005 годов. По сути, и предыдущие, и нынешняя кампания сфабрикованы по единым рецептам, представляющим собой уродливое сращение старых советских и псевдосовременных методов пропагандистского манипулирования обществом, с вкраплением приёмов спецслужб и элементов самого «чёрного пиара». Примерно в таком же ключе действовала власть в годы правления генерала КГБ Гейдара Алиева, в том же сценарном русле она продолжает действовать и в период правления его сына. С той лишь разницей, что в последние годы в этих репрессивно-пропагандистских кампаниях стали ещё интенсивнее применяться аппаратные ресурсы и «грязные» методы

К сожалению, у определённой части наших граждан, составляющих вольный или невольный контингент этих пропагандистских шоу, очень короткая память: они почти не извлекают уроков из прежних подобных кампаний и словно не желают замечать очевидные противоречия, нонсенсы и алогичности в многолетней репрессивной политике властных структур по выявлению и наказанию «врагов народа». Я уж не говорю о явной правовой, идеологической и нравственной несостоятельности подобных пропагандистских шоу, также зачастую ускользающей от внимания наших граждан.

По большому счёту все в стране понимают, что за всеми пропагандистскими кампаниями «всенародного возмущения» стоит у нас сама власть: они происходят не по инициативе снизу, а по сценарной установке сверху и в «добровольно-принудительном» режиме. Но тем не менее многие дают воле себя в этот недостойный процесс. Приходится вновь повторить горькую истину о чрезмерной податливости, покорности и беспомощности части наших граждан перед «кнутом и пряником» власти. Потому-то с такой лёгкостью разворачиваются пропагандистские и репрессивные кампании, что они не находят даже самого пассивного сопротивления со стороны широкой общественности.

С сожалением надо признать, что многие наши соотечественники ещё не научились слову «нет», очень далеки от культуры «гражданского отказа». Они даже не желают задумываться над тем, что, соучаствуя по зову властей и наперекор собственной совести в подобных пропагандистских и репрессивных кампаниях, они обрекают не только самих себя, но и собственных детей, всю страну, на ещё более реакционное и позорное будущее.

Когда наблюдаешь, как не только пожилые люди с устойчивым советским мышлением, но и современные молодые ребята, а также некоторые представители интеллигенции соревнуются за право первым «бросить камень» в очередную жертву репрессивной пропаганды правящего режима, так и хочется воскликнуть: неужели в вас не осталось ни капли самоуважения и человеческого достоинства? Есть ли предел вашего раболепия перед властью имущими? Можно ли так унижаться ради куска хлеба, работы или чего-то ещё? До каких пор вы будете бессловесным и послушным орудием в руках у этой власти?

Наблюдая череду однотипных кампаний «всенародного возмущения», впору задаться вопросом: если демократические круги страны — это средоточие антиобщественных и антигосударственных сил, рассадники зла, насилия, предательства, вероломства, клеветы, мракобесия, экстремизма, разврата, коррупции и криминала, то почему в отношении этих организаций, их лидеров и активистов не применяется вся тоталитарно-карательная мощь

режима, почему они продолжают жить и работать, несмотря на многолетний устойчивый ярлык главных «врагов народа»? Коли режим ведёт борьбу с оппонентами в духе методов сталинской эпохи и, соответственно, плюёт на презумпцию невиновности, подменяет процессуально правовую сторону дела и фактор реальной вины дешёвыми кампаниями «всенародного осуждения», то тогда он должен быть последовательным до конца.

Скажем, как режимы Сталина, Пол Пота, Каддафи и т. д. К примеру, сталинский режим был по-своему последователен и логичен, хотя это и была логика людоеда. Карательная система тогда не давала сбоев: наказание «врагов народа» было неминуемым, безжалостным и соответствовало степени и масштабу предваряющей репрессивной пропаганды. Тотальному глумлению и лютой смерти предавали не только самих «врагов народа», но зачастую и их семьи, родственников, потомков, друзей и единомышленников, конфисковывали имущество, уничтожали труды, деяния и даже саму память о них.

А что же у нас? Уже 17 лет власть имущие берут в чёрный кружок главных «врагов народа» Ису Гамбара, Али Керимли и других оппозиционных лидеров, обвиняя их во всех смертных грехах (связях с иностранными разведками, измене Родине, сотрудничестве с армянами, подготовке терактов, попытке госпереворота и пр.), науськивая на них всё общество, грозясь раз и навсегда покончить с ними... Но проходит некоторое время, кампания утрачивает конъюнктурную актуальность, и заклятые «враги народа» словно получают частичную «амнистию». А потом, через некоторое время, в момент всплеска политической активности, всё опять начинается чуть ли не с нулевой отметки: вновь доказывается, что они заклятые «враги народа» и их надо жестоко покарать.

Скажите, господа во власти, вам самим это всё не надоело? Если не можете и не хотите быть нормальной цивилизованной властью, действующей по современным правовым и демократическим канонам, то будьте в таком случае последовательными сталинистами, каддафистами, полпотовцами — «людоедами» до конца. До каких пор будет продолжаться это «политическое гермафродитство» ваше? Определитесь же со своими ориентациями.

По сути, всё в нашем ненормальном обществе приобрело одиозный, карикатурный характер, в том числе и в вопросе: кто подлинные «друзья» и «враги» народа. А всё потому, что «друзей» и «врагов» себе выбирает не он сам, а официальная пропаганда: сам же народ полностью отстранен от данного процесса. «Кто еврей, а кто не еврей — решаю я», — любил повторять Герман Геринг. Тот же волюнтаристский принцип и правовой нигилизм царит и у нас. Кто виновен или невиновен, кто прав или неправ, кто «друг» или «враг» народа

решается не в зале суда, не в правовой или нравственной плоскости, не сквозь призму реального общественного мнения, а по капризу и произволу кучки людей на вершине власти. Именно они по своему усмотрению сортируют нас на «друзей» и «врагов» народа, на своих и чужих, на хороших и плохих. И в этом деле многие наши граждане, к сожалению, им прямо или косвенно содействуют: своим лакейским угодничеством, трусливой покорностью или пассивной отстранённостью.

Практически всё у нас перевернуто с ног на голову, как в королевстве кривых зеркал. Коррупционеры, чинуши, лицемеры и деспоты ходят в «друзьях народа», а многие честные патриоты, заинтересованные в демократизации и процветании страны, взяты в чёрный кружок как заклятые «враги народа». Поразительно, но все те, кто регулярно крадёт самое святое у народа — его голос, его право избирать и быть избранным, также причисляют себя к когорте подлинных «друзей». С такими вот «друзьями», если они устраивают народ, нам никакие позитивные перспективы не светят. Выбор один: либо выдавить из себя раба, либо продолжать шагать зомбированными колоннами, салютуя власти и обрушивая по команде сверху холуйское негодование на «врагов народа».

(Radioazadlyg.org — 2011)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЗАПАДА

Беспрецедентный по масштабам и значимости процесс революционного крушения авторитарных режимов в арабских странах, совпавший странным образом с усилением демократического вектора в политическом курсе США и ЕС, оказал двойное влияние на общественно-политические круги в Азербайджане. Демократическая оппозиция, вновь с надеждой поглядывая на Запад, спешно консолидировала свои ряды и приступила к митинговой осаде власти, а правящие круги, спекулируя суверенитетом и во всем усматривая «происки внешних сил», начала масштабную кампанию преследований, травли и дискредитации политических оппонентов, как «врагов народа» и «агентов Запада». После митинга 2 апреля ситуация в стране приобрела гораздо более тревожные и конфронтационные очертания. Оппозиция по-прежнему выдвигает лозунг «Или реформы — или революция» и намерена продолжить митинговую серию в центре города: очередная акция назначена на 16 апреля. Официальные круги и СМИ предпринимают жесткие превентивные меры, с целью ослабления или нейтрализации митинговой угрозы: в духе сталинской эпохи идет ширококомандный пропагандистский и репрессивный накат не только на лидеров и активистов оппозиционных партий и молодежных организаций, но также на членов их семей и рядовых участников митинговых акций.

По мере нарастания в обществе революционных ожиданий и антиреволюционных репрессий, усиливается и тревога по поводу ближайших перспектив страны. Эта тревога вполне естественна, поскольку все понимают, что такой ход развития событий может трансформироваться в жесткое противостояние в обществе, с самыми непредсказуемыми последствиями.

При этом обе стороны продолжают активно апеллировать к Западу: оппозиция с жалобами на действия власти и с надеждой на помощь, а официальные круги — с настороженной опаской и требованием не лезть в дела «суверенного» государства. Оппозиция, исходя из того, что права человека и демократия являются глобальными высшими ценностями, ждёт активного содействия от Запада в борьбе с недемократическим режимом. Власти же Азербайджана, постоянно спекулируя темой суверенитета, подозревают Запад в нагнетании революционной ситуации и считают, что никто извне не вправе поучать их, вмешиваться в дела независимого государства.

По сути, в отношении к Западу (США) общественные и политические круги Азербайджана нередко бросаются из одной мифологизированной крайности в другую. В первое десятилетие государственной независимости в общественных ожиданиях в основном доминировал эйфорический миф о Западе: многим казалось, что вхождение в Совет Европы и стратегическое партнёрство с США чуть ли не разом решит все проблемы страны и очень быстро превратит Азербайджан в процветающее демократическое государство. Затем, когда чрезмерно завышенные и романтические прозападные ожидания не получили адекватного подкрепления в реальной практике, в общественном сознании стал постепенно выстраиваться иной миф — о принципиальной незаинтересованности Запада в процветании и демократизации Азербайджана.

В настоящий момент можно наблюдать параллельное сосуществование обоих мифов, как бы раскалывающих общественное мнение страны в оценочном восприятии Запада.

Значительная часть оппозиции, независимых СМИ, НПО и либерально настроенной общественности, воодушевлённые открывающейся возможностью революционного или эволюционного обновления (прогресса) страны, нередко вновь мифологически переоценивают фактор демократической миссии (ангажированности) Запада.

А официальные СМИ и определённые религиозные, общественно-политические круги (большей частью проправительственные), обеспокоенные ходом развития событий в мире и в стране, нагнетают мифологические «страшилки» о Западе как об угрозе суверенитету, менталитету, национальным интересам Азербайджана.

Между тем оба мифа базируются не столько на самой реальности, сколько на субъективном и конъюнктурно-ситуативном восприятии демократической миссии Запада и потому являются некоторым искажением его подлинного политического образа. В силу крайностей и перепадов общественных

ожиданий от эйфории до разочарования, каждый раз как бы выстраивается новый политический образ Запада (США) — то в ореоле «благородного рыцаря демократии», то в виде алчного и хищного «разбойника с большой дороги». Между тем изменение политического образа Запада происходит, прежде всего, в поле наших конъюнктурных ожиданий и субъективного восприятия, в контексте наших иллюзий и разочарований. В реальности же политический курс Запада (США и ЕС) не столь подвержен резким и частым колебаниям: в целом он достаточно последователен, прагматически выверен и далек от крайностей, характерных для обоих мифов.

В современной политике официального Запада поддержка демократических процессов в мире, конечно же, занимает важное место, но было бы большой наивностью полагать, что она ограничивается ею, сводится к ней и обусловлена только данным мотивом. Реальное поведение Запада в отношении конкретной ситуации и страны есть результирующая всего комплекса стратегических и тактических соображений, политических и идеологических мотивов, геополитических и геоэкономических расчётов, глобальных и региональных подходов, прагматических и конъюнктурных интересов. Не подлежит сомнению, что в долгосрочном стратегическом плане Запад гуманитарно и прагматически заинтересован в неуклонном расширении зоны демократии в мире. Это диктуется не только взятой им на себя миссией поборника демократии, но и логикой современного глобализационного курса. Вместе с тем каждодневная политика официального Запада (США), в силу её полимотивированности, может вступать и нередко вступает в противоречие с постоянно декларируемой им миссией принципиального защитника демократии. Таковы уж реалии.

Внешнеполитическая доктрина Запада (прежде всего США) основана на рациональном прагматизме, в котором наряду с декларируемой линией поддержки свободы и демократии важное место занимают геостратегические соображения, гегемонистские устремления, а также сугубо долларовые и энергетические интересы. Можно, конечно же, сокрушаться по поводу того, что Запад (США) не всегда последовательно и принципиально проводит свою демократическую миссию, что соображения политической целесообразности и прагматической выгоды заставляют его жертвовать порой интересами свободы, что его реальные дела не всегда соответствует декларируемым ценностям и ожиданиям либеральной общественности. Но, думается, не стоит при этом впадать в другую крайность и изображать Запад (США) в виде новой «империи зла», абсолютно индифферентной к проблемам свободы, демократии и прогресса.

Истина в том, что даже свои экспансионистские цели, глобализационные проекты и прагматические интересы Запад может («обречен») эффективно реализовать лишь на базе стратегического курса поддержки свободы, демократии и либеральных реформ. Взятая Западом на себя роль «сеятеля демократии» — это не только концептуальный мировоззренческий выбор, не только благородная гуманистическая миссия, но и политически и технологически обоснованная система утверждения собственного лидерства и обеспечения нового глобализационного миропорядка. На каких-то отдельных этапах и применительно к отдельным странам Запад может временно переиграть свои приоритеты и, во имя геополитических соображений, политической стабильности или прагматических интересов, активно сотрудничать с авторитарными и деспотическими режимами, закрывать глаза на антидемократические и антигуманные действия местных властей, не спешить с форсированием либеральных реформ. Но в стратегической перспективе он не может долго мириться с существованием подобных режимов, поскольку это противоречит не только заявленной демократической миссии, но и глобальным интересам Запада.

Наблюдаемая ныне тенденция дистанцирования Запада от деспотических режимов призвана, вроде бы, положить конец прежней практике внешнеполитического манипулирования приоритетами и обеспечить зелёный коридор новой волне демократизации во всем мире. Перед лицом современных угроз и реалий Запад отчасти критически переосмыслил свой прежний опыт и однозначно объявил главным приоритетом своей внешней политики поддержку борьбы за свободу и демократию. Сегодня Запад (США и ЕС) открыто демонстрирует изменение своей стратегии в отношении государств, ещё не ставших полноценными членами демократического сообщества. Прежняя ставка на политическую стабильность в этих странах, зачастую явно в ущерб демократии, абсолютно не оправдала себя. Даже по истечении десятка лет многие из этих стран ничуть не продвинулись в направлении демократии, но при этом весьма преуспели в насаждении коррупции, деспотии, узурпации власти и многократно попадали в полосу затяжной дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Словом, путь от авторитарной стабильности к демократии оказался тупиковым для самих этих стран и малоперспективным для возросших интересов Запада (США). Теперь Запад пытается апробировать в этих странах путь к стабильности и процветанию на базе демократии.

Конечно, не стоит обольщаться. Ведь было бы наивностью полагать, что в рамках новой тенденции официальные круги Запада (США) откажутся

от геополитических амбиций, экспансионистских целей, сугубо прагматических интересов и в своей деятельности трансформируются в некую право-защитную организацию. Политика есть политика, и она не перестаёт быть таковой, даже когда вдохновлена на реализацию высоких целей. Не подлежит сомнению, что новые тенденции активной поддержки принципов открытого общества и демократии мотивированы в большей мере не гуманистическими, а сугубо политическими соображениями. Запад извлёк некоторые уроки из прошлого и пришел к выводу, что в XXI веке прагматически выгоднее, геополитически целесообразнее и стратегически эффективнее иметь дело в протектируемых странах с предсказуемыми, открытыми и более демократическими режимами, чем с псевдопослушными деспотиями.

По сути, официальный Запад не отказался от «банановых правил», а просто решил пересмотреть их. Теперь «банановым авторитарным режимам» предоставляется реальный шанс подняться на более высокий уровень — «банановой демократии». Подняться самим или быть перенесёнными на этот уровень революционными процессами. Здесь нет никакой иронии, это констатация реальных процессов в мире. Ведь для многих развивающихся малых государств, включая и Азербайджан, перспектива «банановой демократии» гораздо привлекательнее уродливых реалий «бананового авторитаризма». Это всё же весомый шаг (реальный шанс) на пути к подлинному процветанию и демократии. Дальше всё будет зависеть от того, как страны воспользуются этим шансом.

(ИА REGNUM — апрель 2011)

МЕЖДУ НАТО И ДВИЖЕНИЕМ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

История взаимоотношений Азербайджана и НАТО охватывает период более 17 лет. В начале 1994 года на саммите НАТО в Брюсселе Альянс впервые продекларировал политику открытых дверей для других стран Европы и тем самым положил начало курсу расширения блока на Восток. На данном саммите члены Альянса приняли план «Партнёрство во имя мира» и предложили всем государствам, входящим в структуры ОБСЕ, начать процесс интеграции в НАТО. За короткое время 30 стран из Восточной Европы и бывшего СССР подключились к данному плану. В частности, Азербайджан подключился к плану «Партнёрство во имя мира» 4 мая 1994 года, и эта дата знаменует начало партнёрских отношений Азербайджана с НАТО.

Оценивая 17-летний путь партнёрских отношений Баку и Брюсселя, и особенно опыт сотрудничества последних лет, можно прийти к выводу, что руководство страны не очень заинтересовано в реальном углублении и ускорении процесса интеграции в НАТО. До сегодняшнего дня власти Азербайджана не только избегают каких-либо официальных обращений о вступлении в НАТО, но и всячески замедляют процесс перехода на новый интеграционный уровень — этап интенсивного диалога с Альянсом. Как и во многих других внешнеполитических вопросах, руководство страны тянет время и придерживается всё той же осторожной и неопределённой позиции, которую можно выразить словами из известной детской игры: «да и нет — не говорить». Уклониться полностью от процесса интеграции в НАТО власть не может: риски для страны и самого правящего режима крайне велики. Спешить с интеграцией правящий режим не хочет, поскольку это может привести к нежелательному обострению отношений с Москвой и Тегераном, непредсказуемо повлиять

на карабахское урегулирование и существенно ограничить возможности геополитического маневрирования. В стратегической же перспективе, по мере неизбежной демократизации и «натовской стандартизации» всех сфер жизни, это может создать реальную угрозу для политического самосохранения действующей системы власти. Вот и делаются шаги то вперед, то назад, и для таких имитационных маневров, видимо, ещё не исчерпаны лимит времени и лимит терпения самого Альянса.

Особенности этой осторожной выжидательной игры наиболее наглядно просматриваются в беспрецедентной истории трехкратного повторения программы IPAP — Плана действий индивидуального партнёрства, рассчитанного на 2 года. Когда в конце 2007 года истёк срок действия программы IPAP-1, то, согласно опыту других стран-партнёров, следовало ожидать выхода Баку на новый уровень интеграции — интенсивный диалог. Вместо этого официальный Баку принял соломоново решение просить НАТО ещё раз повторить уже завершённую программу сотрудничества, тем самым, отодвигая в будущее свой непростой выбор. То, что НАТО пошло навстречу этому желанию Баку, свидетельствует, что и в структурах Альянса хорошо понимают «затруднения» Азербайджана и поддерживают «неопределённый» статус этой страны. В 2009 году истёк срок действия программы IPAP-2, но тут же была достигнута договоренность о повторении весной 2010 года этой программы ещё на два года — в формате IPAP-3. Видимо, данная программа — обозначающая, но заметно не продвигающая процесс интеграции — будет продолжаться до тех пор, пока Баку, а отчасти и Брюссель, не определятся по вопросу о военно-политических перспективах сотрудничества и членстве Азербайджана в НАТО.

Вместе с тем в 2009–2010 годах, особенно с учётом пострузинского контекста развития событий, вопрос о членстве Азербайджана в НАТО был предметом довольно активного обсуждения и вызывал повышенный политический интерес. До 2009 года в главных номинантах на вступление в НАТО (среди стран ГУАМ) фигурировали Грузия и Украина, а Азербайджан и сам не проявлял заметного рвения, и Брюссель особо не подстёгивал, намеренно придерживая его во втором эшелоне. Но вскоре после августовских событий 2008 года, приведших к обострению геополитической борьбы за доминирование на Южном Кавказе и значительному росту геостратегической значимости региона, НАТО стало уделять более пристальное и серьёзное внимание партнерству с Азербайджаном — ключевым субъектом в данном ареале. Показательно, что Брюссель, ранее потворствующий выжидательной тактике официального Баку, примерно со второй половины 2009 года стал озвучивать

заявления об актуализации вопроса о членстве Азербайджана в НАТО и необходимости обеспечения ясности в этом вопросе.

В тот момент складывалось впечатление, что Вашингтон и Брюссель в большей мере были заинтересованы не столько в инициировании самой процедуры вхождения Азербайджана в Альянс, — они осознают, что этот процесс может занять длительное время, — а в принятии официальным Баку политического решения в пользу членства в НАТО. Вместе с тем официальный Баку никак не отреагировал на эти реверансы со стороны НАТО и продолжал всячески уклоняться от прямого вопроса — хочет ли он быть членом Альянса и готов ли активно «работать» для реализации этой цели. Вплоть до настоящего времени сохраняется довольно странная ситуация, когда власти Азербайджана постоянно говорят о приверженности стратегическому курсу на вхождение в евроатлантическое пространство, выражают заинтересованность в активном сотрудничестве с Брюсселем, но в то же время ничего не делают для ускорения процесса интеграции и всячески избегают конкретики в вопросе о вступлении в НАТО.

В том, что Азербайджан упорно не спешит инициировать членство в НАТО, можно усмотреть ряд причин:

До обеспечения благоприятной (для вступления в НАТО) геополитической ситуации официальный Баку остерегается портить отношения со своими влиятельными соседями (Россией и Ираном).

На горьком опыте Грузии Баку ждет от НАТО более чётких гарантий своей безопасности и без этого не желает подвергать себя дополнительным рискам.

До принципиального решения карабахской проблемы и вопроса освобождения оккупированных территорий, с учетом активной роли и потенциала влияния Москвы в этом процессе, официальный Баку не заинтересован в резких геополитических движениях и в дилеммном выборе между НАТО и ОДКБ.

Сохранение неопределённой ситуации и следование осторожной сбалансированной политике отвечает сугубо прагматическим интересам официального Баку, крайне заинтересованного в сохранении свободы конъюнктурного маневрирования.

Углубление партнёрства с НАТО и инициирование процесса вступления в организацию предполагают осуществление системных преобразований в стране, в том числе в аспекте либеральных реформ, демократизации и борьбы с коррупцией, что, конечно же, не вызывает особого энтузиазма у официального Баку,

Наконец, официальный Баку до конца прошлого года, видимо, благоразумно предпочитал дожидаться принятия в Лиссабоне Новой стратегической концепции НАТО и в соответствии с заложенным в неё содержанием определять стратегию дальнейшего поведения.

Последний мотив, если он действительно имел место, можно было бы признать вполне разумным. Тем более, что Лиссабонский саммит вызвал асимметричную реакцию Азербайджана и Армении: Баку связывал с ним определённые оптимистические ожидания, а Ереван полубойкотировал его из-за намерений Альянса включить в новую стратегию НАТО принципа приоритетной поддержки территориальной целостности и суверенитета государств. В силу данного мотива можно было ожидать, что после Лиссабонского саммита официальный Баку несколько ускорит темпы интеграции в НАТО и более ясно определит свою позицию по вопросу членства в Альянсе. Но и после саммита руководство Азербайджана продолжало придерживаться неопределённой и странной стратегии «партнёрства без интеграции», «сотрудничества без обязательств».

На днях же как гром среди ясного неба, прозвучало сообщение МИД страны о том, что Азербайджан станет полноправным членом международной организации «Движения неприсоединения». В сообщении указано, что на 16-й встрече министерской организации, которая пройдет 25–27 мая в Бали, Азербайджан официально вступит в данную организацию. Как известно, «Движение неприсоединения» объединяет страны, провозгласившие основой своего внешнеполитического курса неучастие в военно-политических блоках и группировках. В настоящее время данная международная организация объединяет 119 государств мира. После сообщения МИД многие наблюдатели и эксперты пришли к однозначному выводу, что имеет место отход Азербайджана от прежней политики интеграции в НАТО. Но так ли это на самом деле?

К слову сказать, сам Брюссель пока предельно спокоен, никак не реагирует на сообщение МИД Азербайджана и сохраняет с Баку прежний уровень активных контактов и партнёрских отношений. Так, в эти дни ожидается визит в Баку начальника совместных планов операционного директората командования объединённых сил (КОС) НАТО в Брунссуме бригадного генерала Майкла Йоргенсена. Неделей же позже в Азербайджан прибудет представительная группа экспертов НАТО/США, с целью продолжения экспертной поддержки Военной академии Вооружённых сил страны.

Начнём с того, что Азербайджан не вдруг пришёл в эту организацию. Он вместе с 15 другими странами (Арменией, Украиной, Казахстаном, Китаем и т. д.) уже некоторое время имеет статус наблюдателя в этой организации.

К слову сказать, статус наблюдателя отнюдь не мешал той же Украине ранее наращивать процесс интеграции в НАТО. Отметим также, что до вступления в НАТО полноправным членом Движения неприсоединения была Румыния: затем, сделав выбор в пользу североатлантического альянса, она спокойно и без проблем покинула эту организацию. Статус члена Движения неприсоединения, хотя особо оговаривает неучастие в военно-политических блоках, но отнюдь не диктует необходимость нейтралитета и не связывает страну в вопросах военно-политического сотрудничества и выборе партнерских отношений. Вспомним, что членами Движения неприсоединения являются такие страны, как Пакистан, Саудовская Аравия, Афганистан, Ирак, Палестина, Иран и т. д., которые вряд ли можно считать нейтральными, демилитаризованными, находящимися вне действия военно-политических блоков или не имеющими военных и политических пристрастий. К слову сказать, вряд ли можно согласиться и с тем распространенным тезисом, что вступая в Движение неприсоединения, официальный Баку хочет защититься от внутренних и внешних революционных угроз и, таким образом, стать как бы недосыгаемым для возможного прессинга НАТО. Почти все арабские страны, включая Тунис, Египет, Ливию, Сирию и т. д., являются членами Движения неприсоединения. Защитило ли это их от революционной волны или от прессинга НАТО?

Полагаю, что выбор Баку (вслед за Узбекистаном и Беларусью) в пользу Движения неприсоединения обусловлен всё той же стратегией конъюнктурной мультивекторности во внешней политике, направленной на то, чтобы держать все двери открытыми и не загонять себя в геополитическом отношении однозначно маркированную позицию. Баку будет активно «тусоваться» в организации Движение неприсоединения, но в то же время не откажется (не отважится отказать) и от партнёрских отношений с НАТО. Ильхам Алиев и его команда в последние годы предпочитают именно такую конъюктурно сбалансированную и осторожную политику: между Москвой и Вашингтоном, Анкарой и Тегераном, ЕС и СНГ... А теперь вот между НАТО и Движением неприсоединения.

(ИА REGNUM — май 2011)

ИГРЫ В «СУВЕРЕННУЮ ДЕМОКРАТИЮ»

Сегодня Азербайджан демонстрирует собственную модель развития, понимая демократию не как самоцель, а как процесс исторического развития, который каждый народ проходит в преломлении исторического опыта и традиций.

Рамиз Мехтиев

На днях в официальных СМИ появилась очередная аналитическая статья руководителя Администрации Президента, академика Национальной Академии Наук Рамиза Мехтиева «Современный Азербайджан как воплощение национальной идеи», являющаяся как бы продолжением предыдущих его работ на данную тему. Уже более 10 лет Р. Мехтиев активно выполняет свою миссию в статусе главного идеолога правящего режима. Интерес к большинству статей и книг Р. Мехтиева, являющегося с 1994 года бессменным главой президентской администрации, обусловлен тем, что в них проступают стратегические намерения власти. В последние годы его аналитико-пропагандистская активность существенно возросла. По сути, стало уже традицией, что через каждые 3–4 месяца глава президентской администрации и по совместительству главный идеолог страны академик Рамиз Мехтиев выдаёт на суд внешней и внутренней аудитории свои амбициозные и претенциозные политологические откровения. Вот и на этот раз, после чуть затянувшейся паузы, он выступил на страницах газеты «Бакинский рабочий» от 19 мая с очередной пространной статьёй, призванной показать, каких феноменальных успехов добился Азербайджан в деле воплощения национальной идеи, развития суверенной демократии и модернизации страны за 8 лет правления Ильхама Алиева.

В отличие от предыдущих статей и монографий Рамиза Мехтиева, которые при всей тенденциозности, противоречивости и эклектичности всё же обладали гораздо большей внутренней стройностью, основательностью и идейно-тематической заданностью, последний его труд в трёх частях производит крайне удручающее впечатление. Статья вроде бы обо всём и ни о чём конкретно. Фрагментарность, эклектичность, апологетический

настрой, декларативно-пропагандистская заряженность, отсутствие логики и последовательности делают эту статью крайне запутанной, неубедительной и не позволяют понять (принять) не только отдельные аргументы, оценки и установки автора, но и весь материал в целом. Возможно, подобного рода статья была бы более уместна в ходе предвыборной кампании президента, но какой политической или идеологической целесообразностью обусловлено её появление теперь — это не так-то легко уразуметь.

Если отбросить из статьи всю хвалебную пропагандистскую риторику, а также а-ля киссинджеровские притязания автора на концептуальное осмысление глобальных проблем современного мира, то в слабом осадке останутся всё те же тезисы и установки, которые господин Мехтиев упорно отстаивает во всех своих публикациях последних лет:

об особом (уникальном) пути развития и модернизации Азербайджана, не предполагающем «ни вестернизации, ни ориентализации»;

о необходимости собственной (суверенной) модели демократии и государственной самобытности («западные технологии + национальный дух»);

о важности формирования (видимо, на базе опыта правления Алиевых и трудов Мехтиева) особой национальной идеи и идеологии, без которых, мол, немислим ускоренный прогресс страны и консолидация общества;

о безупречной системе государственного управления и не имеющих аналога темпах развития страны, позволяющих говорить об «азербайджанском чуде».

Все эти тезисы, с гораздо меньшей степенью научной убедительности, но с более высоким уровнем пропагандистского пафоса и очевидными реверансами в адрес действующего президента — главного фактора феноменальных успехов страны, нашли свое место и в этой статье. Постоянные претензии на академическую научность и полная скованность пропагандистской тенденциозностью — это неустранимое противоречие, характерное для всех публикаций Рамиза Мехтиева, включая и последнюю статью. Это противоречие частично объяснимо тем, что Рамиз Мехтиев фактически обречён выступать в двойном амплуа: как амбициозный академик-ученый и как добросовестный глава президентской администрации. В первом амплуа он уподобляет себя Бжезинскому, Киссинджеру, Фукуяме и т. д. и безуспешно пытается внести свою политологическую лепту в концептуальный анализ современных глобальных, региональных и местных проблем. Во втором амплуа, пренебрегая объективностью и научностью, он стремится все эти концептуальные премудрости идеологически преломить через опыт феноменальных успехов Азербайджана, подогнать под «аршин» одиозных азербайджанских реалий.

Этими противоречиями полна и последняя статья. Громкие цитаты, ссылки на авторитеты и правильные концептуальные тезисы служат лишь декоративным фоном для голословной иллюстрации одного пропагандистского клише — всё у нас прекрасно, самобытно, суверенно и так будет всегда. Главное, по мнению автора (во втором его амплуа), — это обеспечить верность алиевскому наследию и добиться непрерывной и продолжительной лидерской преемственности (очевидный намёк в пользу сохранения монархической преемственности власти). Согласно Рамизу Мехтиеву, правящая элита, ведомая ярким лидером страны, обеспечит и уже обеспечивает стране прорыв на самые первые позиции в мире по всем направлениям. Перехлест в апологетике и комплиментах — это, наверно, неизбежно для автора, являющегося ответственным чиновником. Но не замечать никаких проблем и негативов в стране, включая коррупцию, монополизм, бюрократический произвол, рост недовольства граждан и т. д., — это, по крайней мере, не очень достойно для автора, активно утверждающего себя в амплуа ученого.

Статья представляет собой как бы идейно-пропагандистский триптих. Первая часть посвящена сакрализации Гейдара Алиева, его уникального, по мнению автора, вклада в формирование азербайджанской государственности, национальной идеи, суверенной демократии. Вторая часть — это апофеоз лидерских качеств, политических заслуг и практических достижений действующего президента. Третья же часть вроде бы продолжает разговор об успехах страны в период правления Ильхама Алиева, но в завуалированной форме демонстрирует вклад самого автора в описываемые процессы.

В целом данная статья Рамиза Мехтиева, как и большинство других его работ, может быть подвергнута серьёзному критическому анализу, поскольку автор вольно и предвзято трактует существующие в научной литературе концепции, весьма экзотично представляет проблематичную суть современной демократии, модернизации и глобализации. Тем самым он как бы преднамеренно демонстрирует вульгарно макиавеллистское отношение и к политике, и к науке. Статья эклектична, компилятивна и крайне тенденциозна. Поэтому нет необходимости акцентировать внимание на выявлении противоречий, искажении норм науки, недостаточную обоснованность ключевых тезисов и т. д. Нет также смысла в том, чтобы полемизировать с неким анонимным авторским коллективом, добросовестно выполняющим идеологический заказ влиятельного академика. В любом случае, автор преимущественно ведёт себя не как учёный-академик, а как аппаратный политический идеолог, прокладывающий путь азербайджанской неомонархии. Под прикрытием брендовых имён, современных терминов, популярных концепций и звонких фраз

о глобализации, модернизации, суверенной демократии, национальной идее и т. д., главный идеолог страны возвеличивает и экстраполирует в будущее сегодняшнюю авторитарную модель государственного развития Азербайджана, в формировании которой не последнюю роль сыграл он сам. Фактически Р. Мехтиев взвалил на себя ответственную государственную миссию — «идеологически обосновать сегодняшние реалии и определить стратегию будущего» Азербайджана.

Активно обосновывая весьма спорный тезис о суверенной демократии и делая больший акцент на первом слове, чем на втором, Рамиз Мехтиев, по сути, пытается подвести некую теоретическую базу под далекие от демократии политические реалии сегодняшнего Азербайджана. Более того, он априори навязывает всей стране версию будущего с «отложенной демократией». Он постулирует целесообразность акцентуации приоритетного внимания на национальной идее, суверенитете, этатистской модели государства, курсе на модернизацию, оставляя как бы в стороне или на потом весь концептуальный блок демократии (права человека, свобода слова, честные выборы и т. д.).

Примечательно, что свои главные тезисы он не обосновывает ни логическими рассуждениями, ни практическими примерами, ни экономическими доводами, подкреплёнными фактическими статистическими данными. Должно быть, Рамиз Мехтиев осознаёт, что апелляции к научной логике, к международному опыту и реальной статистике могут позволить оппонентам выявить несостоятельность его основных тезисов. Ведь для него важно лишь «свернуть» демократию в пользу национальной идеи, суверенной государственности и эфемерной модернизации. Должно быть, Рамиза Мехтиева интересует не столько осуществление в Азербайджане всестороннего прогресса и подлинной модернизации, сколько оправдание необходимости отказа от форсирования демократии, откладываемой на неопределённый срок. Образовавшийся при этом «вакуум стратегии» он предлагает заполнить «игрой в модернизацию» и пропагандой этатизма.

Отчётливо представляя затяжной характер «игры в модернизацию» и пределы этатистской модели, автор, видимо, намеревается с их помощью очистить современное пространство неомонархических реалий Азербайджана от опасных для режима политических приоритетов (борьба за свободу слова, плюрализм, демократия и т. д.). Показательно, что в статье Р. Мехтиева ничего не говорится о борьбе с коррупцией и монополизмом в Азербайджане. Видимо, правящая элита Азербайджана собирается осуществить весьма оригинальную национальную модель модернизации и суверенной демократии в рамках тотально коррумпированной системы власти. К такому выводу

можно прийти, если вспомнить, что автор всех этих идеологических штудий является также руководителем малоэффективной госкомиссии по борьбе с коррупцией. И здесь напрашивается резонный вывод: если всё же реализуется модель суверенной демократии и курс на модернизацию, то, скорее всего, чисто по-азербайджански, на уровне имитации — как борьба с коррупцией и монополизмом.

Современный Азербайджан предельно нагружен разнообразными серьёзными проблемами, многие из которых требуют проведения неотложных реформ и принятия приоритетных политических решений, не очень отвечающих олигархическим и авторитарным интересам коррумпированной правящей элиты (особенно в условиях перманентного роста роли фактора нефти и потока нефтедолларов). В этих условиях и навязывается вновь эфемерная игра в «суверенную демократию и модернизацию». Даже, если эта игра и закончится ничем, она уже стала для власти важным аргументом для блокирования демократических процессов, революционных угроз и прессинга Запада.

(ИА REGNUM — май 2011)

АЗЕРБАЙДЖАН: ДОЛГИЙ ПУТЬ К ДЕМОКРАТИИ

В этом году исполняется 20 лет со дня распада СССР и провозглашения государственной независимости Азербайджана. Эти 20 лет можно рассматривать в различных политических контекстах — с точки зрения построения суверенной государственности, решения карабахской проблемы, развития экономики, интеграции в мировое сообщество и т. д. А также в контексте осуществления перехода от тоталитаризма к демократии. 20 лет — срок немалый, и можно подвести определённые итоги демократического транзита Азербайджана.

Азербайджан в XX веке дважды подвергался испытанию на возможность демократизации общества. В начале века (1918–1920 гг.) попытка построения первой на Востоке парламентской демократической республики была подавлена большевистской интервенцией и принудительным вхождением страны в тоталитарную советскую систему. В конце 1991 года с распадом СССР Азербайджан провозгласил независимость и взял курс на всестороннее развитие демократии. Второй выход на тропу демократии оказался гораздо более продолжительным, но пока вряд ли можно считать его более успешным. Ведь и по прошествии 20-ти лет постсоветский Азербайджан все ещё представляет собой странный и противоречивый авторитарный «полуфабрикат», который при определённых условиях может трансформироваться как в демократическое, так и в тоталитарное состояние. Перспективы дальнейшего развития страны всё ещё не ясны, и шансы на развитие демократии подпитываются не только наследием Азербайджанской Народной республики (АНР), примером братской Турции или новыми мировыми тенденциями, но также нарастающей убежденностью многих граждан страны в необходимости демократических перемен.

Прошедшее с 1991 года время в контексте данной темы можно разбить на три периода:

— период отхода от тоталитаризма и стихийной демократизации страны (1991–1995),

— период авторитарной государственности и имитационной демократии (1996–2005),

— период свёртывания демократии и роста неототалитарных тенденций (с 2006 по настоящее время).

1. Азербайджан обрёл независимость в контексте развала тоталитарного общества, и это во многом обусловило стихийное движение страны к демократии. Переходный период обозначил контуры анархии, в атмосфере которой создавались новые политические институты — формальные предвестники демократии. В стране начался интенсивный процесс образования неправительственных общественных организаций, политических партий и независимых СМИ. Значительная часть населения на постоянных митингах активно осваивала опыт политической борьбы. Все это в целом способствовало появлению сравнительно новой политической элиты, формированию плюралистической среды, становлению оппозиции и свободы слова — как важнейших параметров возможной демократизации Азербайджана. К сожалению, продолжающаяся война, низкая политическая культура общества и атмосфера анархии существенно деформировали этот процесс. Обретённая свобода воспринималась многими как вседозволенность, культивировалось пренебрежительное отношение к правопорядку, новоявленные политики становились не в меру амбициозными, митинги заряжались опасными охлократическими импульсами, гласность не считалась ни с какими нормами и т. д. В итоге происходило накопление псевдодемократических ценностей и устремлений.

В июне 1992 года на условно демократических выборах президентом стал А. Эльчибей, и с этого момента Азербайджан официально провозгласил приверженность демократическому курсу. Не вызвало сомнения, что Народный Фронт действительно был заинтересован в форсировании прозападного курса и демократизации страны. Однако отсутствие достаточного государственного и управленческого опыта у новоявленных молодых политиков предопределило неуверенность их действий и непоследовательность в реализации программных целей. Власть так и не смогла подобрать ключи к войне, обуздать кризис и вакханалию вседозволенности, найти эффективные способы предотвращения дестабилизации ситуации в стране. Приверженность демократии не подкреплялась практическими делами по укреплению власти и созданию необходимой правовой базы.

Тоталитарный порядок сменился в Азербайджане охлократическим хаосом с псевдодемократическими тенденциями, несущими угрозу разрушения ценностных основ общества. В пучину хаоса стремительно вовлекались все сферы жизни страны. В подобной ситуации люди стали больше думать не о власти Закона, а о власти сильной личности. Год правления НФА, хоть и способствовал определённой зачистке страны от тоталитарного наследия, но не привёл к заметному закреплению подлинно демократических норм. Не удалось навести в обществе «минимум порядка», необходимого для преодоления охлократических тенденций. Не случайно, наверно, именно в тот период многие в Азербайджане стали критически переосмысливать состояние демократии в стране. Декларирование приверженности демократии не сопровождалось реальным упрочением её правовой и институциональной базы.

Приход к власти Гейдара Алиева в июне 1993 года стал результатом компромиссов, достигнутых в ходе переговоров почти со всеми политическими силами, а также кредитом доверия значительной части общества — как к опытной и сильной личности, способной навести порядок в стране. В обществе стало доминировать убеждение, что из посттоталитарного хаоса, в котором пребывал Азербайджан, невозможно сразу выйти на тропу демократии. Многие отчётливо осознавали, что трудности демократизации Азербайджана проистекают из невозможности «стихийного симбиоза» элементов тоталитаризма и демократии. Анархия посттоталитаризма объективно не могла спровоцировать движение общества к демократии. Это возможно лишь в контексте формирования государственности и правопорядка. Созидание государственности и необходимого его атрибута — правопорядка ассоциировалось всё чаще с авторитаризмом. Таким образом, приход Г. Алиева к власти во многом был объективно предопределён.

Несомненно, что желание авторитаризма значительная часть политической элиты подспудно ассоциировала с возможностью такой её формы, которая ускорит демократизацию общества. Одним словом, выдавался своеобразный кредит доверия особой «авторитарной демократии» (называемой также «вертикальной» или «управляемой»). Осознавалась и опасность такого шага, ибо диктатуру трудно удержать в границах возможного движения к демократии. У такой ситуации гораздо больше шансов выродиться в привычное деспотическое или тоталитарное состояние, нежели в демократическое. Тем не менее продолжающаяся война с Арменией и углубляющийся кризис подталкивали Азербайджан в сторону авторитаризма. И общество, признав ситуативную неизбежность этого, тем не менее не предприняло должных

усилий, чтобы предотвратить возможное «удушение» слабых демократических завоеваний и сползание страны к откровенной автократии.

Добившись прекращения войны и стабилизации внутривнутриполитической ситуации, Г. Алиев приступил к последовательной реализации «нефтяного» прозападного курса. Понятно, что укрепление власти и стабилизация ситуации происходили за счет определённого ограничения зоны демократии в стране. Власть увязывала свои акции, направленные на стабилизацию общества, со стратегическими планами западных нефтяных компаний и тем самым получала «некое согласие» на авторитарный курс и политику имитации демократии. Намерения властей были достаточно прозрачны: нейтрализовать или загнать в жёсткие рамки подлинную оппозицию, взять под контроль независимые СМИ и манипулировать общественным мнением. А для сохранения демократического имиджа предоставить свободу маневра пропрезидентской партии «Ени Азербайджан», «карманным» партиям и контролируемым властями СМИ и НПО. Всё это вписывалось в русло тенденции установления в стране авторитаризма в имитационно-демократической упаковке со всеми вытекающими отсюда последствиями для реальной демократии.

2. Полная стабилизация внутривнутриполитической ситуации (к середине 1995 года) объективно открывала хорошие перспективы для форсирования демократизации и реформ. Многим тогда казалось, что Азербайджан наконец-то вступает на стезю подлинной демократизации. Но нескончаемое преследование внутренних врагов и усиление давления на оппозицию и СМИ внушали серьёзные опасения. По существу, парламентские выборы 1995 года явились своего рода «индикатором» по проверке намерений власти и позиций демократического Запада. Именно эти выборы в итоге стали фактически презентацией откровенно авторитарного курса развития страны и торжеством имитационной демократии. Новый парламент формально отвечал требованиям политического плюрализма, однако на деле присутствие реальной оппозиции было доведено до опасного для успеха демократических преобразований минимума (5–6 процентов от всего состава). Дальнейший ход событий в стране в полной мере подтвердил приверженность власти авторитарному курсу и имитационным формам выборной демократии и политического плюрализма.

Вступление Азербайджана в Совет Европы в январе 2001 года придало новый импульс как процессам демократизации, так и практике её изощрённой имитации. В течение всех этих лет попытки международного сообщества интегрировать Азербайджан в европейские структуры и переориентировать на подлинно демократический путь развития оказались не очень эффектив-

ными или ограничивались имитационными новациями в жизни страны. Конечно же, членство в Совете Европы и других международных организациях расширило правовую и институциональную базу процесса демократизации, способствовало интеграции страны в мировое сообщество. Вместе с тем, оно не изменило авторитарную природу и имитационную суть режима в Азербайджане, продолжающего нарушать права человека, игнорировать нормы демократии, ограничивать политические и экономические свободы, фальсифицировать выборы. Авторитарная система власти в Азербайджане, призванная стать временным шлюзом от тоталитаризма к демократии, пустив глубокие корни и породив уродливый феномен имитационной демократии, постепенно переродилась в олигархическое и самодержавное образование, подмявшее под себя всё общество. В результате авторитаризм стал не мостом к демократии, а непреодолимым тупиком.

3. В период правления Иьхама Алиева, особенно в последние 5 лет (начиная с 2006 года), вектор развития ситуации в стране пошёл в направлении откровенного свёртывания демократии, отказа даже от прежнего имитационного курса и реанимации многих элементов советской тоталитарной практики. При этом открытые выборы, которые справедливо признаются многими процедурным минимумом демократии, постепенно превратились в Азербайджане в совершенно дежурную и формальную процедуру.

К сожалению, сворачивание демократических процессов в Азербайджане совпало с временным общим кризисом демократии, наблюдаемым чуть ли не повсеместно на старте XXI века. В эти годы выборные процессы в целом ряде стран сопровождались заметным откатом от демократии и, в конечном счёте, способствовали усилению жесткой вертикали власти. На такой «откатной волне» создавались благоприятные условия для повсеместного игнорирования или зомбирования воли избирателей, произвольного манипулирования их голосами и обеспечения искомого (для правящей олигархии) результата выборов. Углубляющийся кризис выборной демократии и тенденция её дискредитации со стороны ведущих государств мира и влиятельных международных организаций способствовали тому, что всё большее число стран начало вовлекаться в порочную практику воссоздания институтов «пожизненного президентства» или трансфера власти «преемнику», а также «конструирования» псевдоплюралистичных или даже однопартийных парламентов.

Азербайджану в этом плане не надо было особо переучиваться, поскольку он с самого начала освоил уроки имитационной демократии. Показательно, что за прошедшие 20 лет независимости в Азербайджане состоялись уже

5 президентских, 4 парламентских и 3 муниципальных выборов, но в реальности не было ни одного случая смены или обновления структур власти в рамках подлинно электоральной демократии. В 3-х президентских выборах (1992, 1993, 2003) власть вначале захватывалась или передавалась преемнику, а выборы служили лишь констатацией уже свершившегося политического факта. В остальных 2-х случаях (1998 и 2008) власть путём псевдовыборов переизбирала саму себя на второй срок. Все парламентские и муниципальные выборы проходили по «списочному» сценарию и завершались формированием законодательного органа и органов местного самоуправления в нужном для власти пропорциональном соотношении — с абсолютным доминированием представителей правящей элиты и минимальным участием других сил для имитации выборной демократии и политического плюрализма. Последние выборы 2010 года носили формальный характер и завершились, по сути, формированием однопартийного парламента.

Все эти выборные процессы, в силу их формального и имитационного характера, конечно же, были весьма далеки от общепринятых стандартов демократии. Они даже процедурно зачастую не укладывались в русло полноценных выборов, предполагающих интригу и многоэтапность избирательного процесса, участие большого корпуса наблюдателей, атмосферу горячей предвыборной борьбы, активное участие СМИ, электоральный ажиотаж, мониторинговые игры, оценки легитимности итогов голосования и т. д. Несмотря на имитационный характер выборных процессов и очевидную фальсификацию их итогов, тем не менее в течение долгого времени значительная часть общества продолжала сохранять надежду на то, что «волна демократии» рано или поздно накроет и Азербайджан. Интеграция страны в евроструктуры, демократические обещания официального Запада, череда «оранжевых революций» на постсоветском пространстве и сохраняющиеся ресурсы политического плюрализма в стране, казалось бы, позволяли так думать. В этом отношении, вплоть до недавнего времени, каждые новые выборы в Азербайджане, по мере приближения к ним, резко усиливали в обществе градус политической активности и жажду позитивных перемен, мобилизуя электорат — на участие, оппозицию — на борьбу, а власти — на защиту своих позиций. Но в контексте последних выборов (президентских 2008, муниципальных 2009 и парламентских 2010 годов) вера в демократические перспективы страны и в демократическую миссию Запада оказалась сильно подорванной.

Таким образом, казалось бы, круг замыкается: едва преодолев тоталитаризм, пройдя через рифы охлократии и попав в затяжную полосу имитации демократии, Азербайджан теперь пытается освоить переход от авторитаризма

к неототалитаризму. Первый опыт демократизации Азербайджана (1918–1920) хотя и оказался скоротечным, тем не менее был более принципиальным, последовательным, внутренне непротиворечивым. Отсутствие благоприятствующих внешнеполитических и внутривнутриполитических условий в тот период компенсировалось убеждённой приверженностью политической элиты страны демократическому пути развития. Второй опыт демократизации страны (1991 — по сей день) хотя ещё далек от своего завершения, но уже отмечен серьёзными коллизиями и внушает реальную тревогу за политическое будущее страны. Между тем для успеха второй попытки демократизации было гораздо больше внешних и внутренних предпосылок, чем на заре XX века: историческое наследие АНР, наглядный мировой опыт, пример братской Турции, активная помощь международных организаций, продемократический настрой в обществе, более высокий образовательный, научно-технический и социально-экономический потенциал страны, информационные и прочие возможности эпохи глобализации и т. д. Но, видимо, всего этого ещё недостаточно, если нет главного — приверженности правящей политической элиты демократическому пути развития и активности самого общества в его отстаивании.

P. S. Вместе с тем ход развития последних событий в мире и в самом Азербайджане способствовал небывалой актуализации темы демократического обновления страны. В контексте «арабских событий» и нарастающего в мире прессинга на авторитарные коррумпированные режимы, уже мало кто оспаривает наличие некоего внешнего фона, благоприятствующего основательным демократическим преобразованиям в Азербайджане. Да и в самой стране всё настоятельнее ощущается востребованность кардинальных демократических перемен. Вхождение страны (после долгого затишья) в фазу митинговой активности и реанимация в обществе демократических ожиданий ещё более заострили внимание всех к вопросу готовности-неготовности азербайджанского социума к процессам революционного или эволюционного обновления ситуации. Сегодня в Азербайджане есть понимание того, что демократические перемены востребованы временем, обществом и ситуацией. Об этом заявляет не только оппозиция, но и сам глава государства. Вопрос лишь в том, как подвигнуть закостеневшую страну и власть на путь реальных реформ и эволюционного разрешения противоречий? Нет сомнений, что Азербайджан в преддверии новой фазы демократического развития, в преддверии реальных и давно уже востребованных политико-экономических перемен. И, надо полагать, эти перемены непременно произойдут — эволюционным или же революционным путём.

В ЧЁМ ПОДЛИННОЕ СПАСЕНИЕ НАЦИИ?

Стремительно богатеющий и противоречиво развивающийся современный Азербайджан очень любит удивлять мир. Причём не только блестящими спортивными и творческими достижениями, победами на кинофестивалях и музыкальных конкурсах (например, Евровидение-2011), грандиозными застройками и инфраструктурными проектами, глобальными замыслами и инициативами, но и своими крайне архаичными, нелепыми, компрометирующими страну и народ политическими традициями и нововведениями.

В целом, похвальное стремление руководства Азербайджана к рекордам, победам, успехам во всех сферах жизни, в политической области, к сожалению, сопровождается зачастую антиимиджевыми достижениями, которые вряд ли можно вписать в актив страны. Так, в этом плане Азербайджан уже печально прославил первым на постсоветском пространстве опытом передачи власти от отца к сыну, конституционным обеспечением, по сути, пожизненного президентства, масштабами примитивного культа личности и т. д. В этом ряду стоит и особый, вряд ли имеющий аналога в мире праздник День национального спасения, отмечаемый на государственном уровне 15 июня каждого года.

Коротко об историографии данного праздника. 15 июня 1993 года Гейдар Алиев, занимавший тогда пост председателя Верховного Совета Нахичеванской автономной республики, был приглашён в Баку и избран Председателем парламента Азербайджана. Поскольку действующий тогда президент Абульфаз Эльчибей тайно покинул Баку и отбыл в родное село в Нахичевани, Гейдар Алиев взял на себя и обязанности главы государства. Таким образом, 15 июня он фактически вернулся к руководству республикой.

В Азербайджане в этот период действительно наблюдался кризис власти. Незадолго перед этим войсковая часть под командованием полковника Сурета Гусейнова в Гяндже — втором по величине городе Азербайджана — объявила о неподчинении официальному Баку. Это привело страну на грань реальной угрозы гражданской войны и обусловило тяжёлые поражения на карабахском фронте. Согласно официальной версии, именно приезд Гейдара Алиева предотвратил гражданскую войну, хотя и сопровождался новыми поражениями на фронте и оккупацией армянскими войсками 5 районов страны. В 1997 году (в период правления самого Гейдара Алиева) парламент Азербайджана объявил 15 июня Днём национального спасения, а с 1998 года этот праздник получил статус государственного.

Таким образом, 15 июня Азербайджан в очередной раз отмечает этот нелепый праздник — День национального спасения. Празднует с присущим нашей власти неосоветским номенклатурным размахом: помпезные торжества, бесчисленные концерты и собрания, расписанные патетические речи, многочисленные телерадиосериалы про «спасителя нации», открытие новых культовых объектов, организованные шествия и возложения цветов к его могиле, красочные фейерверки... В понимании правящего режима, настойчиво навязываемом всему обществу, — это чуть ли не самый главный праздник Азербайджана. Разумеется, в ряду других памятных дат, также связанных с фигурой вождя правящего коррумпированного режима: дней его рождения, смерти, первого прихода к власти, избрания в Политбюро КПСС, возвращения в большую политику и т. д. Более того, с подачи официальных СМИ у нас теперь чуть ли не все праздничные даты так или иначе привязываются к имени «общенационального лидера»: будь то Новый год, праздник весны (Новрузбайрамы), День Республики 28-го мая или День защиты детей. Надо признать, правящий режим прилагает максимум административных усилий и бюджетных средств, чтобы создать каждый год 15 июня яркую лубочную картинку «общенационального ликования» по случаю очередной годовщины спасения нации.

Но резонен вопрос: спасения от чего? Какая же смертельная напасть угрожала всей нации в июне 1993 года? Неужели несколько ржавых танков «мятежного» полковника Сурета Гусейнова, вяло имитирующих военный марш на Баку, представляли такую уж смертельную угрозу существованию всей азербайджанской нации? Угрозу даже большую, чем большевистская интервенция 28 апреля 1920 года, агрессия советской армии 20 января 1990 года или армянская оккупация целого ряда районов страны, последовавшая именно вслед за фактом «спасения нации»? К слову сказать, не сам ли «спаситель нации» незримо дирижировал всеми этапами «гянджинского мятежа» и умело воспользовался им в своих целях: с одной стороны, для дискредитации

и свержения эльчибеевской команды, с другой — для триумфального утверждения у власти себя и своей команды?

Если называть вещи своими именами, то 18 лет назад Гейдар Алиев, используя своих «агентов» внутри эльчибеевской команды и в стане мятежного полковника Сурета Гусейнова, опираясь на поддержку внешних сил и умело играя на факторе доверия определённой части общества, осуществил тривиальную политическую операцию по захвату верховной власти в стране. Осуществил виртуозно, но не более того. При чём же тут нация и её спасение? От кого и от чего этот «великий политик» спас её? Или кто-то всерьёз полагает, что, если бы в те дни к власти не пришёл Г. Алиев, азербайджанский народ и его суверенное государство перестали бы существовать, канули бы в Лету?

Понятно, что для членов Семьи и представителей правящей номенклатуры эта дата преисполнена особого смысла: именно те события открыли многим из них доступ к власти и незаконному обогащению. Конечно же, у них есть резон праздновать это событие, которое точнее было бы именовать им Днём благодарности. Пусть и празднуют этот день в своём узком кругу. При чём тут остальные граждане и при чём тут «спасение нации»? Нужны ли народу и стране эти нелепые культовые праздники? Ведь в мировой практике, по сути, нет традиции подобных политических праздников, тем более связанных с именем отдельной личности. Обычно празднуются дни провозглашения республик, национальной независимости, принятия Конституции, победоносного завершения войн и т. д. Только в одиозных авторитарных режимах (наподобие Азербайджана), где распространён примитивный культ личности, возможны подобные нелепые праздники.

Наблюдая эти одиозные политические реалии, невольно приходишь к мысли, что в основе всего, что делает власть в Азербайджане, лежит глубокое равнодушие или презрение к собственному народу. По-видимому, власть полагает, что народ — это крепостные, чьи права, интересы, потребности и мнения не только можно, но и нужно игнорировать. Конечно же, во имя и для блага самого народа! Захватив монополию на роль единственного выразителя интересов народа, правящий режим считает, что только он может и должен управлять страной, понимая под этим привилегированное право не только на грабёж и произвол, но и на манипулирование досугом, частной жизнью и интересами граждан. Поэтому-то в Азербайджане с неумолимой последовательностью выхолащиваются все институты и перекрываются все каналы, предусматривающие хоть какое-то участие народа в жизни страны. Разумеется, кроме зрелищ во славу «спасителя нации» и действующей системы власти. К этому только и сводится участие народа в жизни страны. Правящий режим полагает, что на-

род ещё не дорос до демократии, правового государства, гражданского общества. Получается, что проблема не во власти, а в народе: режим дозрел до всего, а вот все остальные — ещё нет. Должно быть, народ попался такой — отсталый и тёмный. Вообще, по логике правящего режима, наш народ только в одном случае сумел сделать правильный выбор: когда «призвал» к власти «спасителя нации» Гейдара Алиева. После чего, видимо, опять впал в «темное» и «ненужное» состояние. Поэтому во всех остальных случаях с ним можно не считаться.

Политическая история полна подобных парадоксов. Почему-то всё время роль «отца» или «спасителя» нации отводилась именно тем политикам, которые более всех преуспели в игнорировании прав человека и угнетении собственного народа: Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини, Мао Цзе Дун, Ким Ир Сен, Саддам Хусейн, Хомейни и т. д. Чуть ли не все они провозглашались общенациональными лидерами (вождями, фюрерами, светочами, кормчими и пр.), всем им возводились бесчисленные памятники, вокруг всех их царил атмосфера сакрального культа. Ну, а что потом? Каким оказался вердикт истории о «спасителях нации» Гитлере, Сталине, Муссолини и др.? Какая судьба постигла памятники Саддама Хусейна и его самого? Что в итоге стало с тотальной «ленинизацией» всей советской страны? А ведь это были более масштабные кампании поклонения, да и объекты культа были фигурами, куда более габаритными, а их влияние на политические процессы гораздо более значительным. Тем не менее, время поставило всё и всех на свои места. Но, к сожалению, история ничему не учит и теперь в этот ряд великих «спасителей нации» хотят втиснуть и Г. Алиева, также весьма преуспевающего в деле угнетения народа.

Мифы мифами, но правда в том, что никакой народ, в том числе и азербайджанский, не нуждается в каком-то спасителе, поскольку спасение народа — дело рук самого народа. Как писал немецкий публицист И. Зейме: «Народ, который может быть спасён лишь одним-единственным человеком, заслуживает кнута». Заслуживает ли азербайджанский народ кнута? Конечно, в своём большинстве он никогда всерьёз не воспринимал пропагандистские мифы правящей элиты о «великом вожде — спасителе нации». Вместе с тем определённые круги общества (некоторые представители научной и творческой интеллигенции, политической и деловой элиты и др.), которые — то ли в силу конъюнктурных соображений, то ли вследствие привычного лакейского прогибания перед властью — активно участвуют в насаждении подобных мифов, явно заслуживают если и не «кнута», то всеобщего нравственного порицания.

Вместе с тем наибольшее сожаление вызывает то, что значительная часть работников бюджетных организаций, многие преподаватели, студенты и даже учащиеся своим принудительно-добровольным участием в примитивных культовых ритуалах и пропагандистских шоу создают столь желанную для власти види-

мость всенародной поддержки. Ни для кого не секрет, что многие из участников подобных культовых шоу абсолютно индифферентны к политическим басням правящего режима о мессианской роли Г. Алиева, а определённая часть даже настроена весьма негативно. Показательно, что в кругу семьи или близких друзей многие откровенно выражают свое неодобрение происходящим. Но тем не менее по призыву власти, партии или непосредственного начальства исправно посещают эти пропагандистские шоу и послушно разыгрывают предписанные им роли «довольных и ликующих граждан». Во всем этом явно просматриваются издержки патерналистской ментальности, неразвитость гражданского сознания, конформистский взгляд на жизнь, а также низкий уровень политической культуры, чувства собственного достоинства и внутренней свободы.

«Хороший раб — это всегда плохой гражданин», — говорил Монтескье. К сожалению, в постсоветском Азербайджане всё ещё много хороших рабов и, наверно, поэтому так мало хороших граждан. Иначе как объяснить, когда униженные и обездоленные люди, недовольные в своём большинстве уровнем жизни и положением дел в стране, заполняя по призыву власть имущих залы и площади, раболепно аплодируют своим угнетателям, а вернувшись домой, дают волю праведному негодованию? При виде подобного раздвоения в сознании и поведении многих граждан складывается такое впечатление, будто страна вернулась в тоталитарное советское прошлое, когда на людях говорили одно, а уединившись у себя дома — другое; когда думали так, а поступали — иначе; когда в душе кляли существующие реалии, а на деле — выступали чуть ли не их апологетами. Конечно, подобная консервация или реанимация «совкового» типа мышления и поведения не произошла сама собой — это результат многолетней политики «спасителя нации» Гейдара Алиева и сегодняшних продолжателей его курса. Но ведь и человеческий материал оказывался зачастую весьма пластичным, что существенно облегчало режиму задачу оболванивания масс и манипулирования ими.

Итак, 15 июня — день возвращения Гейдара Алиева на вершину власти — уже 13-й год подряд отмечается в Азербайджане чуть ли не как главный государственный праздник. И мало кто задается при этом вопросом: не слишком ли велика цена такого национального спасения? Ведь именно в процессе реализации плана его возвращения к власти были оккупированы ещё 5 районов Азербайджана и сотни тысяч граждан оказались беженцами в собственной стране. Ведь именно с его приходом к власти Азербайджан постепенно трансформировался в наиболее одиозную, авторитарную и коррумпированную страну на постсоветском пространстве. В чем же тогда суть праздника национального спасения?

НЕПРАВИЛЬНАЯ СТРАНА

Жизнь убедительно опровергает теории поступательного эволюционного развития, согласно которым все страны, с определенным отставанием по фазе, проходят примерно через одни и те же циклы политико-экономического развития. Не оправдывается и тезис о том, что с нарастанием общих темпов прогресса и взаимодействия разрыв между странами будет неуклонно уменьшаться. Очень часто наблюдается обратное. Ведущие ученые мира уже обратили внимание на тот факт, что страны, избравшие сходные пути общественного прогресса и придерживающиеся примерно одних и тех же политических и экономических рецептов, зачастую не сближаются друг с другом по уровню жизни и темпам развития. Более того, разрывы и отклонения между ними нередко возрастают.

Для проверки и объяснения данного факта в свое время была проведена серия масштабных исследований: большая группа экономистов, которыми руководили Тиффер и Ширли, при финансировании Всемирного банка, обследовала по целому ряду параметров 84 страны. Цель исследования была выяснить, какие факторы больше всего влияют на развитие стран и чем обусловлен тот факт, что одним государствам удается устранить политико-экономическое отставание, а другим — нет. Результаты завершённого в 1994 году исследования опровергли многие ранее бытовавшие представления. Оказалось, что такие факторы, которые относят к экономической политике и считают приоритетными — ВВП, бюджет, программа реформ, уровень инфляции, собираемость налогов, открытость для внешней торговли и т. д., — влияют очень мало на темпы и качество развития страны. Намного сильнее влияют *правила*, которые действуют в стране: власть закона, риск

экспроприации, соблюдение правительством своих обязательств, уровень коррупции, качество бюрократии.

Исследование показало: то, что связано с правилами, влияет в два раза сильнее, чем то, что связано с сильной экономической политикой. Страна, которая имеет слабую экономическую политику, но простую, ясную и стабильную систему правил, последовательно реализуемых на практике, развивается существенно лучше, чем страна, где правительство пытается проводить сильную экономическую политику, но не печётся о создании эффективной системы правил (норм, законов, гарантий) и неукоснительном их соблюдении.

Аналогичное исследование провёл нобелевский лауреат Дуглас Норт на детальном историко-сравнительном анализе развития Англии и Испании. В XVI веке эти страны были во многих отношениях сходными: с примерно одинаковой численностью населения, с идентичной структурой экономического развития, с похожей имперской внешней стратегией, с почти одинаковыми политическими проблемами. Более того, Испания находилась даже в более выгодном положении, поскольку получала из колоний гораздо больше ресурсов, чем Англия. Проецируя на эти страны все показатели, с которыми обычно имеют дело макроэкономисты, можно было ожидать, что через несколько столетий они вновь окажутся на сопоставимых уровнях развития. Но ничего подобного: в XIX веке Англия — стала безоговорочно первой страной мира, а Испания — оказалась одной из самых отсталых стран Европы. В чём же дело? Рассмотрев все возможные факторы, Дуглас Норт пришёл к выводу, что определяющая причина — в расхождении ключевых правил игры.

К примеру, при распределении прав (полномочий) между королём и парламентом вопрос о налогах в Англии попал в руки парламента, а в Испании — в руки короля. Это вроде бы незначительное различие привело к «эффекту домино» и постепенно сказалось во многих сферах жизни. Так, например, это обусловило то, что огромные сокровища, полученные Испанией из колоний, также попали в единоличное ведение королевской семьи и были бессмысленно проедены или растрочены на войны и роскошь, а в Англии они попали под контроль парламента, что позволило создать солидные фонды накопления и обеспечить прогресс страны.

В силу всего этого, в Испании сформировалась *«вертикальная» (авторитарная) форма социального контракта*, когда власть в лице короля и его окружения имела монопольное право не только всё забирать и перераспределять, но и не считаться ни с какими правилами. Как следствие, подобный «правовой произвол» явился главной причиной затяжного снижения темпов развития страны.

В то же время в Англии сложился прототип «горизонтального» (демократического) социального контракта, который способствовал учёту интересов и вовлечению всех звеньев общества в решение значимых проблем, а также содействовал созданию атмосферы уважения к законам и соблюдения принятых правил игры. Это, в свою очередь, стало благодатной основой быстрого и успешного формирования в Англии гражданского общества и правового государства.

Рассмотрим теперь под этим углом зрения современный Азербайджан — страну, в которой игра в обход правил, игра с двойными или постоянно меняющимися правилами и даже игра вовсе без правил уже стали нормой жизни и власти, и всего общества.

В то время, как подавляющее большинство стран мира уже прочно встали либо становятся на рельсы правового государства и более или менее успешно адаптируются к современным цивилизованным стандартам жизни, в Азербайджане (и ещё в ряде одиозных режимов) идёт противоположный процесс — ускоренными темпами реализуется парадоксальная модель неправового государства. Эта модель, последовательно устраняющая из социальной жизни принципы свободы и ответственности, основана на безусловном приоритете власти, силы и денег над нормами права и морали. Она не предполагает жизнь по законам, по общим для всех правилам игры и ставит все сферы общества и почти всех граждан в унижительную зависимость от «монарших» капризов или от чиновничьего и полицейского произвола.

Обольщаться при этом, конечно же, не стоит, нам не грозит участь Испании: эта страна, хоть и с отставанием по фазе, но всё время эволюционировала, училась жить по чётким правилам и сегодня фактически преодолела разрыв от передовых европейских государств. Мы же если и эволюционируем, то в обратном направлении: от жизни по правилам, пусть даже плохим, к жизни без правил — «по понятиям», по «законам джунглей».

По сути, все основные политические режимы — демократия, авторитаризм и даже тоталитаризм — базируются в целом на правовой модели государства и подразумевают игру по определённым правилам. Хорошая ли эта модель, разумные ли эти правила — это другой вопрос. Азербайджан уже прошёл отчасти этапы тоталитаризма, авторитаризма, но, так и не дойдя до демократии, свернул на неправовую тропу развития. Это уже не авторитаризм и даже не имитационная демократия. Это царство произвола — чиновничьего и полицейского. И по большому счёту, это крах политической системы, угроза самой государственности и прямой путь к наиболее одиозной форме деспотии.

Сегодня надо бить в набат не потому, что у нас неэффективные законы, не демократические институты или несовершенные политико-экономические программы реформирования страны. В конце концов, даже с плохими законами, институтами и программами можно добиться определённых позитивных результатов, обеспечить поступательное развитие страны и, главное, достичь определённого уровня правового государства.

Как говорил Бисмарк: «С плохими законами и хорошими чиновниками вполне можно править страной. Но если чиновники плохи, не помогут и самые лучшие законы». Так что главная проблема не в том, что законы (правила) плохие. Проблема в другом. Ведь когда законы (правила) не работают или работают выборочно, когда все институты подмяты, парализованы или выполняют чисто декоративные функции, когда программы реформирования противоречат одна другой или остаются на бумаге — это действительно может иметь катастрофические последствия для государства и для общества. И уже имеет.

Сегодня мы достигли такой критической фазы коррумпированности и правового беспредела, когда не ревизия правил, а элементарное их выполнение становится главной задачей для вызволения государства и граждан из ситуации неминуемого развала. И в этой связи, самый приоритетный вопрос для нас сегодня даже не в выборе путей и моделей развития: авторитарная или демократическая политическая система; президентская или парламентская республика; капиталистический или социалистический уклад; рыночная или смешанная экономика; «чилийский», «белорусский», «турецкий», «корейский», «российский», «кувейтский» или западноевропейский вариант...

Главное — *вернуться хоть в какое-то правовое поле*, научиться жить по законам, играть по правилам, с тем чтобы остановить политико-экономический и нравственно-психологический распад азербайджанской государственности. С тем чтобы не утратить окончательно шансов на позитивную перспективу.

Правовая стабильность, правовой порядок, правовая ясность — ведь это, по сути, основа политической, экономической и даже социально-психологической стабильности, важнейшее условие порядка и ясности во всех сферах жизни общества. Наличие ясной и эффективной системы работающих правил является необходимой базой для нормального функционирования всех звеньев человеческого общества: именно она структурирует сложную сеть политико-экономических, социальных, межличностных отношений и делает возможным выстраивание последовательных действий и долгосрочных планов.

Правила могут быть мудрыми и глупыми, современными и архаичными, прогрессивными и реакционными, эффективными и противоречивыми. Здесь нет пункта конечной остановки — это нескончаемый нормотворческий процесс, обусловленный тенденциями политико-экономического развития общества. В нашем же случае это даже вопрос второй и третьей степени важности. Ведь для начала важно, чтобы эти правила были, чтобы к ним прислушивались, чтобы они работали, имели императивную и равную для всех силу.

А что мы имеем сегодня? У нас вся вертикаль власти и вся судебноправоохранительная система, откровенно игнорируя, произвольно трактуя или меняя на каждом шагу в угоду конъюнктурным интересам существующие правила игры, демонстрируют полнейшее пренебрежение и к международным нормам, и к собственным законам. В условиях засилья коррупции и монополии на власть и собственность подобная атмосфера нарастающего правового беспредела чревата катастрофическими последствиями для всех сфер общества, грозя разрушить основы социальной жизни и государственности страны.

Любая форма человеческой деятельности основана на соблюдении ясных, четких и не меняющихся в ходе самой игры правил. Их отсутствие порождает стресс, кризис и хаос. Какая дальнейшая судьба в условиях нашего неправового государства ожидает независимый бизнес, свободную прессу, политическую оппозицию, институты гражданского общества, системы образования и здравоохранения, сферы науки и культуры, страну в целом и жизнь отдельных её граждан?

Как быть в подобных условиях тем, кто не желает лгать, воровать и нарушать законы, кто продолжает уповать на право и мораль, кто намерен творить и зарабатывать честным трудом, в условиях честной конкуренции, придерживаясь честных правил игры? Можно ли нормально жить, работать и развиваться или просто даже самосохраниться в подобных неправовых условиях, напоминающих, по словам М. Жванецкого, «светофор, у которого горят три огня сразу»?

(Radioazadlyg.org, 2011)

В ТИСКАХ КЛАНОКРАТИИ И КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

4 июля президент Азербайджана Ильхам Алиев распорядился наградить медалью «Тереги» («Прогресс») группу лиц «за заслуги в развитии азербайджанской диаспоры». Среди награждённых лиц и родная дочь президента — Лейла Алиева, а также сын одного из самых влиятельных олигархов в стране, министра по чрезвычайным ситуациям Азербайджана Кямаледдина Гейдарова — Тале Гейдаров. Они награждены «за заслуги в области укрепления дружбы между народами и развития азербайджанской диаспоры», сообщает АзерТАдж.

В Азербайджане, где прочно утвердилась система культа и кланократии, такая новость уже мало кого особо удивляет. Пикантность же этой новости в том, что Лейла Алиева удостоилась государственной награды буквально через несколько дней после обнародования в прессе разоблачительных фактов о новых «бизнес-подвигах» детей президента — речь идёт о тайном (тщательно скрываемом от общественности) владении Лейлой и Арзу Алиевыми одного из операторов мобильной связи — компании «Азерфон».

К слову сказать, это далеко не первая информация о том, что дети президента Ильхама Алиева контролируют крупный бизнес и обладают колоссальной собственностью, источники которой не разглашаются. Ранее газета Washington Post напечатала журналистское расследование о крупной недвижимости сына и дочерей президента в Дубае, а радиостанция Азадлыг — о приватизации Арзу Алиевой государственного банка без проведения тендера. Чуть позже сайт Contact. az напечатал расследование о том, как первая леди и её дочери контролируют большую часть банковского сектора страны.

К сожалению, ответ высшей власти Азербайджана на подобные публикации всегда был демонстративно контрастным — представители правящего клана удаивались новых титулов, наград, премий, ещё более наращивали свой теневой бизнес и атмосферу культа. И на этот раз, в ответ на скандальное разоблачение, дочь президента удостоилась медали.

Одно из удивительных свойств азербайджанской кланократии — это то, что её высшие представители и члены правящей семьи отнюдь не желают ограничиваться всей полнотой политической и экономической власти в стране, а притязают также на символическое, статусное и культовое подкрепление своих непомерных амбиций. Огромные привилегии, высшие посты и должности, непомерные бизнес-ресурсы, дворцы и особняки в различных уголках мира, миллиардные состояния, неограниченные масштабы прямого и теневого влияния и пр. — всего этого им вроде бы мало. Слово борясь с каким-то тайным комплексом неполноценности, они беспрестанно «самоутверждаются», всё время жаждут орденов и медалей, славы и признания, культа и почитания, новых званий и титулов.

Вспомним. В 1998 году Гейдар Алиев удостоил собственного брата, академика Джалала Алиева, Ордена независимости. В апреле 2005 года президент Ильхам Алиев вручил себе главную награду страны — новоутверждённый Орден Гейдара Алиева. В 2010 году ордена «Шохрет» («Славы») удостоился племянник Гейдара Алиева — бессменный глава Нахчыванской автономной республики Васиф Талыбов. Не остались без весомых государственных наград и члены влиятельного пашаевского клана. В 2009 году орденом «Шараф» («Почета») был награждён отец Мехрибан Алиевой академик Ариф Пашаев. А в мае этого года президент Ильхам Алиев наградил орденом «Шохрет» («Почёта») дядю первой леди Хафиза Пашаева — замминистра иностранных дел и ректора Дипломатической академии. И вот наградная очередь дошла уже и до детей президента.

В последние годы явно прослеживается тенденция: явный рост государственного внимания и интереса к «августейшим» персонам сопровождается столь же явным ослаблением внимания и интереса к рядовым гражданам страны — к их проблемам, нуждам, чаяниям. Логика развития клептократической кланократии уже привела к ситуации, когда вся страна превратилась в зону обслуживания интересов, капризов, амбиций и желаний правящей семьи и горстки влиятельных олигархов. Если вывести за скобки сферу пропаганды, то «его величество народ» постепенно становится лишним элементом в политической системе современного Азербайджана.

Показательный пример. Если в прежние годы ни одни торжества, праздники или внутренние вояжи президента не обходились без фактора «народ-

ного присутствия», пусть даже тщательно подготовленного, то теперь ситуация в корне изменилась. Декларируя на пропагандистском уровне лозунг «Всё для народа, во имя народа!», правящая элита на деле стремится реализовать принцип — «Но без самого народа!». Иначе как объяснить некоторые парадоксы. Например, в этом году участие президента, членов его семьи и представителей властвующей элиты на традиционных «всенародных торжествах» в честь праздника весны (Новруз) прошли в условиях полного отсутствия самого народа — вся огромная приморская часть центра города была взята под плотный полицейский кордон и представляла, по сути, безлюдное пространство. Или, скажем, недавний грандиозный военный парад на главной площади страны: опять же вся территория вокруг площади и прилегающие части города оказались полностью недоступны для простых смертных, желающих тоже возгордиться достижениями Азербайджана в области военной техники.

Или взять последний факт, о котором пишут газеты. Власти решили снести уже давно заселённое 16-этажное жилое здание только по той негласной причине, что из верхних этажей может просматриваться часть территории строящейся в отдалении новой резиденции президента. Этот факт прекрасно иллюстрирует кланово-олигархическую природу азербайджанской власти и её демонстративное пренебрежение к правам и интересам рядовых граждан. А ведь всё начиналось с политики культа личности...

С первых же дней своего президентства Ильхам Алиев взял курс на утверждение беспрецедентного культа своего отца в статусе «общенационального лидера». Изначально чувствовалось, что это крайне важно для Ильхама Алиева — как в плане политического самоутверждения, так и с целью придания некоего «легитимного» начала азербайджанской неомонархии. В соответствии с этой мотивацией авторитет Гейдара Алиева как типичного лидера авторитарно-кланового режима стал претерпевать определённую метаморфозу. С 2003 года в политической биографии Гейдара Алиева началась, по сути, новая фаза — «жизнь после смерти», когда личность вождя была подвергнута целенаправленной культовой идеализации. Стараниями сына и всей правящей команды в стране развернулась кампания возвеличения («ленинизации») имиджа вождя и пересмотра под этим углом зрения новейшей истории Азербайджана.

В соответствии с установкой президента И. Алиева, на идеализацию имени и памяти Гейдара Алиева с декабря 2003 года началась и перманентно наращивается масштабная работа по насаждению атрибутов культа личности «общенационального лидера». В каждом населённом пункте страны открыты памятники и музеи вождя, построены и продолжают строиться имени Гейда-

ра Алиева парки, проспекты, школы, спортивные и культурные центры, предприятия и т. д. Причём в целом ряде населённых пунктов страны происходит уже энное «клонирование» одних и тех же культовых объектов.

Исключительное место в тиражировании атрибутики вождизма отводится столице. Почётный гость Баку прибывает в аэропорт имени вождя, проезжает по проспекту его имени, возлагает венок на могилу и цветы к подножию памятника «общенационального лидера», посещает музей и Фонд Гейдара Алиева, встречается с общественностью во дворце, носящем его имя, и далее совершает экскурсии по многочисленным объектам имени вождя. Вдобавок представители правящей элиты рассказывают почётному гостю биографию вождя, дарят всякие книги и буклеты, так или иначе ассоциируемые с его жизнью и именем. Словом, вся страна и столица Баку плотно насыщены объектами памяти вождя, и потому велика вероятность «встречи» с ним на каждом шагу.

Стараниями правящего режима вождь ни на минуту не оставляет граждан в покое и в частной жизни, поскольку почти всё информационное пространство Азербайджана насыщено его культовой атрибутикой: официальные СМИ и, в особенности телеканалы, каждодневно транслируют фильмы и передачи, посвящённые Гейдару Алиеву. Властные структуры уделяют особое внимание идеологическому и информационному обеспечению программы утверждения культа вождя и внедрения в общественное сознание священного образа «общенационального лидера». Изо дня в день идёт интенсивное культовое зомбирование общества. Вся страна уже который год охвачена этим зомбированием и практически невозможно найти какой-либо «бункер» для спасения от культа вождя.

Апогей культового зомбирования общества приходится на май—июнь, поскольку 10 мая — дата рождения вождя (Праздник цветов), а 15 июня — дата его возвращения к власти (День национального спасения). Фактически в течение этого почти двухмесячного культового цикла вся страна «проваливается» в идеологически-информационную вакханалию, которая не поддаётся логическому осмыслению и словесному описанию.

Но природа политического культа такова, что его невозможно удержать в каких-то разумных пределах или ограничить рамками какой-то отдельной личности. Если политическая система начинает функционировать в режиме, явно тяготеющем к культу личности и кланократии, то рано или поздно культ почившего правителя грозит трансформироваться в одиозный культ здравствующего правителя и членов его семьи.

Так оно и вышло. Сегодня культовые дифирамбы в Азербайджане возносятся не только «во имя отца», но уже чуть ли не по полной сакральной

формуле — «Во имя отца, сына и всего святого семейства». Культ личности ускоренно трансформируется в культ семьи.

Правящая семья и властвующая элита в Азербайджане очень любят по каждому поводу демонстрировать всем свою современность и даже «европейскость». Но разве это измеряется знанием языков, внешним лоском, модной одеждой и техникой, фешенебельными особняками, дорогими яхтами, модернизационными проектами?.. Ведь на примере насаждения культа и кланократии неомонархический Азербайджан каждодневно демонстрирует свою приверженность не современным требованиям и европейским канонам, а наихудшим и отжившим образцам восточной тиранической традиции, с присущими ей политическими ритуалами, пренебрегающими правами и свободами граждан. С таким набором негативных мировоззренческих и поведенческих подходов можно ли выстроить позитивный имидж власти и тех, кто эту власть вершит?

(ИА REGNUM — июль 2011)

ПРЕЗИДЕНТУРА ИЛИ ДИКТАТУРА?

После развала СССР почти во всех постсоветских странах, словно по единой команде, была утверждена особая форма президентской республики, представляющая собой странный симбиоз французской и латиноамериканской («легально диктаторской») моделей, с сохранением многих элементов прежней советской системы. Выбор подобной формы правления был не случаен: она была более «знакома» и притягательна для правящей советской номенклатуры. Предполагалось также, что такая президентская власть позволит осуществить мягкую трансформацию тоталитарной системы в демократическую. К тому же избранная президентская модель, с её жесткой вертикалью власти, считалась более адекватной для решения сложных задач переходного периода, и в частности обеспечения стабильности. Видимо, учитывались и рекомендации Запада (США), которому данная форма правления облегчала возможности манипулирования новыми постсоветскими государствами: ведь куда проще воздействовать на одного человека, чем на многоликий парламент и мозаичную общественность страны.

Не оспаривая известные преимущества этой формы правления, особенно для решения сложных задач переходного периода, тем не менее есть резон задаться вопросами: насколько соответствует то, что мы имеем, скажем, в Азербайджане, канонам президентской системы и оправдывает ли она себя на нынешнем этапе развития страны?

Азербайджан уже 20 лет является президентской республикой — срок немалый и для адаптации, и для осмысления. За это время у руля государства были 4 президента: по одному году — Аяз Муталибов и Абульфаз Эльчибей, 10 лет (два срока) — Гейдар Алиев, и уже 8 лет (второй срок) — его сын, действующий гла-

ва государства Ильхам Алиев. Уже при правлении А. Муталибова была заложена чисто бутафорская основа института президентской власти: первый секретарь Компартии стал президентом, члены бюро — советниками, секретари райкомов — главами исполнительной власти. Но формальная перемена ролей отнюдь не привела к перемене кадров, функций, стиля и методов работы. Страна, по сути, управлялась как в советское время. При недолгом правлении А. Эльчибея была предпринята попытка придать системе власти более динамичный, полицентристский и коллегиальный характер. Но эти начинания базировались на спонтанной инициативе и дилетантском подходе, не были подкреплены необходимыми законодательными и институциональными мерами. И потому внешне все выглядело как хаотическое брожение и перманентный кризис власти.

В отличие от них, Г. Алиев проработал в должности главы государства целых 10 лет: он единственный из президентов страны, который сумел «отсидеть» два полных срока и уйти (в мир иной), не будучи поверженным и обеспечив переход власти в руки сына. В этом плане он имел благоприятную возможность в полном объеме заложить и задействовать конституционные, правовые и институциональные основы президентской республики. Вместе с тем именно он, в конечном счете, низвёл эту сложную модель правления до уровня заурядной диктатуры и придал ей откровенно гротескный характер.

Но только ли харизматические наклонности, властные амбиции и советский опыт Г. Алиева в том повинны? Ведь эта система не сработала эффективно и в период правления его предшественников и выродилась до уровня примитивного выборного самодержавия в годы президентства его преемника. Может быть, энергия абсолютизма, деспотии и культа личности подпитывается нашим тоталитарным советским наследием, патерналистским менталитетом и недемократическими традициями стран Востока? И, в этой связи, не провоцирует ли к такой системе политического поведения сама «постсоветская модель» президентской республики — жёсткая пирамида (дисбаланс) власти и широта полномочий лица, возведённого на её вершину?

По сути, в Азербайджане сложилась парадоксальная форма правления — выборное самодержавие. Объём полномочий президента сопоставим с полномочиями монарха в восточном абсолютистском режиме. Но способ легитимизации власти и конституционный статус главы государства формально другие: он считается всенародно избранным и ответственным перед гражданами президентом. Эта система то ли президентской диктатуры, то ли выборного самодержавия имеет для самой власти ряд несомненных плюсов — легче поддерживать спокойствие и стабильность, полный простор для коррупции, культа, монополизма и правового волюнтаризма. Главный же её минус в том,

что эта система не работает на всех граждан и неизбежно ведёт страну к застою. Кроме того, падение доверия к президенту неизбежно оборачивается деградацией государственной власти, а полнота его власти в такой системе — это и полнота персональной ответственности. Противоречие между способом функционирования власти (самодержавие) и способом её легитимизации (выборы) делает всю политическую конструкцию парадоксальной, запутанной и неустойчивой в долгосрочной перспективе.

Такой режим сочетает в себе имитационную демократию и жёсткий авторитаризм. Формирование элиты и её функционирование носят закрытый характер. Перманентно идёт процесс восстановления основных компонентов несоветской номенклатурной системы. Роль населения в политике целенаправленно минимизируется, сокращаясь в идеале до выполнения единственной функции — управляемого (имитационного) голосования. Последовательно проводится процесс деполитизации общества, систематически нарушаются права граждан и общественных организаций, перманентно сокращаются зоны свободы (слова, мысли, собраний). Управляемость голосованием и общественным мнением осуществляется благодаря контролируемой системе информационно-пропагандистского воздействия. Прямое насилие минимально и носит в основном устрашающий или предупреждающий характер. Используются методы информационной изоляции конкурентов и их пропагандистского уничтожения. Но прямое насилие не отрицается, оставаясь крайним методом воздействия. При этом силовые операции против конкурентов проводятся в основном в скрытом виде, при помощи полиции, спецслужб и наёмных карателей.

Режимы подобного типа не могут существовать долгое время без идеологической базы, которая одновременно помогает исполнять контрольные, репрессивные, пропагандистские и организаторские функции. Может, по этой причине правящая элита Азербайджана предпринимает в последние годы активные, но пока безуспешные попытки создать на базе культа «общенационального лидера» некую идеологию «гейдаризма».

Понятия «сильного государства» и «порядка» рассматриваются как основные инструменты и ресурсы решения практически всех проблем — и социальных, и экономических, и политических. Основным критерием оценки действий государства становится конъюнктурная эффективность решения тех или иных проблем, а не соображения законности, политкорректности, учёта интересов граждан, соответствия морали, демократии или общественным ожиданиям. В рамках такой модели «управляемой демократии» акцент всё больше и больше делается на первое слово, что неизбежно ведёт страну в тупик «управляемой диктатуры».

Говорят, примеры учат. Так вот, почти ни одна из восточных стран с опытом централизованной (президентской) системы власти не смогла обеспечить нормальное функционирование в режиме правового демократического государства и избежать соблазнов диктаторства, престолонаследия или культа. И наоборот, те несколько стран Востока, в которых действует парламентская система власти (Турция, Япония, Индия) во многом избежали этих соблазнов и обеспечили механизмы демократического правления и преемственности власти. Странно, что во всём остальном, ориентируясь на опыт Азербайджанской Народной Республики (1918–1920) и современной Турции, наша страна почему-то именно в этом принципиальном вопросе не посчитала нужным последовать их «парламентскому примеру» или хотя бы серьёзно подумать, прежде чем внедрять жёсткую президентскую систему власти, чреватую опасным сползанием к диктатуре.

Ведь если подходить формально, то во Франции и Польше, в Беларуси и Азербайджане — примерно схожие модели президентской республики. Но насколько разителен контраст между первыми и последними странами. Для первых характерен правовой порядок в рамках демократической линии развития и реальный баланс между различными ветвями власти, достигаемый с помощью эффективной системы сдержек и противовесов. Для последних — игнорирование норм демократии, чисто формальное разделение ветвей власти, полное отсутствие каких-либо сдержек и противовесов и, как следствие, ничем не ограниченная власть президента и его команды.

Между тем опыт Украины и Грузии, предпринимающих реальные шаги по переходу от постсоветской модели «президентской диктатуры» к мягкой президентско-парламентской системе, а также пример Кыргызстана, осуществившего переход к парламентской форме правления, мог бы послужить позитивным сигналом для всех стран СНГ, включая и Азербайджан. Ведь уже очевидно, что с нынешней системой президентской диктатуры или выборного самодержавия нам вряд ли удастся дошагать до уровня правового демократического государства и гражданского общества. Не пора ли (пока не поздно) пересмотреть эту систему или хотя бы начать серьёзно размышлять на данную тему?

Не подлежит сомнению, что в целом парламентская форма правления больше отвечает букве и духу либеральной демократии. Вместе с тем именно она является самой сложной формой организации и регулирования политико-правовых отношений и предполагает более высокий уровень гражданской, политической и даже партийной культуры в обществе. Наше общество, думается, пока ещё не готово к переходу к парламентской системе правления. На ближайшие годы президентская модель (в более мягкой и пра-

вовой форме) или смешанная (президентско-парламентская) форма правления, видимо, более адекватны состоянию нашего общества и кругу решаемых задач. Объектом критики является не президентская республика как таковая, а утвердившаяся в Азербайджане и ряде стран СНГ уродливая, абсолютистская модель легальной диктатуры или выборного самодержавия, которую лишь с натяжкой можно именовать президентурой республикой.

Сама по себе президентская форма правления — это весьма эффективный политический институт, который уже давно и положительно зарекомендовал себя в практике многих стран. По большому счёту, имеет право на «политическую жизнь» даже вариант сильной президентской власти, но только если она основана на легитимности, конституционности, эффективности и не вырождается в заурядную диктатуру. Главный вопрос в другом: отвечает ли система власти в Азербайджане и в ряде стран СНГ правовой модели президентской республики? Ведь в формальную оболочку президентской системы власти можно упаковать совершенно разные формы организации властных отношений. За формальным фасадом президентской республики может скрываться и личная диктатура, и режим олигархии. Президентская власть может быть и эффективным инструментом демократических преобразований, и орудием репрессивного порабощения общества. Так что президентство как таковое таит в себе самые полярные возможности: от примитивной «туркменбашизации» страны до динамично развивающейся политической конструкции.

В конечном счёте, конкретная формула президентства определяется политической зрелостью общества. Как правило, более или менее сформировавшееся гражданское общество, обкатанные демократические традиции, относительно укоренённая партийная структура порождают парламентскую систему, с избранием президента депутатским корпусом. Там же, где социальные и политические институты не развиты, вакуум заполняет сильная президентская власть, нередко с жёсткими авторитарными тенденциями. Вместе с тем в нормальном правовом государстве даже сильная президентская власть не должна поработать и подменять общество: она призвана содействовать развитию общей политической и гражданской культуры и по мере решения данной задачи — освобождаться от избыточных властных и контролирующих функций. В Азербайджане же вектор развития пошёл в ином направлении: сильная президентская власть парализовала всё общество и выродилась в надполитическую форму личной и семейно-клановой диктатуры. Показательно, что ей уже стало тесно даже в рамках авторитаризма и двукратного цикла: она претендует на тотальную власть, не ограниченную в социальном пространстве и во времени.

Между тем характер политической власти определяет не только степень свободы граждан, но и тип экономического и социального развития. Установление жёстко авторитарных и олигархических режимов под видом президентских республик ведёт к крайне несправедливой приватизации государственной собственности, быстрой имущественной поляризации, экспансии коррупции и монополизма, засилию паразитических форм капитала и, как следствие, социальной напряжённости. Материальная придавленность закрепляет гражданское и политическое бесправие основной части населения. В одной стране словно образуются два общества, находящиеся в состоянии антагонизма друг с другом. Монополизация всей жизни страны ведёт к тому, что в обществе воцаряется застойная стабильность.

Несомненно, стабильность — необходимое условие развития общества. Нарушение стабильности, особенно в формирующихся государствах, не выработавших механизмов цивилизованного регулирования внутривнутриполитических коллизий, чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Вместе с тем существуют различные стратегии достижения стабильности (тоталитарная, авторитарная, демократическая) и, соответственно, различные пути реализации либо позитивных, либо негативных тенденций. В Азербайджане стабильность всё время обеспечивалась преимущественно на базе авторитарно-тоталитарных стратегий и служила в большей мере упрочению режимов личной и клановой власти. Такая стабильность способствует лишь усилению или консервации авторитаризма и уже не сулит стране позитивных перспектив.

Разумеется, нельзя полностью отрицать преимущества (позитивную роль) умеренного или разумного авторитаризма (учитывая кризис переходности и традиции патернализма). Но современный миропорядок накладывает на авторитаризм определённые демократические ограничения, несоблюдение и игнорирование которых таит серьёзную угрозу для будущего любой страны. Иными словами, для переходных стран временно как бы «допускается» возможность авторитарной (вертикальной) демократии. Но при этом полагается, что постепенно, по мере институционализации общества и блокирования многих опасных угроз, демократические тенденции возобладают над тенденцией роста «безграничного» авторитаризма. В Азербайджане процесс идёт с обратным вектором — рост «безграничного и безальтернативного» авторитаризма трансформируется в ничем не ограниченный режим власти президента, членов семьи и олигархической номенклатуры.

Конечно, отход от патерналистской модели «президентской диктатуры» таит на первых порах угрозу определённой дестабилизации ситуации, создаёт проблему болезненной адаптации общества и институтов власти

к новым, более демократическим правилам игры, порождает опасность правительственных и парламентских кризисов. Но таков путь от застойной авторитарно-тоталитарной стабильности к динамичной демократической стабильности. Через эти испытания свободой и ответственностью, через эту школу гражданского взросления прошли все страны, избравшие демократический путь развития: рано или поздно ребёнок должен отпустить руку отца и научиться ходить самостоятельно.

Ущербность модели власти в Азербайджане во многом обусловлена фактором нелегитимности (отсутствием честных выборов): и президент, и парламент только формально наделяются мандатом доверия народа, на деле же они неподотчетны обществу. А это, в свою очередь, ещё более усиливает неправовой, авторитарный и даже волюнтаристский потенциал действующей системы власти. Вся модель власти сфокусирована на фигуре президента и «президентской камарильи», высоко вознесшихся над партиями, парламентом, судом, всеми другими политическими институтами и обществом в целом. Фактически президент и его окружение не подотчетны никому, поскольку существующие институты слишком слабы, чтобы уравновешивать и контролировать эту власть. Такие режимы в разные исторические эпохи получали наименования цезаризма, бонапартизма, каудилизма, выборного самодержавия, легальной диктатуры и т. д. Эти системы власти обречены на вращение в порочном круге: с одной стороны, они порождены слабостью демократических ценностей, норм, институтов, с другой — они как бы консервируют это состояние. Даже президенты в такой системе власти мало что могут изменить, ибо они всемогущи и бессильны одновременно. Потому рассчитывать, что эти системы изменятся сами по себе, было бы верхом наивности.

Формальная смена элит при сохранении существующей коррумпированной бюрократической системы и модели президентской диктатуры не изменит ровным счётом ничего. Не сегодня, так завтра — всё равно не обойтись без политико-правовой трансформации действующей модели власти. Сегодня теоретически ещё сохраняется шанс — реальная возможность взять курс на комплексные реформы и формирование более мягкой, сбалансированной и правовой модели президентской республики. Для обеспечения этого шанса необходимо осознание со стороны политической элиты и общества реальных угроз — нужна своеобразная «революция» в умах, способствующая росту гражданского самосознания, личной ответственности, чувства собственного достоинства и веры в собственные силы. Ведь власть начинает отвечать запросам общества только тогда, когда общество начинает этого требовать. Не пора ли требовать?